

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ
ИЮНЬ N3(159)

МОСКВА 2025

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2025. № 3 — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшквич (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; к.э.н. Н.П. Недзвецкая;
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2025

Содержание

Растрепаный постмодернизм (<i>Главный редактор</i>)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Д.К. Стожко, К.П. Стожко</i> «Парадокс ценности»: теоретико-методологические аспекты	11
<i>Л.А. Мурзанова</i> Принцип целостности в философии хозяйства	29
<i>М.Ю. Павлов</i> Эссе о перспективах искусственного интеллекта, математического моделирования и «живой» математики	37
<i>Н.С. Севастьянов</i> Современное философско-методологическое обеспечение инновационного и технологического развития русской экономики	49
<i>С.Г. Ковалев</i> Метафизика доминирования: США от Арктики до Антарктики. Пространственная геоэкономика будущего	57
<i>Д.А. Михалев</i> Философские и экономические подходы к концепции технологического суверенитета.....	67
Раздел II. Экономическая теория	
<i>К.А. Хубиев</i> Системная оценка экономической политики Трампа — трампономики	91
<i>В.В. Бирюков</i> Общественная собственность и ее центральная роль в построении хозяйственной системы	103
<i>Л.К. Чулков</i> Коллективная и индивидуальная формы хозяйственной деятельности.....	119
<i>Л.Г. Чердниченко, А.В. Матыцын,</i> <i>А.М. Джабраилов, М.К. Липидус</i> Анализ проблем и перспектив развития гибридных моделей прогнозирования спроса на нефть.....	127
<i>С.Г. Капканищев</i> К дискуссии о результативности антирусских санкций.....	145

<i>Н.А. Розинская</i>	
Влияние экспорта зерна на развитие аграрного сектора Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.	165
<i>М.А. Арзуманян</i>	
Теоретические предпосылки развития системы образовательных кредитов: в поиске баланса частных и общественных интересов	186
<i>А.Ю. Козловский</i>	
Древневосточные и античные представления о социально-экономической типологии стран мира	199
Раздел III. Актуальная философия	
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Информация в поисках отчего мира	213
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Русские смыслы в сказке П. Ершова «Конек-Горбунук»	228
<i>И.Г. Морозов</i>	
Философские основания догматики Карла Барта. Бог как имманентная трансценденция	237
Раздел IV. Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
МИР и ПЕРЕМЕНА: кто кого?	265
<i>Г.С. Широкалова</i>	
Совместные думы: какой быть семье (в) России... ..	267
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Историческая память	280
Научная жизнь	
<i>Н.П. Недзвецкая</i>	
Знаменательный юбилей в Париже	289
Анонсы — 2025	293
Наши авторы	295

Contents

Postmodernism Disturbed (<i>Chief Editor</i>).....	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>D.K. Stozhko, K.P. Stozhko</i>	
The «Paradox of Value»: Theoretical and Methodological Aspects.....	11
<i>L.A. Murzanova</i>	
The Principle of Integrity in the Philosophy of Economy.....	29
<i>M.Yu. Pavlov</i>	
Essay on Prospects for Artificial Intelligence, Mathematical Modeling and «Living» Mathematics	37
<i>N.S. Sevastjanov</i>	
Modern Philosophical and Methodological Support for Innovative and Technological Development of the Russian Economy	49
<i>S.G. Kovalev</i>	
The Metaphysics of Dominance: The United States from the Arctic to the Antarctic. Spatial geoeconomics of the future	57
<i>D.A. Mikhalev</i>	
Philosophical and Economic Approaches to the Concept of Technological Sovereignty	67
Part II. Economic Theory	
<i>K.A. Khubiev</i>	
A Systemic Assessment of Trump's Economic Policy — Trumponomics	91
<i>V.V. Biryukov</i>	
Public Property and Its Central Role in Building the Economic System.....	103
<i>L.K. Chulkov</i>	
Collective Form and Individual Form of Economic Activity	119
<i>L.G. Cherednichenko, A.V. Matysyn,</i> <i>A.M. Dzhabrailov, M.K. Lapidus</i>	
Analysis of Problems and Development Prospects for Hybrid Oil Demand Forecasting Methods.....	127
<i>S.G. Kapkashchikov</i>	
On the Discussion of the Effectiveness of Anti-Russian Sanctions	145

<i>N.A. Rozinskaya</i>	
The Impact of Grain Exports on the Development of the Agricultural Sector of the Russian Empire in the Second Half of the 19th — Early 20th c.	165
<i>M.A. Arzumanyan</i>	
Theoretical Prerequisites for the Development of the Educational Credit System: in Search of a Balance of Private and Public Interests.....	186
<i>A.Yu. Kozlovskiy</i>	
Ancient East and Antique Ideas about World`s Countries Social and Economic Typology	199
Part III. Actual Philosophy	
<i>N.B. Shulevsky</i>	
Information in Search of Father's Peace.....	213
<i>N.N. Rostova</i>	
Russian Meanings in P. Ershov's Fairy Tale «The Hunchback Horse».....	228
<i>I.G. Morozov</i>	
The Philosophical Foundations of Karl Barth's Dogmatics. God as an Immanent Transcendence.....	237
Part IV. Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
World and Changes — Who is Who?	265
<i>G.S. Shirokalova</i>	
Joint Thoughts: What Kind of Family Should There Be (in) Russia... ..	267
<i>I.G. Shevchenko</i>	
Historical Memory	280
Scientific Life	
<i>N.P. Nedzvetskaya</i>	
The Significant Anniversary in Paris	289
Anounce — 2025	293
Our Authors	298

Растревоженный постмодернизм

С феноменом глобального (всеобщего, целостного) *постмодерна* — этого выскочившего прямо из Преисподней бесподобного наследника эпохи Модерна с ее уникальным *просвещением* и ее несравненной, заслуженно ставшей классической культурой, как и с восприятием сего феномена все еще образованным и воспитанным более или менее классически людом как действительно наступившей в стиле Последних времен и всю уже доминирующей на Земле эпохи, все или почти все вроде бы уже ясно и особых недоумений и протестов не вызывает, что, однако, совсем не мешает еще бытующему классическому интеллект-ресурсу обратить внимание на тотальную дезинтеллектдеградацию (мертвящее вульгарное упрощение) не просто образования, культуры, смысловой (теоретической) гуманитарной науки, как и той же философии, с их основополагающим гуманизмом, но и самого человеческого бытия, на поверхности прикрытого вроде бы изобильным, хотя и немало уже обесмысленным потреблением, причем не одних лишь явств, одежды, зрелищ, словес, картинок, лжи, но и атмосферы, вод, земельных ресурсов, энергии, мало того, самого земно-космического пространства, а также хаотическим туда-сюда людским мельтешением (иначе не скажешь!), причем все равно каким, как, где, зачем, откуда, куда, аккуратно теми самыми потреблением и мельтешением, которые лишают жизнь человеческую... э-э... *самой себя*, превращая ее в псевдочеловеческую и немало в античеловеческую... *нежизнь*, а точнее бы сказать — в *нежить*.

А ежели к сему этому еще добавить, что с постмодерном пришли и все более доминируют в псевдополитической (игровой, обманной), квазисоциальной (имитационной, тусовочной, демонстративной), квази-идеологической (прельстительной, путаной, лживой), антикультурной (сатано-поскудной), ну и поведенчески-де свободной (на самом-то деле лжесвободной), сферах так называемая, причем называемая в сми открыто, акцентированно и даже не без восхищения, *постправда*, равным образом хорошо известный человечеству, но ставший первенствующим, а главное, вольноопределяющимся, ежели вообще не замораживающимся на какое-либо самоопределение, *произвол* вкупе со столь же вроде бы вольной, хотя и тщательно и незаметно регламентируемой *Свободой* (лже-Свободой), то постмодерновая картина *нежизни-нежити* становится вполне себе целостно дорисованной, как нередко оказывается вдруг законченным с последним темно-теневым мазком какое-нибудь — смыслово никак не выраженное (чуть ли не «загадочное»!) — авангардистского пошиба худпроизведение (от почему-то родственных «художество» и «худо»).

Ежели феномен произвола всем более или менее понятен как историческая данность, то постправда, надо полагать, состоит не в том, что она какая-то заведомая ложь, либо ловкая полуправда, или тот же новомодный симулякр, а некое манковое, вовсе не всегда и оксюморонное... *ничто*, причем иной раз даже внешне правдивое и немало на показ даже искреннее, однако, что самое главное, беззастенчиво... *пустое*, что не значит, что не действенное, а при случае и вполне себе смертоносное.

Да, во всем этом или в чем-то подобном, скажут нам, нет ничего нового, так было и есть издавна, хотя бы с приходом каиногенной цивилизации, может, и даже с более «раньшего» времени, т. е. с самого, знаете ли, запуска оснащенного сознанием земно-космического хомо-проекта.

Спорить не будем, может, это и так, однако если ранее все этакое более или менее осуждалось, преследовалось и ограничивалось, пусть и не всегда эффективно, с переменным успехом и не до конца (природа тут естественная и гуманитарная немало подкачала!), то сейчас не только не осуждается, всерьез не преследуется и никак не ограничивается, наоборот, как раз уже во времена потребительского безумия и туда-несюда мельтишинного помешательства, как и не на шутку разгулявшегося произвола и тщательно регулируемой поведенческой лжесвободы, получила не просто широкое распространение, а прямо-таки права всемирного гражданства, перейдя даже в разряд экзистенциальной, точнее, уже более всего *постэкзистенциальной*, доблести.

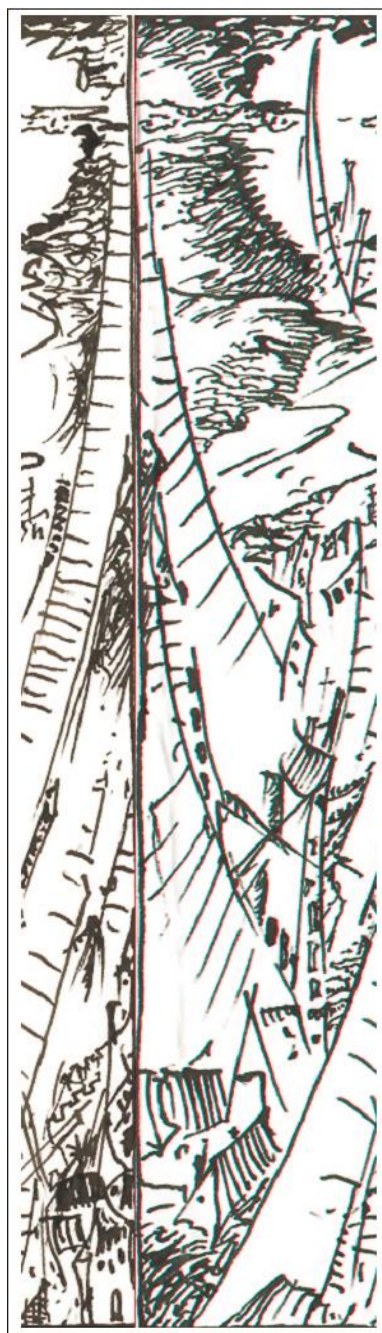
Отсюда и феномен растревоженного, словно пчелиный улей, *постмодернизма*, в нашем же случае более всего политико-поведенческого, чему одним из ярчайших примеров служит сингулярный *феномен Трампа* (нет, не феномен Трампа, а именно феномен Трамп), разумеется, не феномен Линкольн или тот же феномен Сталин, даже не феномен Гитлер, впрочем... не без переклички со своими предшественниками, однако много чего несущий в себе уже *иного*, как раз из постмодернового, ранее в таком сгущении все-таки небывалого.

Словечко «трамп» в переводе на русский всего-навсего «прыжок», да вот у нас тут прыжок не на батуте вовсе, а в среде самой мироэкзистенции, включая и экзистенцию Российской Федерации, немало уже постмодерновой и квазизападной, как и не исключаяющей исторической, посконной-де Руси-России, да вот каким же он станет среди посмодернового *Хаоса* и постмодернистского *Страха*, прыжок-то сей, куда и с какими последствиями, а-а?

Главный редактор

I

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

Д.К. СТОЖКО, К.П. СТОЖКО

**«Парадокс ценности»:
теоретико-методологические аспекты***

Аннотация. В исследовании представлен анализ «парадокса ценности», существующих в современной науке представлений о феномене «ценности» (А. Смит, Н.О. Лосский, К.Х. Момджян, М. Рокич, В.П. Тугаринов, В.Э. Франкл и др.); аргументировано положение о ценности как об особом духовном феномене и как о социальном отношении. Показано, что ценность как нравственная норма и ценность как экономическое представление о ней выступают полярными по отношению друг к другу в рамках их диалектического единства, в основе которого лежит противоречие между объективными интересами человека и его субъективными потребностями. Смысловая аберрация феномена ценности обусловлена отходом науки от требований категорического императива и девальвацией аксиологического основания самого процесса научного познания в области человекознания. Попытки замены категорического императива нравственности, сформулированного И. Кантом, идеей «нейтрально ценностной» науки (Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек и др.) и отрицание ценности как духовной максимы как раз и порождают противоречие в представлениях о ценности как духовно детерминированном социальном отношении. Аргументировано мнение о необходимости восстановления абсолютных традиционных духовно-нравственных ценностей как аксиологической основы хозяйственной деятельности и развития общественных отношений.

Ключевые слова: индивидуализм, коллективизм, отношение ценности, парадокс ценности, полезность, рациональность, социальное отношение, «чистые формы» в науке.

Abstract. The study presents an analysis of the «paradox of value», existing in modern science ideas about the phenomenon of «value»

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Стожко Д.К., Стожко К.П. «Парадокс ценности»: теоретико-методологические аспекты // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 11—28. DOI: 10.5281/zenodo.15424013.

(A. Smith, N.O. Lossky, K.Kh. Momdzhyan, M. Rokeach, V.P. Tugarikov, V.E. Frankl and others); the position on value as a special spiritual phenomenon and as a social relationship is substantiated. It is shown that value as a moral norm and value as an economic idea of it act as polar in relation to each other within the framework of their dialectical unity, which is based on the contradiction between the objective interests of man and his subjective needs. The semantic aberration of the phenomenon of value is due to the departure of science from the requirements of the categorical imperative and the devaluation of the axiological basis of the very process of scientific cognition in the field of human knowledge. Attempts to replace the categorical imperative of morality formulated by I. Kant with the idea of a «neutral value» science (L. von Mises, F. von Hayek, etc.) and the denial of value as a spiritual maxim are precisely what give rise to a contradiction in the ideas about value as a spiritually determined social relation. The opinion on the need to restore absolute traditional spiritual and moral values as an axiological basis for economic activity and the development of social relations is substantiated.

Keywords: individualism, collectivism, value relation, value paradox, utility, rationality, social relation, «pure forms» in science.

УДК 130.1.
ББК 87.6

Введение

Как это ни покажется странным, но современная наука, при высоком уровне ее развития и выдающихся достижениях, полна парадоксов. Считается, что «парадокс — это такое суждение, которое противоречит нашим знаниям об окружающем мире, формально-логическим законам, рассудочному мышлению или обыденным представлениям, при этом может быть выражено в остроумной сжатой форме и содержит в себе новое особенное мнение» [6, 176]. Не вдаваясь в тонкости и различия разных трактовок феномена парадокса, которые имеются в современной науке [19; 20; 25], отметим лишь то, что научные парадоксы имеют свою особую природу, связанную с динамикой развития науки и окружающей ее реальности. При существенном нарушении алгоритма этой динамики и тем более отстав-

нии науки от реальности или наоборот как раз и появляются парадоксы, т. е. феномены, смысл которых заключается в противоречии объективной реальности и субъективных представлений о ней. В отличие от заблуждений, ошибок или абсурда, парадокс предполагает, чтобы его разъяснили (объяснили), чтобы прежние представления были логическим образом приведены в соответствие с реальностью. Тем самым парадокс является конструктивным мыслительным явлением в научном исследовании, наряду с интуицией, гипотезой, гениальностью и т. д. Об этом писал в свое время еще М.В. Ломоносов: «И гений, парадоксов друг...».

Целями исследования являются анализ современного «парадокса ценности», существующих в современной науке представлений о феномене «ценности» и обоснование положения о ценности как об особом духовном феномене и социальном отношении.

Результаты

Термин «парадокс ценности» впервые в науке сформулировал А. Смит, рассматривавший его как противоречие между объективной необходимостью в каком-либо благе для удовлетворения человеческих потребностей и субъективной полезностью — осознанием потребителем ценности данного блага. Основой такого парадокса является сама диалектика объективных экономических интересов людей и их представлений об этих интересах, которые на поверхности явлений выступают в качестве субъективных потребностей. Вопрос о том, почему потребности, которые являются субъективным отражением объективных интересов, часто не совпадают с ними, как раз и является ключевым в постановке и решении проблемы «парадокса ценности». Иначе говоря, формально-логические противоречия, которые возникают при сохранении логически правильного рассуждения о благах и порождают то, что принято называть «парадоксом ценности». В художественной форме данная проблема отражена в известном рассказе В.Г. Короленко (1853—1921) «Парадокс» (1894), в котором речь идет об известном парадоксе, согласно которому «человек создан для счастья, как птица для полета», но в действительности человеческая жизнь сопряжена со страданиями и тягостями. Тем самым ценность человеческой жизни оказывается в противоречии с реальностью.

В современной ситуации, обусловленной глобальными геополитическим, макроэкономическим и экологическим кризисами, возникают различные парадоксы, когда прежние представления о «ценности» в сфере хозяйственной деятельности и общественных отношений существенно изменяются (трансформируются). В свое время Дж. Оруэлл (1903—1950) в романе «1984» прекрасно сформулировал такую парадоксальность реальности в утверждениях: «Война есть мир; свобода есть рабство; незнание есть сила».

Один из наиболее очевидных парадоксов состоит в отказе со стороны ученых — представителей экономического либерализма от ценностного подхода в осмыслении современной реальности, экзистенциальном стремлении выйти из поля «ценностной гравитации» в режим «свободного полета». Так, один из лидеров европейского либерализма Л. фон Мизес (1881—1973) писал о том, что парадокс возникает в том случае, когда исследователь использует одно слово для выражения двух разных вещей [12, 61], но при этом утверждал, что наука абсолютно нейтральна по отношению к любым сужениям и субъективным оценкам, так как она всегда относится к средствам и никогда — к выбору конечных целей» [12, 829].

Парадокс состоит, однако, в том, что даже в режиме такого «свободного полета» исследователь остается в «гравитационном поле» своего «корабля» — науки. Естественно, что околонучные фантазии, по отношению к которым можно абстрагироваться от ценностного подхода, — это совсем другая область исследований.

Необходимо отметить, что, когда А. Смит (1723—1790) рассуждал о *парадоксе ценности* («парадокс воды и алмаза»), в основу «хозяйственной деятельности» своего времени он закладывал совершенно определенную систему ценностей — принципов хозяйственной деятельности. В его терминологии, это были конкретные человеческие добродетели: чувство одобрения, эмпатии, социальной справедливости, долга, благожелательности, благоразумия и др. Именно об этом он писал в «Теории нравственных чувств» (1759), которая предшествовала появлению наиболее известной его книги — «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Будучи одновременно философом и политэкономом, А. Смит рассматривал вопросы экономики в контексте и тесном единстве с философскими вопросами, прежде всего вопросами морали и этики. В современных

условиях «добродетели», подобные тем, о которых когда-то писал А. Смит, в значительной мере уступили место гедонизму, эгоизму, тривиальному расчету и погоне за выгодой (максимизации прибыли). В условиях сложившегося «общества потребления» (Ж. Бодрийяр) к их числу прибавились «культ потребления», товарный и денежный фетишизм, «демонстративное потребление» (Т. Веблен) и др. Сложился своего рода «одномерный универсум» (Г. Маркузе), в котором «полнота бытия» (Н.О. Лосский) оказалась подмененной стремлением «казаться, а не быть» (Э. Фромм). Этот «одномерный универсум» — «рыночное общество» — порой называют «обществом спектакля» (Г. Дебор), «театром абсурда» (М. Эсслин), «обществом риска» (У. Бек) и т. д. Добродетель и экономическое поведение хозяйствующих субъектов оказались в этом обществе, по большому счету, во внутреннем конфликте между собой. Соответственно, и представление о ценности претерпело существенные изменения [23]. Получили свое распространение разные трактовки ценности: объектная, реляционная, субъектная и т. д. [13, 28].

Сегодня экономическая наука все чаще сталкивается с «парадоксом ценности». В рамках современного общественного разделения труда решение о том, что представляет собой «ценность», принимают, как правило, не столько сами субъекты хозяйственной деятельности, сколько сторонние институты (различные комиссии, бюро, политические структуры и пр.), и происходит это в условиях агрессивного хайпа, массированного использования технологий социальной инженерии, нарастающей «сетевизации» общества, которая, в свою очередь, уже привела к его хаотизации и иррационализации [30]. Известное положение о том, что «политика есть концентрированное выражение экономики», как показала современная реальность, имеет и свое парадоксальное видоизмененное состояние, когда сама экономика оказывается «концентрированным выражением политики», а точнее — ее жертвой.

Абстрагирование и стремление к так называемым «чистым формам социальной жизни» и «чистым» понятиям и категориям в науке (Г. Зиммель), которыми предпочитают оперировать многие исследователи (не путать с «превращенными формами» К. Маркса. — *Д. Стожко, К. Стожко*) естественным образом способствуют пре-

вращению фундаментальной экономической науки в науку без фундамента, а следовательно, в «игру ума», своего рода — «теорию игр» (Ф. Нейман, О. Моргенштерн), когда, по признанию Ф. Хайека (1899—1992), «абстрактные правила справедливого поведения могут определять только возможности, но не конкретные результаты», и «создают беспорядок, который не может быть справедливым» [27, 292, 294].

Наблюдаемый в современной экономической теории (политической экономии) превентивный отказ от абсолютных «ценностей» вообще, их замена (подмена) псевдоценностями или «ценностями» более низкого — функционального — уровня по отношению к абсолютным «ценностям» человеческого бытия ведут к элиминированию фундаментальных ценностей человеческой жизни: честь, совесть, достоинство, любовь, патриотизм, верность, вера все в больших масштабах становятся обычным предметом купли-продажи, «рядовым товаром». Таким образом, современная хозяйственная деятельность, основывающаяся на «рыночных началах», неуклонно претерпевает процесс своей аксиологической энтропии, результатом которой становится тот факт, что «полнота бытия» сводится к вопросу о меркантильности существования. Тезис о «ненужности» ценностей и ценностного подхода к экономической науке — это своеобразный «символ веры» современного либерализма. Но такая нейтрально-безнравственная экономическая наука вне ценностного ее измерения, вне этики, кроме самих ее «конструкторов», просто никому не нужна. А «конструируемая» такой «наукой» объективная реальность — новая реальность — оказалась намного менее привлекательной, чем тот образ, который рисовали ее сторонники. Можно констатировать, что мнение, согласно которому традиционные ценности морали не удовлетворяют критериям рациональности (Ф. Хайек), оказалось глубоко ошибочным [28]. Современное общество, в отличие от «традиционного общества», создавшее свою новую рациональность — новую нормальность, — оказалось и менее гуманным, и менее счастливым. Растущее потребление и погоня за удовольствиями не сделали его ни более человеческим, ни более надежным для жизни.

Как известно, «не хлебом единым жив человек». Исходя из понимания «полноты бытия» и трансцендентности самого хозяйства, в

отношении «хозяйственной деятельности» можно с полным основанием применить к оценке современного «рыночного общества» классификацию «ценностей», предложенную в свое время австрийским философом и психологом В.Э. Франклом (1905—1997), который выделял три их группы: «ценности», связанные с деятельностью человека; «ценности» переживаний; «ценности отношений» [25]. Все эти группы ценностей так или иначе, в той или иной мере представлены в структуре хозяйственной деятельности, во всех ее формах и видах и, соответственно, отражены в системе общественных отношений. «Ценности» первой группы — это импульсы для социального творчества, которые превращаются в определенные этические и социальные нормы (институции), мотивирующие творческую деятельность человека, в том числе и его производительный труд. «Ценности» второй группы связаны с переживанием хозяйственной деятельности как своей жизни, ее проектированием и осуществлением, наполнением ее трудом как главным смысловым контентом. К третьей группе «ценностей» можно отнести межличностные и общественные взаимоотношения, отражающие социальную природу человека. Третья группа ценностей как бы «завершает» всю их систему и связывает (интегрирует) «хозяйственную деятельность» и общественные отношения в единое целое социально-онтологическое пространство человеческой жизнедеятельности, которое и является той реальностью, где человек самоидентифицируется и самореализуется.

Другой исследователь ценностей, американский психолог (польского происхождения) М. Рокич (1918—1988) выделял только две группы ценностей: терминальные и инструментальные [31]. В основе методологии ценностей М. Рокича заложен индивидуализм, и именно этой методике придерживается большинство современных авторов. Существуют и другие классификации ценностей, которые также строятся на сугубо индивидуалистическом подходе и не учитывают социальную природу человека, не говоря уже о его духовной природе. Триада человеческой природы (духовность, природность, социальность) в рамках современных методик исследования феномена ценности давно уже «расколота»: исследователи фрагментируют человеческую природу на отдельные фракции (дизъюнктивизм и позитивизм) и не видят в ней диалектического единства. Исторически сначала это было противопоставление сакрального подхода к

ценностям секулярному взгляду на них: «Дух животворит, плоть не пользует нимало» (Ин., 6:63). Сегодня также противостоят друг другу два подхода: индивидуализм и универсализм. Можно также говорить о наличии двух диаметрально противоположных моделей общества и о двух «проектах науки» — индивидуалистическом и коллективистском [29].

При этом «ценности» могут быть разными: абсолютными или относительными, субъективными или объективными, всеобъемлющими и частичными, даже отрицательными. Под последними Н.О. Лосский (1870—1965), автор специальной работы о «ценностях», подразумевал «все то, что препятствует достижению абсолютной полноты бытия» [9, 298]. Человек, выражаясь словами Н.О. Лосского, сам определяет, что для него «ценность», а что нет, поскольку никто не может быть судьей для наших «ценностей» и лишь мы сами вольны считать: ценности это или нет, ценно это для нас или даже бесценно, или это нечто не представляет никакой ценности. Когда отец или мать любят своего ребенка вопреки тому, что его и любить вроде бы не за что, когда люди любят свою страну, «униженную и оскорбленную», нищую и ограбленную, когда их сердце «обретает пищу» в «любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам» — это высшее проявление отношения ценности, недоступное формальной логике и здравому смыслу. Но так устроена жизнь, в которой «ценности» — это она сама. Даже в отношении к высшей «ценности» — самой жизни — человек самоопределяется, отвечает на вопрос: «К чему мне обыденная жизнь здорового человека и скучное долголетие черепахи? Минута более полной жизни дороже десятилетия нормального прозябания» [9, 290].

Социально-философский анализ «ценностных» оснований «хозяйственной деятельности» обнаруживает вполне определенную социальную детерминацию таких оснований, поскольку «ценности» служат условием формирования самих социальных отношений. От того, каковы ценности, зависит и то, каковы сами общественные отношения. Это если в *широком* смысле слова. Если же рассуждать в *узком* смысле слова, то «ценность» — это одно из главных социальных отношений, выполняющее особую роль в системе общественных отношений в целом — роль измерения самих общественных отношений, всей хозяйственной деятельности и создаваемых в ее процессе

благ, их количества и качества. И роль эта крайне важна, поскольку «все познается в сравнении», все имеет свою меру. Ведь сказано: «Какою мерою мерите, такую же отмеряется и вам» (Мк., 4:24). Таким образом, ценность как благо (польза) и ценность как действие (оценивание) — это две стороны феномена ценности, которые содержат свой внутренний парадокс: блага высокой полезности люди порой оценивают дешевле, а благо низкой полезности — дороже.

Предлагаемое представление о «ценности» как диалектически едином социальном феномене и как об «*отношении ценности*» (оценивания) существенно отличается от уже имеющихся ее определений, но вместе с тем и не противоречит им. Так, В.П. Тугаринов (1898—1978) в середине XX в. писал, что «ценности — это предметы природы, их свойства, которые нужны (наблюдаемы, полезны, приятны и прочее) людям определенного общества и класса, определенной личности в качестве средств удовлетворения потребностей и интересов, а также идеи и пробуждения в качестве нормы, цели или идеала» [24, 20]. В этом определении, однако, речь шла об объекте ценности (предметы природы) и предмете ценности (их необходимости) для людей, но ничего не говорилось о том, как эти самые «предметы природы» возникают и как они становятся ценностями (оцениваются). То обстоятельство, что дары природы (предмет нетрудового происхождения) могут быть ценностями, а продукты человеческого труда порой ими не становятся — факт, не требующий доказательств. Правда, история и само развитие хозяйственной деятельности со временем меняют ситуацию: прежде никому не нужный мусор может стать ценным сырьем, а прежде чистый, но затем загрязненный природный водоем — непригодным для купания или водозабора. Но, по большому счету, без отношения оценивания, причем не только в хозяйственной деятельности, но и в других сферах своей жизнедеятельности человек обойтись не может.

Стоит отметить, что приведенное выше определение ценности в работах В.П. Тугаринова (а этому определению больше семидесяти лет) *уже содержало* «в зародыше» те теоретико-методологические подходы, которые применены в данном исследовании в отношении к «ценности» и «хозяйственной деятельности»: *во-первых*, в определении В.П. Тугаринова речь идет о *наблюдении*, что уже само по себе

есть отношение человека к предмету — ценности; *во-вторых*, «ценность» рассматривается не только сквозь призму потребностей, но и через *интересы* людей, которые соотносятся с потребностями как объективная и субъективная необходимость; *в-третьих*, речь идет о «*пробуждении нормы*», т. е. о превращении «ценности» как таковой в социальную норму. Более того, в качестве отношения «ценность» представляет собой процесс восприятия человеком (субъектом «хозяйственной деятельности») предмета (объекта) «хозяйственной деятельности» в качестве оцениваемого предмета.

На это обстоятельство обращал свое внимание еще М. Вебер (1864—1920), когда писал, что «исследователю надо воздержаться от оценочных утверждений» [23, 154—155]. Анализируя взгляды М. Вебера, отдельные авторы [6; 8; 15] проходят, по большей части, мимо этого факта. А на него стоило бы обратить особое внимание, поскольку предложение «воздерживаться от оценочных суждений» стало главным условием конструирования так называемой «чистой науки» — науки, не содержащей никаких нравственных норм. Но ведь еще И. Кант ставил вопрос о ценности, когда писал о нравственном законе внутри самого человека [10]. Вся поствеберовская «традиция» либерализма XX в. оказалась и до сих пор находится в явном противоречии с категорическим императивом, согласно которому «надо поступать так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда — только как к средству» [3, 270]. О таком явном противоречии свидетельствует даже простое сравнение этой идеи И. Канта и приведенного в начале нашего исследования заявления Л. фон Мизеса.

На первый взгляд, может показаться удивительным и даже парадоксальным, что, казалось бы, сугубо интимная и индивидуальная процедура «ценностного» самоопределения индивида на самом деле вдруг оказывается детерминированной его социальным окружением и внутренним «накоплением» (теми социальными техниками и установками, которые он — индивид — осваивает с момента своего рождения). Интересно замечание о том, что «люди всегда, и когда еще не были людьми, жили коллективно. И каждой ступени эволюционного прогресса человечества соответствовала своя форма коллективизма». При этом «социальная форма жизни была усвоена челове-

ством, поскольку сулила недостижимое прежде изобилие потребительских благ» [11, 67]. Поэтому феномен «хозяйственной деятельности» невозможно понять и объяснить без осмысления сущности и «ценностных» оснований коллективизма, без социальных форм жизни в целом.

Коллективизм находится в диалектическом единстве с индивидуализмом (и это тоже парадокс), поскольку человек проживет свою жизнь не только в публичном, но и частном пространстве. Он *сам* проживает свою жизнь «в самом себе» и не может сделать этого в чужом (другом) теле. Во всяком случае даже идеи реинкарнации (у элейтов, Эмпедокла и т. д.) — это всего лишь идея посмертного переселения души, но никак не идея ее «прижизненных приключений». Тем не менее, начиная с известной книги М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), противопоставление индивидуальности и социальности получило свое развитие.

Аксиология «хозяйственной деятельности» свидетельствует о многообразии присущих ей «ценностных» предикат и о разнотемном характере их формирования. Понимание самого процесса формирования хозяйственных «ценностей» в рамках диалектического единства коллективизма и индивидуализма позволяет более глубоко осмыслить тот факт, что разные «хозяйственные», а точнее экономические, «ценности», такие как деньги, собственность, доходы (прибыль, банковский процент, природная и земельная рента и др.), имеют на разных этапах развития «хозяйственной деятельности» разное значение для разных категорий населения, разных социальных страт, сословий, классов. Так, деньги обладают ценностью только в рамках определенной (товарно-денежной) системы, в которой может складываться разная философия хозяйствования. Это же относится и к феномену (отношению) собственности. С изменением конкретно-исторических условий собственность оказывается легко уязвимой, а часто просто фиктивной.

Пригодная для эпохи «расцвета» глобализма, либеральная философия хозяйствования оказалась явно не подходящей для современной ситуации — глобального геополитического кризиса, который сопряжен с глубокими макроэкономическими и экологическими «провалами». Такое сопряжение превратило общий фон «хозяй-

ственной деятельности» в турбулентное и нестабильное пространство, в котором требуются новые институциональные, в том числе и законодательные (правовые) регуляторы. Так, в Российской Федерации до сих пор не принят «Экологический кодекс», а также Федеральный закон «Об экологической культуре», проекты которых обсуждаются уже на протяжении почти двух десятилетий, и др. Очень остро стоит проблема несоответствия принципа социальной справедливости и норм действующего законодательства. Масса вопросов и к правоприменительной практике, к имплементации принятых законов, когда в одних случаях суды исходят из норм одного законодательного акта, а в других случаях — из прямо противоположных норм другого законодательного акта (как, например, в ситуации с определением «меры необходимой обороны» или защитой прав «добросовестного приобретателя» и т. д.). Эти противоречия отражают не только «ценностные» расхождения, но и конфликт интересов у разных социальных сил в современном обществе. Формой такого разрешения выступает в современных условиях часто не процедура согласования, а лоббирование интересов, т. е. один из методов недобросовестной социальной конкуренции. Ее иррациональность находит свое отражение в том колоссальном и постоянно растущем вреде, который она наносит всем участникам системы общественных отношений.

На текущий момент даже сложились представления о пострациональности (новой рациональности, «новой нормальности») [2; 5; 16; 22]. Исследуя такие модальности рациональности, как полезность, выгода, выигрыш, эффективность, рентабельность, доходность и т. д., современные авторы фактически отождествляют ее с «ценностью», рассматривая в качестве количественного ее показателя, который поддается математической конкретизации. При этом экономисты исходят из положения, согласно которому рациональное поведение «обладает согласованной внутренне непротиворечивой шкалой предпочтений» со стороны хозяйствующих субъектов и для принятия решений (оценок) они «используют всю релевантную доступную им информацию» [4, 162]. Но такие предположения изначально не соответствуют реальности: *во-первых*, достаточно часто хозяйствующие субъекты как раз обладают «противоречивой шкалой

предпочтений», а их выбор диктуется фундаментальным противоречием между их возможностями и желаниями; во-вторых, современная «теория рациональных ожиданий» (Дж. Мут, Р. Лукас и др.) исходит из того, что субъекты хозяйственной деятельности обладают необходимой полнотой информации для принятия оптимальных решений, что также представляется по большей части фикцией. При этом все существующие типы рациональности (практическая, теоретическая, формальная, субстантивная и т. д.) сами по себе с огромными сложностями поддаются весьма приблизительному расчету и не имеют однозначной оценки в науке. Так что суждение, согласно которому современная наука становится будто бы все более «человекомерной», неубедительны [18; 19]. Существуют и противоположные оценки современной науки, в том числе и гуманитарной, связанные с ее «расчеловечиванием» [1; 14; 17].

Выводы

1. Таким образом, понятие ценности в настоящее время находится в формате парадоксального ее представления, восприятия и одновременно ее отрицания. Стремление к «чистой науке» и выходу из ее аксиологического поля создало за последние десятилетия значительный дефицит морально-этических концептов, без понимания которых невозможно в полной мере осмыслить многие другие «ценности» хозяйственной деятельности (социальную ответственность, социальную справедливость, социальную безопасность, социальное партнерство, добросовестную конкуренцию, социальную эффективность, трудовое самоуправление и др.).

2. Можно признать как факт, что в рамках развивающегося «парадокса ценности» произошло частичное замещение традиционных «ценностей» национального хозяйства (трудолюбие, терпение, упорство, основательность, рачительность, бережливость и др.) ценностями других хозяйственных систем (карьеризм, имидж, ориентация на успех, паблисити, хайп и др.). В силу ряда внеэкономических причин, ставших триггером такого «замещения», в российском обществе на рубеже XX—XIX вв. произошло *широкое* распространение «либеральных» ценностей в сфере хозяйственной деятельности, что способствовало, с одной стороны, ослаблению экономического этатизма, хозяйственного традиционализма, а с другой стороны —

распространению деструктивных форм и культурной деформации самой «хозяйственной деятельности». В первую очередь, этому способствовало ослабление влияния на хозяйственное поведение людей *ключевых* «ценностей» национальной системы хозяйства: отношения к труду как жизненной необходимости и одновременно как к способу самосовершенствования личности; экологического самосознания, в основе которого лежит осознание единства человека с природой; частичной утраты высокой степени социальной ответственности участников хозяйственного процесса друг перед другом; девальвация коллективистского характера труда на почве распространения психологии индивидуализма; подмены приоритета духовного богатства его материально-вещной формой и др. Восстановление этих национальных «ценностей» «хозяйственной деятельности» и опора на них в сфере выстраивания современных общественных отношений сегодня являются важнейшей практической задачей.

3. «Детрадиционализация» аксиологического (ценностного) фундамента хозяйственной деятельности под лозунгами светского «экуменизма» — мультикультурализма привела к кризису последнего, свидетельством чего стали социальная напряженность и экономическая нестабильность во многих современных странах, втянутых в орбиту «нового мышления» и стремительно теряющих свой суверенитет. Отсюда следует вывод о необходимости здорового консерватизма и о возвращении к духовным первоосновам — фундаментальным духовно-нравственным ценностям самого народа в качестве идеологического основания в развитии и совершенствовании всей хозяйственной деятельности в новых условиях — условиях «новой реальности».

Литература

1. *Антилогова Л.Н.* Основные тенденции развития современной науки // Национальные приоритеты России. 2009. № 1. С. 33—37.
2. *Гайденок П.* Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 690 с.
3. *Кант И.* Сочинения: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. 544 с.

4. *Капелюшников Р.И.* Статус принципа рациональности в экономической теории: прошлое и настоящее // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 1 (33). С. 162—166.
5. *Качай И., Федоренко П.* Практическая философия новой жизни. Рационально-эмоционально-поведенческая терапия. М.: Издательские решения, 2003. 784 с.
6. *Кравченко А.И.* Социология М. Вебера: труд и экономика. М.: На Воробьевых, 1997. 208 с.
7. *Кучковский П.В.* Роль парадоксов в научном познании // Динамика систем, механизмов и машин. 2014. № 5. С. 175—177.
8. *Логинов А.В., Янпольская Я.Г.* Аксиология М. Вебера в современной перспективе // Теория и практика современного развития. 2023. № 12. С. 117—123.
9. *Лосский Н.О.* Ценность и бытие // Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
10. *Максимов Л.В.* Высшие ценности и мораль // Философия и этика: Сборник научных трудов (к 70-летию академика РАН А.А. Гусейнова): URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/maximov.html> (дата обращения: 10.04.2025).
11. *Мерцалов В.* Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено. СПб.: Алетейя, 2008. 296 с.
12. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2024. 877 с.
13. *Момджян К.Х.* О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25—41.
14. *Недорезов В.Г., Писарчик Л.Ю., Стрелец Ю.Ш.* Трансгуманизм и постгуманизм: планы расчеловечивания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 2. С. 93—108.
15. *Рахманов А.Б.* Социальная философия Макса Вебера. Метаморфозы и кризисы. М.: Стереотип, 2017. 560 с.
16. *Режабек Е.Я.* В поисках рациональности. М.: Академический Проект, 2007. 383 с.
17. *Русяева Е.Ю.* Типы научной рациональности и этапы социально-культурного развития: философско-методологический анализ как приглашение к дискуссии: URL: <https://vspu2024.ipu.ru/preprints/4192.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).

18. *Степин В.С.* Классика, не-классика, пост-не-классика: критерии различения // Пост-неклассическая философия, наука, культура. СПб.: Миръ, 2009. С. 249—295.
19. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
20. *Стрельцова Н.Д.* Парадокс и нонсенс: типология и причины появления // Синергия. 2017. № 1. С. 18—27.
21. *Сухотин А.К.* Парадоксы науки. М.: Молодая гвардия, 1978. 240 с.
22. *Сытых О.Л.* Новая рациональность и проблема интерпретации знания в современной науке // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2—1. С. 205—209.
23. *Троицкий К.Е.* Переоценка ценностей в аксиологической мысли М. Вебера // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 154—162.
24. *Тугаринов В.П.* О ценностях жизни и культуры. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. 156 с.
25. *Франкл В.Э.* Психотерапия на практике. СПб.: Ювента, 1999. 256 с.
26. *Фейгин О.* Про парадоксы в науке. М.: Страта, 2018. 216 с.
27. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. М.: АСТ, 2023. 288 с.
28. *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСПЭН, 2006. 644 с.
29. *Чуринов Н.М.* Совершенство и свобода. Новосибирск: СО РАН, 2006. 712 с.
30. *Явлинский Г.А.* Что делать? Институционализация ценностей: URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/chto-delat-institutsionalizatsiya-tsennostej/> (дата обращения: 10.04.2025).
31. *Rokeach M.* Believes, attitudes and values. San Francisco: Jossey-Bac Co., 1972. 214 p.

References

1. *Antilogova L.N.* Osnovnye tendencii razvitiya sovremennoj nauki // Nacional'nye priority Rossii. 2009. № 1. S. 33—37.
2. *Gajdenko P.* Nauchnaya racional'nost' i filosofskij razum. M.: Progress-Tradiciya, 2003. 690 s.
3. *Kant I.* Sochineniya: V 6 t. T. 4. CH. 1. M.: Mysl', 1965. 544 s.

4. *Kapelyushnikov R.I.* Status principa racional'nosti v ekonomicheskoy teorii: proshloe i nastoyashchee // *ZHurnal Novoj ekonomicheskoy asociacii*. 2017. № 1 (33). S. 162—166.
5. *Kachaj I., Fedorenko P.* Prakticheskaya filosofiya novoj zhizni. Racional'no-emocional'no-povedencheskaya terapiya. M.: Izdatel'skie resheniya, 2003. 784 s.
6. *Kravchenko A.I.* *Sociologiya M. Vebera*: trud i ekonomika. M.: Na Vorob'evykh, 1997. 208 s.
7. *Kuchkovskij P.V.* Rol' paradoksov v nauchnom poznanii // *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin*. 2014. № 5. S. 175—177.
8. *Loginov A.V., YAnpol'skaya YA.G.* *Aksiologiya M. Vebera* v sovremennoj perspektive // *Teoriya i praktika sovremennogo razvitiya*. 2023. № 12. S. 117—123.
9. *Losskij N.O.* Cennost' i bytie // *Bog i mirovoe zlo*. M.: Respublika, 1994. 432 s.
10. *Maksimov L.V.* Vysshie cennosti i moral' // *Filosofiya i etika: Sbornik nauchnykh trudov (k 70-letiyu akademika RAN A.A. Gusejnova)*: URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/maximov.html> (data obrashcheniya: 10.04.2025).
11. *Mercalov V.* Logika antropogeneza. Proiskhozhdenie cheloveka eshche ne zaversheno. SPb.: Aletejya, 2008. 296 s.
12. *Mizes L.* *fon. CHelovecheskaya deyatel'nost'*. Traktat po ekonomicheskoy teorii. CHelyabinsk: Socium, 2024. 877 s.
13. *Momdzhyan K.H.* O probleme obshchechelovecheskih cennostej // *Voprosy filosofii*. 2020. № 3. S. 25—41.
14. *Nedorezov V.G., Pisarchik L.YU., Strelec YU.SH.* Transgumanizm i postgumanizm: plany raschelovechivaniya // *Intellekt. Innovacii. Investicii*. 2024. № 2. S. 93—108.
15. *Rahmanov A.B.* Social'naya filosofiya Maksa Vebera. Metamorfozy i krizisy. M.: Stereotip, 2017. 560 s.
16. *Rezhabek E.YA.* V poiskah racional'nosti. M.: Akademicheskij Proekt, 2007. 383 s.
17. *Rusyaeva E.YU.* Tipy nauchnoj racional'nosti i etapy social'no-kul'turnogo razvitiya: filosofsko-metodologicheskij analiz kak priglasenie k diskussii: URL: <https://vspu2024.ipu.ru/preprints/4192.pdf> (data obrashcheniya: 10.04.2025).

18. *Stepin V.S.* Klassika, ne-klassika, post-ne-klassika: kriterii razlicheniya // Post-neklassicheskaya filosofiya, nauka, kul'tura. SPb.: Mir", 2009. S. 249—295.
19. *Stepin V.S.* Teoreticheskoe znanie. M.: Progress-Tradiciya, 2003. 744 s.
20. *Strel'cova N.D.* Paradoks i nonsens: tipologiya i prichiny poyavleniya // Sinergiya. 2017. № 1. S. 18—27.
21. *Suhotin A.K.* Paradoksy nauki. M.: Molodaya gvardiya, 1978. 240 s.
22. *Sytyh O.L.* Novaya racional'nost' i problema interpretacii znaniya v sovremennoj nauke // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2—1. S. 205—209.
23. *Troickij K.E.* Pereocenka cennostej v aksiologicheskoy mysli M. Vebera // Voprosy filosofii. 2013. № 4. S. 154—162.
24. *Tugarinov V.P.* O cennostyah zhizni i kul'tury. L.: Izd-vo LGU, 1960. 156 s.
25. *Frankl V.E.* Psihoterapiya na praktike. SPb.: YUventa, 1999. 256 s.
26. *Fejgin O.* Rro paradoksy v nauke. M.: Strata, 2018. 216 s.
27. *Hajek F.* Pagubnaya samonadeyannost'. M.: AST, 2023. 288 s.
28. *Hajek F.* Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. Sovremennoe ponimanie liberal'nyh principov spravedlivosti i politiki. M.: IRISPEN, 2006. 644 s.
29. *CHurinov N.M.* Sovershenstvo i svoboda. Novosibirsk: SO RAN, 2006. 712 s.
30. *YAvlinskij G.A.* CHto delat'? Institucionalizaciya cennostej: URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/chto-delat-institutsionalizatsiya-tsennostej/> (data obrashcheniya: 10.04.2025).

Л.А. МУРЗАНОВА

Принцип целостности в философии хозяйства*

Аннотация. В условиях нестабильности современного общества, развития процессов национализации, с одной стороны, и глобализации — с другой, все больше углубляются противоречия традиций и инноваций как при формировании идентичности, так и при осмыслении окружающего бытия. Двойственность универсальных и индивидуальных структур всегда была так или иначе характерна для российского менталитета независимо от актуального политического строя. В этой дихотомии нет противоречия, если подходить с позиции целостности. Традиции формируют социальное бытие, сохраняя ценностное ядро, допускают изменения и приспособление к этим изменениям. Мир предстает в виде космоса, а отдельная личность или общность людей со своими традициями и устоями — микрокосм, постигая одно, мы познаем другое, и наоборот. Человек при этом занимает активную, деятельную позицию во взаимосвязи с космосом. Эта творческо-преобразующая роль субъекта особенно ярко проявляется в хозяйственной деятельности. Хозяйственная деятельность как освоение и преобразование природы предполагает творческий целенаправленный труд.

Ключевые слова: традиции, целостность, антропокосмизм, козволюция, хозяйственная деятельность, творческий труд.

Abstract. Modern processes of globalization and nationalization are increasingly leading to a deepening of the dichotomy of traditional and universal structures both in the formation of identity and in the understanding of social existence, and more broadly, the cosmos. This duality has always been characteristic of the Russian worldview. On the one hand, there is a commitment to tradition and continuity, and on the other hand, there is a tendency towards constant restructuring and openness to new experiences. There is no contradiction in such duality if we approach it from a position of integrity. Traditions form social existence, preserving

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мурзанова Л.А. Принцип целостности в философии хозяйства // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 29—37. DOI: 10.5281/zenodo.15424049.

the core of values, allowing for change and adaptation to these changes. The world appears as a cosmos, and an individual or a community of people with their own traditions and principles is a microcosm. Comprehending one thing, we learn the other and vice versa. At the same time, a person takes an active position in relation to the cosmos. This creative and transformative role of the subject is particularly evident in economic activity.

Keywords: traditions, integrity, anthropocosmism, coevolution, economic activity.

УДК 125

ББК 87.6

Современный мир продолжает находиться в состоянии турбулентности: военные действия, экономические санкции, раздел сфер влияния приносят элементы нестабильности в мироустройство. Кроме того, все процессы политического и экономического развития мира неизбежно оказывают влияние на формирование идентичности отдельных групп и личностей. Сегодня можно сказать, что современные технологии, средства массовой информации, обмен культурным и промышленным опытом приводят, с одной стороны, к неизбежной глобализации, а с другой — к ответной реакции в виде возрастания национализации. В этой связи возникает потребность в актуализации дихотомии традиционного и инновационного при рассмотрении социального бытия.

Двойственность универсальных и индивидуальных структур всегда была так или иначе характерна для российского менталитета независимо от актуального политического строя. Ценностное ядро традиций сохраняется всегда, даже если внешне будут происходить видоизменения, в этом заключается преемственность социокультурного опыта, передаваемая из поколения в поколение посредством обыденного знания, обычаев, народного творчества, литературы, символов и образов. При этом эти традиции часто направлены не на закрытость в рамках своей нации или общности, а на закрепление в индивидуальном сознании идей цельности и единства со своим историческим прошлым и миром в целом. Такие понятия, разрабатываемые в русской философии, а следовательно, характерные для всей русской духовной мысли, как всеединство, соборность и цельность,

находят свое логичное отображение в универсальных идеях коэволюции, системности, устойчивого развития.

Для научного исследования несомненный интерес и историческую значимость представляют уже непосредственный факт древности традиций, их сохранение в памяти и опыте народа через множество поколений. Однако стоит обратить внимание и на то, как традиции могут удовлетворять потребность индивида в его чувстве общности со своим народом, как они придают смысл существованию, укореняют бытие личности в пространстве социума, формируют его идентичность, консолидируют этносы в горизонте исторического развития. «Традиции придают жизни преемственность и форму» [3, 61], осуществляют гарантию установления стабильности в обществе. Изучение традиций, как и в целом обращение к историческому прошлому, помогает не только определять истоки существующих сегодня проблем, но и прогнозировать их развитие. Вне зависимости от того, насколько традиции осознаются обществом, они присутствуют в социальной жизни и оказывают непосредственное влияние на становление личности через менталитет, шаблоны поведения, образ мышления и коллективное сознание, ведь в них закрепляются ценностные образцы и культурно-исторический опыт социума.

Благодаря сохранению традиций в обществе происходят отбор и закрепление наиболее ценных образцов культурного наследия, прошедших проверку временем, соответственно, стабилизируется и упорядочивается социальное бытие. Происходит это также на фоне закрепления социальных институтов, которые передаются из поколения в поколение в форме шаблонов поведения, при этом их устойчивость напрямую зависит от приспособляемости к изменяющимся условиям общественных реалий. Британский философ-консерватор Роджер Скрутон отмечал, что традиции определяют социальное бытие, формируя представление личности «о самом себе как фрагменте большого социального организма, в то время как организм в целом подразумевается в этой его частичке» [5, 207]. В этой идее прослеживается взаимосвязь части и целого, универсума как космоса, а отдельного индивида как микрокосма, изучение одного подразумевает другое.

В отечественной философии представление мира как космоса, в котором совмещаются личное и общественное, инновационное и

традиционное в единой целостной структуре, проявилось в наибольшей степени в русском космизме. Как отмечает ведущий биограф В.И. Вернадского и специалист в области истории науки Г.П. Аксенов, принцип целостности, которого придерживаются космисты, не сводится к монизму или гилозоизму. Многообразие мира представлено множеством видов материи с различными характеристиками, которые отличаются друг от друга, но неразрывно связаны и взаимно обусловлены. Каждый раз новые достижения и открытия в отдельных областях научного знания укрепляют идеи целостности и порядка мироустройства, независимо от того, какое содержание вкладывают в эти знания отдельные народы и культуры, исходя из своего менталитета и мировоззрения. Природа в любом случае будет представлять собой непротиворечивую и логично устроенную систему, законы которой распространяются на весь мир, на всех его представителей. Таким образом постулируется фундаментальность конструкции единства, взаимосвязанности и целостности всего космоса. «Вся множественность мира сведена к чему-то единому и согласована. Законы, им управляющие, действуют одинаково во всех пределах. Истина, установленная в одном месте, должна быть справедлива и для других мест» [1, 181—182].

О взаимоотношениях человека и космоса как основополагающего принципа развития идей коэволюции говорил еще один видный последователь В.И. Вернадского Н.Г. Холодный. Он предложил использовать термин «антропокосмизм», в соответствии с которым человек провозглашается не центром, а частью Вселенной. «Наука Нового времени, с одной стороны, развенчала человека, перестав рассматривать его как центральную фигуру всего мироздания, но с другой — она же подняла его значение во Вселенной, наделив его силами и средствами, необходимыми для перестройки окружающей природы» [6, 140]. Человек является неразрывной частью Вселенной, подчиняется всем существующим в ней законам. Он не венец природы, а ее внутренняя составляющая часть, органически связанная с каждым отдельным элементом и всем целым такой сложной системы космоса. То есть человек действует не извне, даже когда выступает в качестве субъекта познания, а изнутри, в единстве и органической целостности с универсумом.

Антропокосмический принцип предполагает такое взаимоотношение человека и космоса, в котором человек постоянно ощущает свою неразрывную связь с целым, он в каждом своем действии испытывает присутствие космоса. Эта взаимосвязь имеет двусторонний характер и оказывает влияние на все проявления человеческого бытия, т. е., с одной стороны, человек испытывает постоянное влияние природы во всем его многообразии, а с другой — сам оказывает активное преобразующее воздействие на окружающий мир.

Творческая активность индивида и его способность оказывать воздействие на окружающий мир в космизме исследуются не в механистичном смысле Нового времени, а в контексте его органической включенности в универсум. Гармоничное преобразование природы в соответствии с естественно-исторической потребностью возможно только путем глубокого понимания эволюции космоса, а постигнуть это возможно через интуитивное погружение и осознание себя неразрывной частью целого. Таким образом, важнейшей мыслью космизма является идея органичной встроенности индивида в космическое целое, в единый универсум, и их взаимодействие. Преобразующая деятельность человека не подразумевает произвольного конструирования действительности по шаблону умозрительных моделей. Активное вмешательство в природу обосновано и приветствуется лишь в том случае, если выполняется условие, когда человечество на основе погружения в законы и процессы развития универсума может осознанно двигать историю, т. е. может стать геологической силой. В этом проявляется преобразующе-осваивающая, а не присваивающая роль человечества.

О хозяйственной деятельности индивида как о способе творческого освоения природы писал видный представитель русской философии Сергей Булгаков в своем труде «Философия хозяйства». По его мнению, хозяйство представляет собой естественный этап в цепи коэволюции природы и человека, в ходе которого наиболее полно проявляется активность человеческой деятельности. «Жизнь есть процесс, прежде всего, хозяйственный», — писал он [2, 325]. Хозяйственный процесс рассматривался мыслителем с точки зрения космического значения, т. е. как онтология хозяйства. Булгаков не вдавался в подробности этической составляющей хозяйства, т. е. основное внимание уделялось взаимосвязи субъекта и объекта исследования, а не субъектов между собой.

Разберемся, что философ подразумевает под субъектом и объектом хозяйственной деятельности. В глобальном смысле субъект хозяйственной деятельности определяется как единство не только всех ныне живущих людей, но и прошлых поколений, которые оставили в наследство весь пласт созданной ими духовной и материальной культуры. «Таковым субъектом может быть только человечество как таковое, не коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» [2, 370]. Здесь идет речь о Мировой Душе, Софии, человечестве в трансцендентальном понимании.

Объект хозяйственной деятельности представляет собой весь универсум, частью которого является и человечество. Следовательно, человек в некотором смысле является и объектом, и субъектом хозяйства. В ходе осуществления хозяйственной деятельности человек выходит за пределы своей самости, вступая во взаимодействие с внешним миром, оказывая влияние на окружающее уже своим присутствием. Субъект и объект хозяйственной деятельности взаимно связаны, грань между ними тонкая, более того, они могут сливаться, внедряться одно в другое, переходить из одной роли в другую, возможны «субъективирование объекта» и «объективирование субъекта». Таким образом, хозяйство определяется как «актуальное единство субъекта и объекта» [2, 333].

Согласно С.Н. Булгакову, человечество является целостным организмом, обладающим творческой свободой преобразования природы и ответственностью за ее изменения. Окружающий мир — это механизм, действующий в рамках строгих законов, определяемый «механической закономерностью, железной связью причин и следствий» [2, 221]. В процессе хозяйствования субъект деятельности меняет структуру объекта, т. е. человечество привносит в универсум свои характерные черты, природа тем самым очеловечивается. В этом кроется цель хозяйственной деятельности — защита человеческой жизни и исторического развития, расширение ареала жизнедеятельности, гармоничное сосуществование человека и окружающего мира.

Хозяйственная деятельность как освоение и преобразование природы была бы неполной без творческого целенаправленного

труда. Хозяйство — это и есть трудовая деятельность, ведь воспроизведение духовных и материальных жизненных благ невозможно без приложения определенных усилий со стороны субъекта. В этом кроется еще одна характерная особенность хозяйственной деятельности человечества. Изучить глубинные взаимосвязи космического мироустройства возможно именно при помощи целенаправленного труда, который следует понимать не в производственном контексте, а в широком смысле освоения космоса через искусство и науку. Такой созидательный труд — всегда свободный и творческий, близкий по духу к деятельности демиурга, поскольку принудительный труд не несет ничего, кроме разрушения. В результате хозяйственной деятельности и созидательного труда под воздействием живого человеческого присутствия Вселенная преобразуется, и возникает культура. Творческий труд, свободный и одухотворенный, приближает человека к божественному замыслу, тем самым не конструирует новую реальность, а проявляет идеальные образцы из сферы трансцендентного в доступную человеческому восприятию. Условием осуществления труда является наличие субъекта, т. е. того, кто выполняет трудовую деятельность, и объекта, т. е. того, на что направлено воздействие трудовой деятельности. Объектом труда, а соответственно объектом хозяйства, хозяйственного труда является весь космос, Вселенная. В таком взаимодействии части и целого и проявляется фундаментальная взаимосвязь субъекта и объекта.

Идея неразрывной связи субъекта и объекта хозяйствования стала вновь актуализироваться в современном философском осмыслении. Это связано с тем, что в период социально-хозяйственных потрясений, т. е. во время любых кризисов в хозяйстве, мировоззренческий аспект становится явленным, осмысляемым, выходит на передний план. Если в период социальной стабильности аспекты мировоззрения подразумеваются сами собой и не проявляются в явном виде, то в кризисное время появляется необходимость обозначить источники потрясений и взаимосвязи как на социальном, так и на экономико-политическом уровне, т. е. формируется хозяйственное мировоззрение [4, 15]. Мировоззренческая борьба при этом складывается не только в полюсах глобальной, международной элиты и местной государственной власти, но в реалиях российского хозяйствования

также усиливает свои позиции национально-соборное мировоззрение. А это как раз наследие русского космизма, консерватизма, евразийства.

Для русской философии в целом характерно почтительное и уважительное отношение к труду. Органическая целостность народа достигается не за счет кровно-родственных отношений, а путем исторической и ментальной общности в процессе освоения окружающего бытия, что включает и непосредственное жизненное пространство, и духовно-интеллектуальное поле. Хозяйственный труд направлен не только на материальное преобразование внешнего мира, но и на познавательную активность, интеллектуальное и духовное переосмысление данности. В ходе интеллектуального хозяйствования, интеллектуального освоения универсума снимается разграничение между субъектом и объектом трудовой деятельности, снимается отчуждение между источником и результатом труда.

Таким образом, хозяйство не только связывается с экономической общественной системой, но и распространяется на освоение всего космоса как закономерный этап всеобщей эволюции, в этом проявляется принцип целостности как единого, субъект-объектного взаимодействия. В современных условиях хозяйственной деятельности этот принцип становится особенно актуальным.

Литература

1. *Аксенов Г.П.* Третий синтез космоса // *Философия русского космизма*. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. С. 181—196.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
3. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
4. *Мурзанова Л.А.* Концепт неоконсерватизма в социальной философии. Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2018. 312с.
5. *Осинов Ю.М.* Мировоззрение как решающий хозяйственный фактор // *Философия хозяйства*. 2024. № 3. С. 13—17.
6. *Рахимир П.Ю.* Консерватизм в современном мире // *Всеобщая история: дискуссии, новые подходы*. Вып. 1. М.: Наука, 1989. С. 200—212.

7. *Холодный Н.Г.* Мысли натуралиста о природе и человеке // Избранные труды. Киев: Наукова думка, 1982. 332 с.

Referenses

1. *Aksenov G.P.* The third synthesis of space // Philosophy of Russian cosmism. M.: New Millennium Foundation, 1996. P. 181—196.
2. *Bulgakov S.N.* Philosophy of Economy. M.: Institute of Russian Civilization, 2009. 464 p.
3. *Giddens E.* The Elusive world: how globalization is changing our lives. M.: The Whole World, 2004. 120 p.
4. *Murzanova L.A.* The concept of neoconservatism in social philosophy. Dis. ... cand. of philos. sciences. SPb., 2018. 312 p.
5. *Osipov Yu.M.* Worldview as a Decisive Factor // Philosophy of Economy. 2024. № 3. P. 13—17.
6. *Rakhshmir P.Y.* Conservatism in the modern world // Universal history: discussions, new approaches. Is. 1. M.: Nauka Publ., 1989. P. 200—212.
7. *Kholodny N.G.* Thoughts of a naturalist about nature and man // Selected works. Kiev: Naukova dumka, 1982. 332 p.

М.Ю. ПАВЛОВ

Эссе о перспективах искусственного интеллекта, математического моделирования и «живой» математики*

Аннотация. В эссе исследуются пределы замещения естественного интеллекта искусственным интеллектом (ИИ) в контексте технотрансформации. Автор анализирует ключевые противоречия между биологическим и технократическим интеллектом, опираясь на концепции «незаменимого труда» (А. Фриман), слабого и сильного

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Павлов М.Ю. Эссе о перспективах искусственного интеллекта, математического моделирования и «живой» математики // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 37—48. DOI: 10.5281/zenodo.15424077.

ИИ (Дж. Сёрл), а также исторические параллели (луддизм, кризисы технологических экспансий).

Подчеркивается, что ИИ, несмотря на прогресс, остается функциональным «протезом», неспособным к подлинному творчеству, самовоспроизводству или преодолению энтропии без поддержки живых систем. Особое внимание уделено фундаментальным ограничениям ИИ, включая различия в принципах обработки и хранения информации (сугубо электрические vs химические и квантовые механизмы у живых организмов), а также гипотетической «живой математике», способной моделировать креативные процессы.

Делается вывод о невозможности полного вытеснения человека машиной из-за уникальной способности биологических систем к творчеству и созданию принципиально нового. В перспективе масштабные аварии ИИ могут привести к регуляторным ограничениям, аналогичным историческим прецедентам (например, атомной энергетики). Статья приглашает к дискуссии о будущем человека и технократии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технотейнореволюция, незаменимый труд, креативность, энтропия, трансгуманизм, живая математика.

Abstract. The essay explores the limits of substituting artificial intelligence (AI) for natural intelligence in the context of a technoneurological revolution. The author analyzes the key contradictions between biological and technocratic intelligence, relying on the concepts of «irreplaceable labor» (A. Freeman), weak and strong AI (J. Searle), as well as historical parallels (Luddism, crises of technological expansion).

It is emphasized that AI, despite progress, remains a functional «prosthesis» incapable of genuine creativity, self-reproduction or overcoming entropy without the support of living systems. Particular attention is paid to the fundamental limitations of AI, including differences in the principles of information processing and storage (purely electrical vs. chemical and quantum mechanisms in living organisms), as well as hypothetical «living mathematics» capable of modeling creative processes.

It is concluded that it is impossible to completely displace a person with a machine due to the unique ability of biological systems to create creativity and create a fundamentally new one. In the future, large-scale

AI accidents can lead to regulatory restrictions similar to historical precedents (for example, nuclear energy). The article invites discussion about the future of man and technocracy.

Keywords: artificial intelligence, technoneuro revolution, irreplaceable labor, creativity, entropy, transhumanism, living mathematics.

УДК 007; 008
ББК 65в

Технейрореволюция ставит на повестку дня вопрос соотношения искусственного интеллекта и интеллекта естественного, а также соотношения живого и неживого, технократического и биологического. Философия хозяйства, прежде всего в лице ее виднейшего современного представителя, основателя одноименной научной школы — Ю.М. Осипова, обоснованно выражает тревогу: «Кажется, уже и последней, научно-технической революцией — нейро-кибергенно-технологической, которая в силу своей пересотворенческой направленности уже непосредственно на человека как вида — от отношений между людьми и обустройства социума до переделки сознания, интеллекта, мышления и даже самого человеческого организма — камня на камне не оставит от всего сразу: от человека как человека, превратив его в постчеловека (того же киборга), от социума, превратив его в некую виртуальную паутину (сеть), от экономики с ее деньгами, капиталами, банками, сделав ее цифротехносетью, от цивилизации с ее государствами, правом, судами, превратив все это в оцифрованное счетно-решающее поле, и вослед всему этому от образования с его учителями и учениками, студентами и профессорами, от здравоохранения с его врачевателями и пациентами, от культуры с ее высокими гуманитарными критериями, от воззренческой науки, размыслительной философии, глубокомысленного богословия, не говоря об инотронной метафизике, даже от наполненной солдатами армии, превращенной в большое обезлюденное теле-кибер-механическое чудовище» [7, 15—16].

Успехи искусственного интеллекта (здесь и далее — ИИ) в замещении человека в целом ряде профессий лишь подтверждают известный тезис К. Маркса и Ф. Энгельса о превращении человека в

функцию. В функцию капитала, прежде всего в качестве функции машины: «Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы» [6, 430]. Однако есть и предел замещения человека машиной и власти машины над человеком. А. Фриман выделяет такую категорию, как «незаменимый» труд [9], т. е. труд, который невозможно заменить капиталом — машиной, автоматом. Незаменимый труд — это креативный, или творческий, труд. Подлинно творческий. Согласно терминологии Р. Флориды, это «ядро» креативного класса [3].

По аналогии с «Тестом Тьюринга» (который проверяет, машина или человек ведет диалог, т. е. искусственный интеллект или естественный интеллект) можно ввести «Тест Фримана» на определение, подлинно ли творческий, подлинно ли креативный это труд или нет, посредством замены данного вида труда машиной. Если тот или иной труд способна выполнить машина, полностью заменив человека в профессиональной деятельности (т. е. можно уволить человека и вместо него поставить на службу машину), труд является заменимым. Таким образом, противоречие между трудом и капиталом, вопреки прогнозам, по всей видимости, так и не будет до конца снято в рамках капиталистической системы: «ни для кого нет тайны в том, что капитализм, независимо от его стадии развития, характеризуется фундаментальным противоречием между трудом и капиталом, на которое указывали еще марксисты XIX века» [1, 184].

В условиях технореволюции в связи с вытеснением человека системами ИИ возникает вопрос, важный для каждого человека: не произойдет ли окончательного вытеснения человека машиной? Попробуем в рамках данной статьи ответить на этот вопрос.

1. Что касается замены биологического технократическим именно в биологической среде, здесь технократическое не способно даже на свое простое воспроизводство, не говоря уже о расширенном. То есть технократические объекты не могут устойчиво существовать без поддержки биологическим миром, прежде всего такими

представителями биологического мира, как люди. Технократические системы не могут даже просто сохранить себя без помощи биологических систем.

Любая технократическая система подвержена энтропии, а единственный вид материи, способный противостоять энтропии — это живая материя. Технократические системы, по большому счету, не способны к самовосстановлению¹, саморемонту, не говоря уже о самосовершенствовании. Как и в случае со многими другими изобретениями, человечество склонно переоценивать их значимость, недооценивая свои собственные способности и возможности: «Очевидная дисгармония существующего мироустройства разительно диссонирует с исключительным совершенством устройства любого из нас» [5, 212].

Напомним, что еще более полувека назад человечество обсуждало перспективы расселения в Солнечной системе, масштабные межзвездные перелеты и первые экспедиции в соседнюю галактику — все это должно было произойти уже в наши годы. Но, как это многократно повторялось в истории, технологический оптимизм типа «И на Марсе будут яблони цвести» оказывался совершенно преждевременным. Впрочем, как и технологический пессимизм: ведь тот же SkyNet должен был захватить Землю еще несколько десятилетий назад.

2. Если мы обратимся к истории, то обнаружим в ней почти забытую дискуссию 200-летней давности, удивительно похожую на современную. В 1828 г. Ф. Вёлер впервые в истории синтезировал органическое вещество — мочевины. Казалось бы, еще совсем немного, еще чуть-чуть, и человечество научится синтезировать (именно синтезировать, а не выращивать) живую материю, сможет создавать живое из мертвого или хотя бы оживлять умерших. Увы,

¹ Как правило, заявления производителей о «самовосстановлении» техники означают лишь то, что система способна сама вернуться к заводским установкам или же заменить поврежденный модуль на новый, полученный с завода. Очевидно, что технократическая система при этом остается зависимой от завода-изготовителя, и с серьезными или нестандартными повреждениями во многих случаях уже не способна справиться без посторонней помощи.

но человечество по-прежнему способно лишь создавать живое из живого, несмотря на колоссальные успехи органической химии, генной инженерии. Даже теорию абиогенеза экспериментально доказать (или хотя бы подтвердить) науке пока так и не удалось.

В этой связи особый интерес представляет деление ИИ одним из авторитетнейших его исследователей Дж. Сёрлом на слабый и сильный [12]. Сёрл использует аналогию с «китайской комнатой»: находящийся в ней знает алгоритмы, по которым следует двигать блоки так, чтобы составлять из них тексты на китайском языке, но не знает иероглифов и их последовательностей. В результате ИИ обучается не мышлению, а автоматизму в составлении сочетаний из блоков, не понимая их смысла и сути. Для такой деятельности нет необходимости обладать сознанием, это может делать автомат. Сёрл считает, что современный ему (и нам) ИИ — слабый. И ставит под сомнение, что сильный ИИ (обладающий сознанием, способный к самостоятельному мышлению) вообще появится [12].

Заметим, что эта аналогия применима и для понимания процесса синтеза органических веществ. Человечество, не понимая сути органической материи, не вступая с ней в диалог (не распредмечивая ее), по сути, просто переставляет ее блоки. В то же время, возможно, что органическая материя также обладает сознанием. Польский философ С. Лем (больше известный своими научно-техническими произведениями) выдвинул немало гипотез относительно развития естественного и искусственного интеллекта. Это и разумный океан («Солярис»), и эволюция технократических систем в направлении создания нанороботов, способных объединяться в более сложные и обладающие колоссальной мощностью техносистемы («Непобедимый», «Мир на Земле»).

Также можно отметить, что развитие ИИ больше похоже на развитие индустрии «протезов» интеллекта, когда моделируются не сами принципы работы, а лишь функциональные возможности. Делая более совершенные протезы, напрасно надеяться на то, что со временем удастся их сделать настолько близкими к оригиналу, что

будет «угадано» устройство оригинала. Как и в случае с органической химией, развитие синтеза может идти совершенно другим путем.

3. Также обратимся к истории. Луддиты, в традиционной трактовке, разделяемой многими историками в качестве основной, больше всего боялись, что их заменят машины. Если же вникнуть более глубоко в данное явление, луддизм был вовсе не так прост. Если обратиться к примеру современной Индии, где развито ремесло, можно увидеть всю сложность и неоднозначность конкуренции между ремеслом и индустриальным производством. Ремесленники, как правило, передают дело своим детям. Ребенок с детства не только наблюдает за процессом, но и постепенно, шаг за шагом, постигает, многократно отрабатывает все действия ремесленника. При этом на протяжении десятков лет ремесленники работают одними и теми же инструментами. У одного из современных американских писателей в связи с этим есть интересное утверждение (когда главный герой везет девушку к себе домой): человек, ездивший с юного возраста по этой дороге, способен вписаться в ее повороты на любой скорости.

Высочайшее качество (благодаря наработанному «чувству» материала) и абсолютный минимум травматизма — вот преимущества ремесленного производства. Какова цена увечья, полученного вследствие производственной травмы? Луддиты считали, что эта цена настолько высока, что перекрывает всю экономию, достигаемую при индустриальном производстве благодаря повышению производительности труда. Что касается качества, то по-прежнему, несмотря на несколько столетий машинного прогресса, качество хлопка ручной выделки — самое высокое в мире.

По всей видимости, можно провести аналогии и с ИИ: во многих областях ИИ индустриального характера — массовый — вытеснит «ремесло». Однако тексты, картины, музыкальные произведения, фильмы и многое другое, сделанное человеком, будут вне конкуренции по качеству. И что самое тревожное — как и оператор индустриального станка, ИИ будет ошибаться чаще и «дороже», чем в случае человека-«ремесленника». Это неизбежная плата за прогресс.

Помешает ли это развитию и внедрению ИИ? Из истории мы знаем немало примеров, когда экспансия технологий была прекращена волевым решением вследствие масштабных катастроф. Достаточно вспомнить катастрофу «Титаника» (он так и остался в истории самым большим океанским лайнером, поставив «крест» на дальнейшем наращивании размеров плавучих сооружений навсегда или, как минимум, очень надолго), цеппелина «Гинденбург» (также оставшимся в истории как самый большой летательный аппарат), ТУ-144 и «Конкорда» (самых быстрых пассажирских самолетов в истории), аварии на Чернобыльской и Фукусимской АЭС, сильнейшим образом затормозившие расширение атомной энергетики.

Очевидно, что рано или поздно, как только будет ослаблен контроль, ИИ будет способен совершить масштабную аварию, после чего будут приняты ограничительные меры.

4. В последнее время на повестку дня в мире все чаще выносятся вопросы трансгуманизма: «Возникновение искусственного интеллекта, информационных технологий уже открыто поставило вопрос об изменении родовидового статуса человека» [10, 188]. Согласно концепции трансгуманизма, человек — лишь промежуточное звено эволюции. И будущее принадлежит более совершенному ИИ, машинной цивилизации. «Дегуманизация человека и его жизнеотправления не менее сегодня значимое явление, чем порожденная гуманизмом тотальная цифровизация пока еще человеческого, хотя уже и с заметными элементами пост-человечности, бытия» [8, 39]. Считается, что человечество должно пройти так называемую «точку сингулярности», после чего развитие ИИ резко ускорится, он превзойдет возможности естественного интеллекта. Однако, как уже отмечалось, сильного ИИ до сих пор нет. Помимо перечисленных выше ограничений, у ИИ возможны несовместимости фундаментального характера. ИИ работает на электрических принципах. Хотя много говорится о создании квантового компьютера, нечеткой логике, до сих пор нет доказательств, что на основе этих технологий и принципов хотя бы когда-либо будут достигнуты возможности, сопоставимые с потенциальными возможностями естественного интеллекта. Одно из

принципиальных ограничений — это разные схемы работы. ИИ работает благодаря электричеству. Живые системы используют в качестве сигнальных систем электрический ток. Однако, помимо электрических импульсов, используются также химические способы (в частности, так называемые нейромедиаторы — химические вещества, замыкающие определенные нейронные связи, а в случае передачи между поколениями — такие сложные структуры, как молекулы ДНК). Также есть наблюдения, что живые системы могут передавать информацию посредством воды (это также химическое взаимодействие, но несколько иное, поскольку в целом ряде опытов были получены подтверждения того, что вода способна хранить информацию, — другое дело, в какой мере способны «считывать» эту информацию живые системы), а также посредством различных излучений, в том числе и световых лучей [11; 2; 4]. Последнее заслуживает более внимательного рассмотрения. Электронные устройства способны реагировать на лучи света. Однако, учитывая дуалистичную, корпускулярно-волновую природу света, мы не можем утверждать наверняка, что информация передается исключительно квантами света, на которые настроены фотодиоды. В СССР, в США, в Италии проводились эксперименты по дистанционному получению (а также и передаче) информации, которые показали положительные результаты (т. е. что передача информации возможна) даже в полностью экранированных от электромагнитных излучений помещениях, в частности внутри подводной лодки. Хотя эта область (где природа хранит информацию и как ее передает) чрезвычайно мало изучена, есть немало научных экспериментов и выкладок, которые обосновывают, что природа использует способы хранения и передачи информации, почти совсем не изученные современной наукой. К сожалению, данная тема привлекла очень много шарлатанов, заявляющих о своих возможностях «считывать» информацию экстрасенсорными методами, но на деле самым ярким опровержением способностей так называемых «экстрасенсов» является то, что до сих пор ни один из них не выиграл в лотерею достаточно крупную сумму. Хотя биографии очень успешных людей говорят, скорее, в пользу их неординарных способностей по

получению информации: эти люди правильно «угадывали» чрезвычайно маловероятные комбинации. Однако особые ли способности привели к такому результату или же закон больших чисел (на несколько миллионов проигравших, которых «не замечают» так называемые «истории успеха», всегда найдутся считанные единицы выигравших, согласно закону «нормального» распределения Гаусса) — до сих пор ведутся дискуссии. В то же время истории известны феномены Вольфа Мессинга, Эдгара Кейси и многих других людей, сумевших правильно предсказать будущее (это все задокументировано).

5. Обратимся к «Живой математике». А.В. Бузгалин, читая лекция студентам, многократно обращался к еще одной чрезвычайно малоисследованной теме, существенно развивающей современное математическое моделирование — так называемой «живой математике», в которой, в частности, $1 + 1$ не всегда равно 2. Это математика, основанная на принципиально иной аксиоматике. Например, при сложении кошки с мышкой, получатся не два зверя, а всего один, правда сытый. А при сложении кошки с котом зверей будет намного больше, чем два, поскольку появятся котята.

Мне, увы, пока не удалось, найти разработки в данной области. А.В. Бузгалин рассказал, что «живая математика» когда-то давно, много десятков лет назад, изучалась в ЭМШ (экономико-математической школе) экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, но каких-либо подробных сведений об этом пока найти не удастся.

Существующее сегодня математическое моделирование имеет дело с неизменными, неподвижными, «мертвыми» величинами, которые всегда будут оставаться одними и теми же. Даже ИИ, основанный на так называемых «мягких» измерениях и вычислениях, способен лишь выявить больше взаимосвязей и на их основе определить наибольшие вероятности наступления тех или иных событий. Все эконометрические модели замкнуты сами на себя. Они не способны выйти за пределы своего же собственного множества. «Живая» математика, в отличие от традиционного математического моделирова-

ния, способна выходить за эти пределы. Это главная способность человека, выделяющая его из остального мира, — способность к творчеству, креативной деятельности, созданию принципиально нового. И эта способность совершенно недоступна ИИ, который «умеет» лишь рекомбинировать существующее.

Литература

1. Альпидовская М.Л. «Последний капитализм»: асимптотическое приближение к пределам // Вопросы политической экономии. 2024. № 1 (37). С. 182—195.
2. Верин И.Л. Фундаментальный код // На суше и на море: Сборник. М.: Мысль, 1969. С. 49—54.
3. Джаббаров Д.Б. Трансформация отношений товарного производства под влиянием креативного труда: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2017. 182 с.
4. Кузнецов П.Г. Наука развития Жизни: Сборник трудов. Т. II. Постижение закона. М.: РАЕН, 2015. 460 с.
5. Маркарян К.В. Анти-Тьюринг // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 193—216.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М., 1955.
7. Осипов Ю.М. Российский разворот: от не-России к России и от цифромании к человеку // Философия хозяйства. 2019. № 6 (126). С. 11—21.
8. Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Купчишина Е.В. Искусственный интеллект, большие данные как институты экономики нового технологического поколения // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2020. № 4. С. 27—46.
9. Фриман А. Сумерки машинокрайтического подхода: незаменимый труд и будущее производства // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 37—60.
10. Шулевский Н.Б., Зотова Е.С. Мир человека в тисках техногенеза // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 178—192.
11. Mancuso S., Viola A. Verde brillante: sensibilità e intelligenza del mondo vegetale. Firenze; Milano: Giunti, 2013. 138 p.

12. Searle J. Minds, brains, and programs // Behavioral and brain sciences. 1980. Vol. 3. No 3. P. 417—457. DOI: 10.1017/S0140525X00005756.

References

1. Al'pidovskaya M.L. «Poslednij kapitalizm»: asimptoticheskoe priblizhenie k predelam // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2024. № 1 (37). S. 182—195.
2. Verin I.L. Fundamental'nyj kod // Na sushe i na more: Sbornik. M.: Mysl', 1969. S. 49—54.
3. Dzhabborov D.B. Transformaciya otnoshenij tovarnogo proizvodstva pod vliyaniem kreativnogo truda: Dis. ... kand. ekon. nauk. M., 2017. 182 s.
4. Kuznecov P.G. Nauka razvitiya ZHizni: Sbornik trudov. T. II. Postizhenie zakona. M.: RAEN, 2015. 460 s.
5. Markaryan K.V. Anti-T'yuring // Filosofiya hozyajstva. 2021. № 5. S. 193—216.
6. Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii // Marks K., Engel's F. Soch. T. 4. M., 1955.
7. Osipov YU.M. Rossijskij razvorot: ot ne-Rossii k Rossii i ot cifromanii k cheloveku // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 6 (126). S. 11—21.
8. Osipov YU.M., YUdina T.N., Kupchishina E.V. Iskusstvennyj intellekt, bol'shie dannye kak instituty ekonomiki novogo tekhnologicheskogo pokoleniya // Vest. Mosk. un ta. Ser. 6. Ekonomika. 2020. № 4. S. 27—46.
9. Friman A. Sumerki mashinokraticeskogo podhoda: nezamenimyj trud i budushchee proizvodstva // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2016. № 1. C. 37—60.
10. SHulevskij N.B., Zotova E.S. Mir cheloveka v tiskah tekhnogeneza // Filosofiya hozyajstva. 2021. № 5. S. 178—192.

Н.С. СЕВАСТЬЯНОВ

**Современное философско-методологическое обеспечение
инновационного и технологического развития
российской экономики***

Аннотация. В статье проводится анализ современного философско-методологического обеспечения инновационного и технологического развития российской экономики в контексте его соответствия логике постнеклассической научной рациональности. Анализу подвергается категориальный аппарат, обнаруживающий связь инновационного развития с получением нового знания и логикой господствующего типа научной рациональности, приводится критика ранее действовавшей в стране концепции инновационного развития, а также исследуются характеристики ныне действующей. Можно сказать, что на современном этапе происходят положительные сдвиги, позволяющие связать на практике философско-методологическое обеспечение инновационного и технологического развития российской экономики с логикой постнеклассической научной рациональности, в том числе за счет их направленности на удовлетворение общесоциальных запросов.

Ключевые слова: экономика, инновации, инновационное развитие, технологическое развитие, философско-методологическое обеспечение, научная рациональность, постнеклассическая научная рациональность.

Abstract. The article analyzes the modern philosophical and methodological support for innovative and technological development of the Russian economy in the context of its compliance with the logic of post-non-classical scientific rationality. The categorical apparatus that reveals the connection between innovative development and the acquisition of new knowledge and the logic of the prevailing type of scientific rationality is analyzed, criticism of the previously existing concept of innovative development in the country is given, and the characteristics of the current

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Севастьянов Н.С. Современное философско-методологическое обеспечение инновационного и технологического развития российской экономики // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 49—56. DOI: 10.5281/zenodo.15424097.

one are examined. It can be said that at the present stage positive shifts are taking place that make it possible to connect in practice the philosophical and methodological support for innovative and technological development of the Russian economy with the logic of post-non-classical scientific rationality, including due to their focus on satisfying general social demands.

Keywords: economics, innovation, innovative development, technological development, philosophical and methodological support, scientific rationality, post-non-classical scientific rationality.

УДК 338
ББК 65в

Анализируя технологические инновации и инновационное развитие через призму их экономического основания и содержания, не следует элиминировать философско-методологическое их обеспечение. Одним из важных критериев целесообразности инноваций и инновационного развития в этой связи можно признать соответствие процессов их внедрения и практической реализации логике господствующего типа научной рациональности: чем больше логика исследуемых процессов подчиняется логике доминирующего типа научной рациональности, тем более целесообразны и в конечном счете эффективны внедряемые инновации и осуществляемое инновационное развитие.

Различение типов научной рациональности предложил В.С. Степин, выделив классическую, неклассическую и постнеклассическую научную рациональность [6, 18]. Критерии, позволяющие отличить типы научной рациональности, также предложил и конкретизировал В.С. Степин [1, 249—295]. Среди них выделяют следующие.

1. Особенности системной организации исследуемых объектов и типов картины мира.
2. Особенности средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки.
3. Особенности ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки.

Конец XX — начало XXI в. ознаменовалось доминированием постнеклассического типа научной рациональности, характеризующего и современный этап развития науки и научно-исследовательской деятельности. Постнеклассическую научную рациональность, согласно В.С. Степину, прежде всего, отличают следующие характеристики критериев, представленных выше.

1. Анализ объектов научно-исследовательской деятельности как саморазвивающихся систем, под которыми, в свою очередь, понимается «тип системных объектов, в результате развития которых происходит переход от одного вида саморегуляции к другому» [1, 249—295], т. е. качественные трансформации системы с изменением внутренних связей, степени ее открытости по отношению к внешней среде и процессов обмена информацией, ресурсами с нею.

2. Снижение значимости постижения изолированных объектов действительности [1, 249—295] при возрастающей приоритезации междисциплинарных и проблемно-ориентированных форм исследовательской деятельности, определяющей роли комплексных исследовательских программ, в рамках которых происходит объединение теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний, интенсификация прямых и обратных связей между ними [1, 249—295].

3. Трансформация идеала ценностно-нейтрального познания [1, 249—295], возникающая параллельно с необходимостью экспликации фундаментальных внутринаучных ценностей с вненаучными ценностями общесоциального характера.

Внедрение инноваций и инновационное развитие непосредственно связаны с научно-исследовательской и научно-технической деятельностью и в определенном роде являются их производными, что, помимо понятной логики и реалий «на земле», подтверждают, например, определения, раскрывающие сущность соответствующих категорий, принятых на законодательном уровне. В контексте анализа категориального аппарата исследуемой области важное значение имеют категории «научная (научно-исследовательская) деятельность», «научно-техническая деятельность», «инновационная деятельность», «инновационный проект», дефиниции которых, согласно действующему российскому законодательству, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Дефиниции значимых категорий

Категории, относящиеся к научной деятельности	
Научная (научно-исследователь- ская) деятельность	Деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, в том числе фундаментальные, прикладные и поисковые научные исследования
Научно-техническая деятельность	Деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы
Категории, относящиеся к внедрению инноваций и инновационному развитию	
Инновационная деятельность	Деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание и обеспечение инновационной инфраструктуры
Инновационный проект	Комплекс направленных на достижение экономического эффекта мероприятий по осуществлению инноваций, в том числе по коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов

Источник: составлено автором на основе [5].

Новое знание, являющееся источником реализации инновационных проектов, с точки зрения логики категориального аппарата само по себе является результатом осуществления научно-исследовательской и (или) научно-технической деятельности (вне зависимости от источников их осуществления — внутренних или внешних по отношению к субъекту). Следовательно, процесс внедрения инноваций и инновационного развития, в силу того что он основан на новом знании, получаемом в рамках логики научной рациональности и в соответствии с критериями, присущими ей, во многом «впитывает» в

себя ее критериальные характеристики. Действительно, внедрение инноваций и инновационное развитие на современном этапе в идеальном виде характеризуются следующим набором сущностных признаков.

1. Субъект рассматривает объект, в деятельность которого внедряются инновации или инновационное развитие которого осуществляется, как саморазвивающуюся систему.

2. Внедрение инноваций и инновационное развитие осуществляются посредством междисциплинарных исследований, имеющих в то же время проблемно-ориентированный характер, и последующей коммерциализации их результатов, воплощенных в материальной форме (в качестве товара, работы или услуги).

3. Внедрение инноваций и инновационное развитие осуществляются во исполнение целей, удовлетворяющих чьи-либо значимые интересы: группы собственников предприятия, социальной группы, общества в целом и т. д.

Естественно, на практике реально существующие стратегии инновационного развития и внедрения инноваций отличаются от идеальной модели, реальные признаки отклоняются от идеальных (в большей или меньшей степени), т. е. инновационное развитие осуществляется с нарушениями его философско-методологического обеспечения. Проблему неадекватности философско-методологического обеспечения организации инновационного развития поднимал В.Е. Лепский [2], в частности критикуя подход к организации инновационного развития, изложенный в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. (далее — СИР) [3], за отсутствие методологически адекватных механизмов реализации и неубедительный ценностно-мотивационный компонент обоснования предлагаемых направлений развития (в части сильного неолиберального уклона). СИР по истечении срока действия заменила Концепция технологического развития на период до 2030 г. (далее — КТР) [4], во многом сохранившая в себе черты, критикуемые В.Е. Лепским, среди которых догоняющий характер технологического развития и коммерциализация инновационного развития. В то же время КТР в отдельных положениях оптимизировала СИР, в частности, за счет установления:

1) подходов к формированию механизмов поддержки технологических инноваций, в том числе включающих в себя непосредственный заказ государства на исследования и разработки фундаментального и прикладного характера, являющиеся одной из его функциональных задач на третьем этапе технологического развития, выделяемого КТР;

2) новых форм интеграции научно-исследовательской и производственно-технологической деятельности, в том числе, например, института главных конструкторов и главных технологов как основы формирования качественно новой институциональной среды инновационного и технологического развития;

3) социальной составляющей обеспечения технологического инновационного развития, в том числе системы мотивации кадров и привлечения специалистов в научно-исследовательскую и инновационную сферы деятельности;

4) развития экономики (в данном контексте — инновационного и технологического) как фактора развития национальной экономики и социальной сферы Российской Федерации.

Современному подходу к стратегическому планированию инновационного развития, декларируемому российскими программными документами, таким образом, присуща как минимум одна ключевая характеристика, позволяющая соотнести его с логикой постнеклассической научной рациональности, а именно приверженность ценностям и идеалам общесоциального характера. В то же время в действующей КТР наблюдаются признаки восприятия национальной экономики и ее инновационного развития как саморазвивающихся систем, в отношении которых требуется осуществлять корректное регулирующее воздействие и социополезное взаимодействие, а также необходимость принятия мер, направленных на усиление междисциплинарного характера и межотраслевой направленности инновационного и технологического развития, в том числе, например, за счет поддержки развития сквозных технологий.

Можно сказать, что предшествующие годы и ассоциируемые с ними политическая, экономическая и социальная обстановка на национальном и мировом уровнях способствовали внесению адекватных корректировок в программные документы инновационного развития в части их философско-методологического обеспечения.

В первую очередь, условия инновационного и технологического развития российской экономики последних лет показали, что догоняющий (по отношению к экономически развитым странам) целевой ориентир развития и ориентация на наиболее налогоемкие отрасли производства не являются реальной панацеей, тем более в условиях ограничений и санкций. Во многом благодаря санкционной политике, проводимой в отношении России, акцент ее философско-методологического обеспечения сместился в сторону:

1) принятия факта необходимости реализации межотраслевого и междисциплинарного подхода к инновационному развитию экономики;

2) необходимости удовлетворения, прежде всего, общесоциальных нужд.

Однако стоит отметить, что законодателю еще многое предстоит проделать на пути совершенствования философско-методологического обеспечения инновационного развития, реализуемого в Российской Федерации, для приведения ее к полному соответствию логике постнеклассического типа научной рациональности. Важно в условиях потенциально возможной «оттепели» в политических и экономических связях с западными странами не сойти с линии наметившегося в последние годы тренда и идти по собственному пути инновационного и технологического развития.

Литература

1. Аршинова В.И. и др. Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. 671 с.

2. Лепский В.Е. Инновационное развитие России: философский анализ // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 169—187.

3. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства РФ. 2023. 29 мая.

4. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Собрание законодательства РФ. 2012. 2 января.

5. О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон РФ от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ; принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 12 июля 1996 г.; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. РФ 7 авг. 1996 г. // Российская газета. 1996. 3 сент.

6. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3—18.

References

1. *Arshinova V.I. i dr.* Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura. SPb.: Izdat. dom «Mir», 2009. 671 s.

2. *Lepskij V.E.* Innovacionnoe razvitie Rossii: filosofskij analiz // Filosofija nauki i tehniki. 2016. T. 21. № 1. S. 169—187.

3. Ob utverzhdenii Konceptii tehnologicheskogo razvitija na period do 2030 goda: rasporjazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 20 maja 2023 g. № 1315-r // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. 29 maja.

4. Ob utverzhdenii Strategii innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda: rasporjazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 8 dek. 2011 g. № 2227-r // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. 2 janv.

5. О науке и государственной научно-технической политике: Федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ; принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 12 июля 1996 г.; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 7 авг. 1996 г. // Рос. Газ. 1996. 3 сент.

6. *Stepin V.S.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3—18.

С.Г. КОВАЛЕВ

**Метафизика доминирования: США от Арктики
до Антарктики.
Пространственная геоэкономика будущего***

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза, объясняющая новейшую геополитику США как вход в будущее экономическое доминирование — по принципу контроль от Арктики до Антарктики. Новейший миропорядок трактуется как симбиоз традиционных и новейших форм глобализма: финансового, технологического, цифрового, ментально-культурного. Показана возможность выстраивания защитного американского глобализма как слияния разных его видов на одном континенте и в мире в целом по осям «самодостаточный центр — ослабленная периферия», используя путь ресурсной и продуктовой самодостаточности Центра. Этой цели служит политика построения Великой Америки.

Ключевые слова: метафизика доминирования, виды глобализма, стратегия и экспансия США.

Abstract. The article puts forward a hypothesis explaining the latest US geopolitics as an entry into future economic dominance — based on the principle of control from the Arctic to Antarctica. The latest world order is interpreted as a symbiosis of traditional and newest forms of globalism: financial, technological, digital, cultural. The possibility of building a protective American globalism as a merger of its different types on one continent, and in the world as a whole, along the axes: self-sufficient center — weakened periphery, using the path of resource and product self-sufficiency of the Center is shown. This goal is served by the policy of building a Great America.

Keywords: metaphysics of dominance, types of globalism, strategy and expansion of the USA.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Метафизика доминирования: США от Арктики до Антарктики. Пространственная геоэкономика будущего // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 57—67. DOI: 10.5281/zenodo.15424200

УДК 330
ББК. 65.в

Современный мир противоречив и доминантен, в нем идут тектонические процессы, рождающие новый миропорядок, обусловленный сдвигами в мировых производительных силах и сдвигами потенциала стран, связанный с неравномерностью развития и конкуренцией. А это меняет механизм поддержания целостности современного мира. Наряду с существующей страновой целостностью также формируются глобальная целостность и потенциальная континентальная целостность (например, Большая Евразия, Единая Европа, Большая Австралия, Единый Север белой нации — ось: Осло — Москва — Нью-Йорк), возможна и межконтинентальная этническая целостность, например, союз англосаксонских стран: Австралии, Британии, США, Канады, Новой Зеландии. А возможна попытка использования нескольких основ целостности для механизма сохранения или приобретения доминирования. Яркий исторический пример — Британское содружество наций. В любом случае миропорядок всегда, с одной стороны, означает организационную упорядоченность, устойчивость (как сетевую, так и иерархическую), а с другой стороны, имеет очаги напряженности, нестабильности, ведущие к смене типа миропорядка [2, 159]. Но при этом всегда в нем присутствуют доминантные игроки — как страны, так и корпорации, фонды, богатейшие семьи [1, 80—81].

Современный мир разделяется на зоны и меняется — и гео-климатически, и геополитически, и геоэкономически, и геокультурно. Меняются и формы глобализации планетарного доминирования, планетарной власти. Однако остается неизменным желание правящих элит сохранять собственное положение и приумножать экономическую мощь на основе мировых проектов, используя достижения НТП, в том числе в области средств связи и цифровизации, искусственного интеллекта, нейросетей. Завоевания в этих сферах лидерства на основе концентрации и привлечения значительных ресурсов. Соответственно, формы глобализма становятся и более разнообразными, и более изощренными, и более эластичными — традиционный финансовый глобализм срачивается с технологическим и мультикультурным глобализмом, а сама глобализация будет проявляться

как глобализация крупных макрозон. Уже наблюдается борьба двух линий-тенденций в глобализме (как в мире, так и в США). Условно это: 1) традиционный глобализм — установление тотальной финансовой власти уже сложившегося мирового финансового капитала, с центром в Сити (Лондон) и его ветвей в других регионах мира; 2) новый глобализм — симбиоз цифрового, части производительного и финансового капитала США, более или менее национально ориентированного, базирующегося в пространстве североамериканского континента, опирающегося на современные прорывные технологии, реальный сектор, в том числе ВПК, освоение космоса. Отличия между ними — разные проектировщики и выгодополучатели, разные концепции глобализма, но в целом наблюдается их синтез по линии новой, высокообразованной, сращенной с силовыми структурами элиты, живущей в США. У США прослеживается и тенденция создать мировое ядро (элитарный защитный и защищенный, собственный, обеспеченный ресурсами центр) и пластичную периферию — остальной мир. Соответственно, глобализм как тенденция последних пятидесяти лет, как достижение новой планетарной целостности и сегодня сохраняется, но трансформируется, а его цель — установление общепланетарной власти — видоизменяется лишь тактически. Тотальная цифровизация способствует решению данной задачи и, по сути, выступает одной из форм глобализма, обеспечивающей единое планетарное управление, и важнейшим инструментом новейшего миропорядка. Это означает, что планетарный вектор будущего видится как общая связка четырех слагаемых-векторов: единого планетарного управления, единых принципов и требований планетарной экологической устойчивости, единого планетарного цифрового пространства, единого автономного центра (пока это США). Соответственно, доминирование в настоящее время и в возможном будущем различно. Доминирование — это абсолютное (сравнительное) превосходство одного из субъектов мирового порядка по отношению к другим, позволяющее реализовывать ему намеченные цели, навязывать свою стратегию. Доминирование — это не просто лидерство, а форма власти, вытекающая из достигнутого превосходства. Оно может быть негативным и позитивным, пассивным и активным в зависимости от целей доминанта. В животном мире это потребность за-

нять максимум жизненного пространства. В социальном мире это желание контролировать воспроизводственные процессы. В будущем доминирующая роль останется у тех обществ, которые сохранят за собой не только природно-ресурсное пространство, но и создадут наиболее благоприятную для жизни социальную и воспроизводственную среду.

В этом плане любопытно последовательное декларирование американским президентом Д. Трампом постулата Великой Америки — лозунга «Make America Great Again», причем это не только экономическая мощь, но и установление контроля за оставшимися свободными, малонаселенными территориями американского континента и прилегающей к нему западной части Антарктиды (Антарктический полуостров и массив суши между 40—160° з. д.). Тиражируемое в литературе положение, что в современном мире и экономике нет жесткой связи между экономической мощью и контролируемым территориальным пространством, не более чем мифологема, оно верно лишь частично, данная взаимосвязь не ушла в прошлое, просто стала более закамуфлированной. В этой связи, понимание и анализ действий США по созданию локальной континентальной зоны собственного доминирования, направленной и способствующей контролю над пространством земного шара, — реальность настоящего и будущего. Концептуально такое понимание важно для РФ. Д. Трамп в свой первый срок высказал идею присоединения к США Гренландии, а во второй срок Канады и зоны Панамского канала. Эти высказывания нельзя недооценивать, они часто подаются в СМИ как блажь экспрессивного человека. На самом деле это не экстравагантные высказывания, а глубоко рациональное понимание перестройки современного планетарного мира и механизмов возможного доминирования в нем, в том числе путем формирования собственного обособленного сегмента от Арктики до Антарктики, в котором США и их «англосакские» союзники не просто контролируют значительную территорию и ископаемые ресурсы, а безраздельно в нем господствуют, удерживая к тому же и контроль над водами и транспортными потоками четырех океанов, примыкающих к суши американского континента, включая 200-мильную экономическую зону. Своего рода это естественный водораздел между американским миром и миром всех других стран. В картографическом

плоскостном изображении это как минимум меридианный сегмент — область от полюса до полюса, позволяющая регламентировать основные межконтинентальные проливы, воды слияния Атлантического, Северного, Тихого, Индийского (см. рис. 1). Это сплюснутый земной шар, в котором выделен, очерчен выпуклый сферный сегмент, связывающий пространство (суши и недр, прилегающих вод, космоса) и ограниченный меридианными дугами от Гренландии (зона таяния прибрежных арктических льдов) до части Антарктиды (где таяние льдов проблематично), над которым США попытаются установить свой суверенитет. Это своеобразный защитный океаническо-континентальный вал — с одной стороны, Северный — Атлантический — Индийский океаны, а с другой — Северный — Тихий — Индийский океаны, которые омывают американский континент. Это новая форма глобализма — обособленный пространственный глобализм, позволяющий контролировать планету. Это своего рода ответ США на инициативы Китая — проект «Единой судьбы человечества» и проект «Один пояс — один путь». Это и ответ на геополитические и геоэкономические претензии ЕС. Это и задел элиты США и англосаксонского мира, призванный сохранить позиции в планетарном будущем. Это их эффективное, умелое использование своего географического положения на основе морской и военной мощи. Своеобразная, уточненная доктрина Джеймса Монро наших дней — «Американский континент для США», распространяющая юрисдикцию США на все территории американского континента и воды, омывающие его, уточненная доктрина Джона Луиса О'Салливана — «Предопределенная судьба» (территориальная экспансия как предназначение, предопределение бога, высказанная в 1845 г. в статье «Аннексия» — простирается США от океана до океана), доктрина Збигнева Бжезинского — «Процветание США за счет стран мира» (развитие США на основе ресурсов иных стран, в частности России). Это формальный уход США из Западной Европы, передача функции контроля над ней Британии, используя Украину, Польшу, Венгрию, а в целом ее ослабление, снижение роли в мире, нивелирование интеграционного эффекта от создания ЕС, сдерживание имперских амбиций Германии. Это политика втягивания Европы, под патронатом Британии, в долговременное противостояние

с РФ (договор о стратегическом партнерстве между Англией и Украиной сроком на сто лет). Кратко рассмотрим потенциальные, острые реперные точки отрезков глобальной дуальной дуги, выстраиваемой США на основе реального и потенциального присоединения территорий.

Гренландия — самый крупный остров — географически относится к Северной Америке, омывается водами двух океанов: Атлантического и Северного Ледовитого. Площадь — 2 166 086 км², протяженность: в длину — 2700 км, в ширину — 1300 км. Во время Второй мировой войны, после оккупации Дании Третьим рейхом Гитлера, остров контролировался США (Соглашение американского правительства и посланника Дании в Вашингтоне от 9 апреля 1941 г. «Об обороне Гренландии»). По соглашению между Данией и США от апреля 1951 г., они совместно осуществляют защиту острова, на нем находятся американские военные объекты, в частности база в Туле, в рамках американской системы противоракетной обороны. США неоднократно намеревались присоединить Гренландию, в том числе через механизм покупки. Например, в 1946 г. США предлагали Дании 100 млн долл. за продажу острова. В 2019 и 2024 гг. Д. Трамп вновь огласил предложения о продаже острова. Остров и его 200-километровая прибрежная зона в условиях таяния льдов, сокращения массы ледников становится ценным активом: 1) располагает значительными запасами полезных ископаемых: графитом, мрамором, свинцово-цинковыми и урановыми рудами, бурым углем, нефтью, газом; рыбными запасами и запасами морских млекопитающих, съедобными моллюсками; 2) позволяет контролировать вход в северо-западный проход и Северный морской путь; 3) снижает эффективность военного потенциала РФ: повышает уязвимость морских баз и действий флота; 4) снижает подлетное время ракет в случае их там размещения. Передача Гренландии США резко увеличивает их арктический сегмент, делает его сопоставимым с сегментом РФ.

Канада — государство на севере американского континента: территория — 9 984 670 км², в том числе суша — 9 053 507, водная поверхность — 8,62%. Территориальное суверенное пространство страны включает 52 тысячи островов, население — более 41 млн чел. Д. Трамп предложил Канаде стать 51-м штатом США, опубликовав

соответствующую карту, мотивируя это интересами Канады — экономической стабильностью и защитой от российских и китайских кораблей. На самом деле это укрепление позиций США: присоединение Канады увеличивает геополитический, экономический и военный потенциал и ослабляет позиции Великобритании в Северной Америке.

Северный морской путь (СМП) идет вдоль берегов РФ через Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское море с выходом через Берингов пролив в Берингово море. Связывает два крупнейших океана — Атлантический и Тихий. Расстояние от Мурманска до Иокогамы — около 5770 морских миль. Навигация с конца июня до декабря-января, а с использованием ледокольной проводки круглогодичная. СМП геостратегически и геоэкономически важен не только для РФ, но и для других стран, в частности США — он короче, чем путь через Суэцкий канал и может переключить на себя не только часть американских грузов в Европу, но и часть грузов стран Юго-Восточной Азии: китайских, японских в обоих направлениях. Соответственно, контроль над СМП, — долговременная стратегия США. Если арктическое потепление продолжится, то продолжится и прибрежное таяние льдов Северного Ледовитого океана, гипотетически через 50 лет пространство его незамерзающей акватории сильно возрастет. Пока СМП находится исключительно в экономической зоне (200 миль от границы наибольшего отлива) РФ и контролируется ею.

Для коррекции правового статуса СМП, пользования им заинтересованные субъекты могут задействовать несколько способов, в том числе: 1) оспаривать статью 224 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (в части права прибрежных стран, где суровые климатических условия — вводить особые правила судоходства в целях сохранения окружающей среды); 2) расширить собственную суверенную акваторию — отодвинуть 12-мильную (территориальные воды) и 200-мильную (экономические воды) зоны, сделать их пересекающимися с зонами других стран. Соответственно, таяние льдов способствует апелляции к международному праву по отмене особого режима судоходства, которые ввела РФ. Ситуацию усугубляет подписанное Э. Шеварднадзе 1 июня 1990 г. в Вашингтоне «Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств».

Хотя оно не ратифицировано, но действует на временной основе, что позволяет США считать отошедшую ей территорию своей или как минимум спорной и претендовать на контроль над входом в Берингов пролив, а следовательно, и часть СМП.

Для усиления своей позиции США подписали с Канадой и Финляндией соглашение о строительстве ледоколов — «Ледовой пакт». Оно направлено на интеграцию усилий по преодолению отставания в количестве ледоколов: у Финляндии — 12, у Канады — 10, у США — 2 по отношению к РФ (более 40) и противодействие проникновению Китая в арктические воды, его позиционированию себя как «приарктического государства», его концепции «Полярного шелкового пути», его программе строительства собственного ледокольного флота. Цель — построить в ближайшие 10 лет 70—90 ледоколов. «Ледовой пакт» предусматривает обмен информацией и технологиями, кооперацию производственных мощностей и подготовку рабочей силы, привлечение международных заказов. Большая роль отводится Финляндии (80% мирового рынка проектирования и 60% строительства ледоколов), тем самым налицо попытка «перенаправить» Финляндию от сотрудничества с Китаем и РФ к сотрудничеству с США.

Северо-западный проход связывает Тихий и Атлантический океаны, проходит по западной части Северного Ледовитого океана вдоль побережья Северной Америки, Канадского Арктического архипелага. Имеет многовековую историю поиска и освоения. По мере таяния льдов проход становится более привлекательным для тяжелых сухогрузов и танкеров, он более глубокий по сравнению с СМП и Панамским каналом, но требует обязательного ледокольного сопровождения. Помимо коммерческого судоходства он важен для развития горнодобывающей промышленности Северной Канады и Северной Аляски, а также в военном отношении. В настоящее время в акватории прохода нет развитой портовой инфраструктуры, в этом плане он уступает СМП.

Панамский канал — рукотворное сооружение, соединяющее Атлантический и Тихий океаны на стыке Северной и Южной Америки. Пересекает Панамский перешеек с севера на юг. Построен США в 1914 г. по концессии с Панамой, модернизирован в 2016 г. С 31 декабря 1999 г. канал находится в юрисдикции Панамы.

Длина — 81,6 км, ширина — 150 м (ширина камеры шлюзов — до 55 м), глубина прохода — до 18 м. Возможен проход танкеров и газозовов водоизмещением до 150 тыс. т. Пропускная способность — 600 млн т. грузов в год, в сутки 36—38 судов. Параллельно в зоне канала проходят железнодорожная линия и автомагистраль. На канал приходится 2,5% мировой морской торговли. Основная часть грузов (более 71,5%), идущих по каналу, приходится на США. Также велика доля Китая, Японии. На США падает 40% контейнерных перевозок. Сборы за прохождение по каналу растут — более 2,5 млрд долл. ежегодно. В последние годы китайские компании через посредников пытаются контролировать отдельные порты канала, прежде всего вход и выход.

Великий трансокеанский канал Никарагуа — альтернативный проект, который многие десятилетия пытается реализовать правительство Никарагуа. Предусматривает прохождение 5000 судов в год. Основной инвестор — Китай. Ориентировочная стоимость проекта — около 50 млрд долл. Никарагуа, не вкладывая свои средства, получает через 50 лет — 51%, а впоследствии — 99% акций, а также часть дохода от эксплуатации. Также предусмотрено строительство в зоне канала других объектов: портов, дорог, иных объектов инфраструктуры. Начало строительства было намечено на 2019, а окончание — на 2029 г. Проектные характеристики канала: длина — 278 км, из них по озеру Никарагуа — 105, ширина — 230—500 м, глубина — 26—30 м, время прохождения — 30 часов. В настоящее время проект заморожен. В 1924 г. президент страны Д. Ортега представил обновленную карту канала, через озеро Манагуа, а также соглашение о возведении глубоководного порта в городе Блуфилдс, строить который намеревается китайская компания. Но в целом проекту возведения канала существует большое противодействие со стороны экологов, никарагуанской оппозиции и США.

Магелланов пролив разделяет архипелаг Огненная Земля и континентальную Южную Америку (ширина — 2,2 км, длина — 575 км, наименьшая глубина — 20 м). Соединяет (наряду с проливами Дрейка, Бигла) Атлантический и Тихий океаны на южной оконечности Южной Америки.

Антарктида — покрытый льдом континент, с территорией 14 107 100 км², постоянного населения нет, государств нет, присутствуют исследовательские антарктические станции (более 60 на круглогодичной основе) из 11 стран. Первой вдоль всего материка (на широтах от 60 до 70°) прошла русская экспедиция под руководством Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева. Ледниковый покров Антарктиды содержит 80% пресных вод планеты. Континент и шельф богат полезными ископаемыми. По оценкам геологической службы США, запасы нефти (более 50 млрд т) и газа (более 100 трлн м³) только в регионе моря Росса — одни из крупнейших в мире. Хозяйственная деятельность в Антарктике запрещена. С 1986 г. это безъядерная зона — запрещены вход атомных подводных лодок и использование атомных энергоблоков. Намечаемая Конвенция о возможности добычи полезных ископаемых в силу не вступила. Вместо нее с 1991 г. действует «Мадридский протокол по охране окружающей среды», но его срок ограничен 2048 г. Отсутствие хозяйственной деятельности не означает отсутствия претензий на антарктическое территориальное пространство: есть заявки от Норвегии, Великобритании, Австралии, Аргентины, Франции, Чили, Новой Зеландии (предъявлены до вступления в действия Договора об Антарктике). Есть страны, отказавшиеся от претензий на территории. Есть страны, не отказавшиеся от возможности подать заявку, в частности Россия и США. Например, США неофициально претендуют на землю Мэри Бэрд (площадь — 888 000 км²). В целом США последовательно проводят стратегию и политику удержания американского континента и прилегающих морей, включая формирование новых экономических и военных союзов, в частности AUKUS, QUAD.

Возникает вопрос: что в этих условиях делать РФ? Ясно, что жизненные интересы США и жизненные интересы РФ различны и в целом почти пересекаются. Поэтому самый простой ответ — осмотреться, оценить обстановку и возможности, занять активную оборону, не допуская открытого противостояния, и форсировать реальное развитие собственной страны.

Литература

1. Ковалев С.Г. Державный воспроизводствогенез России в будущее. Экономика созидания. Ч. 1. СПб., 2024.

2. Ковалев С.Г. Россия и ее интересы в новейшем миропорядке // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1. М., 2022. С. 155—161.

References

1. Kovalev S.G. Derzhavnyj vosproizvodstvogenez Rossii v budushchee. Ekonomika sozidaniya. CH. 1. SPb., 2024.
2. Kovalev S.G. Rossiya i ee interesy v novejshe miroporyadke // Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo: Ezhegodnik. Vyp. 5. CH. 1. M., 2022. S. 155—161.

Д.А. МИХАЛЕВ

Философские и экономические подходы к концепции технологического суверенитета*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы безопасности и суверенитета государства в формировании концепции технологического суверенитета в современных условиях. Исследование опирается на философские и экономические подходы к глубинному осмыслению суверенитета как достаточно многогранного, многоаспектного и междисциплинарного явления, отражающегося в условиях цифровизации, технологической конкуренции и сложной геополитической обстановке. Особое внимание в работе уделяется роли накопленных знаний о технологическом суверенитете как факторе безопасности и устойчивого экономического развития. Данная статья направлена на выявление ключевых подходов к исследованию сущности технологического суверенитета и его места в современной экономической науке.

Ключевые слова: технологический суверенитет, философия, экономика, экономический рост, национальные интересы.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Михалев Д.А. Философские и экономические подходы к концепции технологического суверенитета // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 67—88. DOI: 10.5281/zenodo.15424211.

Abstract. The article examines the issues of security and sovereignty of the state in the formation of the concept of technological sovereignty in modern conditions. The research is based on philosophical and economic approaches to the deep understanding of sovereignty as a rather multifaceted, multidimensional and interdisciplinary phenomenon, reflected in the conditions of digitalization, technological competition and complex geopolitical conditions. Special attention is paid to the role of accumulated knowledge about technological sovereignty as a factor of security and sustainable economic development. This article is aimed at identifying key approaches to the study of the essence of technological sovereignty and its place in modern economics.

Keywords: technological sovereignty, philosophy, economics, economic growth, national interests.

УДК 330.88

ББК 65.03

Введение

Вопросы безопасности и суверенитета приобретают особую значимость в условиях быстрого технологического развития и системных сдвигов в экономике, обусловленных конкуренцией за контроль над критическими и сквозными технологиями. Учитывая такие условия, важно заметить, что технологический суверенитет рассматривается как способность государства или страны самостоятельно разрабатывать и внедрять стратегически важные технологии, обеспечивая свою суверенность в ключевых сферах экономики — от научно-технологической сферы до оборонно-промышленного комплекса.

Несмотря на резко возросший интерес к проблематике технологического суверенитета и технологической независимости в экономике, концепция технологического суверенитета до сих пор не получила всестороннего философского и теоретико-методологического осмысления в рамках экономической науки. В отечественной и зарубежной литературе исследование тематики технологического суверенитета сконцентрировано преимущественно на прикладных аспектах, связанных лишь с поверхностным рассмотрением технологиче-

ского суверенитета, в то время как философское понимание сущности суверенитета в его технологическом проявлении требует более глубинного осмысления.

Целями данной статьи являются изучение и исследование теоретико-философской сущности концепции технологического суверенитета, а также анализ его значения для устойчивого роста и обеспечения безопасности макросистемы.

Теоретическая значимость статьи заключается в уточнении философских оснований концепции технологического суверенитета и выявлении ее методологической ценности при более глубинном рассмотрении данной концепции. Практическая значимость проявляется в возможности применения данной работы для систематического и междисциплинарного изучения концепции технологического суверенитета.

Методология

Методологический инструментарий, используемый в данной статье, содержит диалектический подход, а также системный и междисциплинарный анализ. В исследовании также применяются сравнительно-исторический метод, категориальный подход, а также элементы политико-экономического анализа.

Статья опирается на междисциплинарный подход, соединяя философские, экономические и политические аспекты анализа. Она также акцентирует внимание на возможности концептуального осмысления технологического суверенитета в экономике и философии в современных условиях.

Философские взгляды на сущность суверенитета

Суверенитет как ключевой феномен политической и социальной философии претерпел эволюцию в интерпретации, отражая изменения в обществе, экономике и технологиях. Первые фундаментальные концепции суверенитета появились в XVI—XVII вв., но впоследствии их содержание неоднократно изменялось из-за разных факторов, таких как, например, смена политического строя, технологический прогресс и др.

Одним из основателей термина «суверенитет» считается Жан Боден, который в трактате «Шесть книг о государстве» сформировал

понятие суверенитета «как высшую, неделимую и постоянную власть, принадлежащую монарху». Он также отмечал, что суверенитет не должен зависеть от внешних или внутренних сил, а его власть не может быть ограничена никакими законами, кроме божественных и естественных. Из этого можно сделать вывод о том, что Жан Боден заложил основы концепции суверенитета, ставшего базисом для государств Европы [3].

Томас Гоббс в своем труде «Левиафан» [8] продолжил развитие этой идеи, утверждая, что суверенитет или государственная власть необходимы для предотвращения хаоса и анархии в обществе. По-видимому, люди в «естественном состоянии» находятся в конфликте друг с другом, а передача власти сильному правителю через общественный договор обеспечивает порядок и безопасность. Т. Гоббс также был уверен, что правитель обладает неограниченной властью, а его решения не подлежат оспариванию, что оправдывало различные политические режимы. Е.А. Фролова справедливо отмечает, что «в характеристике форм государства Гоббс следовал теории Ж. Бодена» [30, 43], возвращаясь к тезису о первоисточнике понятия и категории «суверенитет».

Заметим, что Джон Локк, напротив, выступал за ограниченный суверенитет, основанный на разделении властей. В своей работе «Два трактата о правлении» [19] он критиковал идеи Гоббса, утверждая, что власть правителя должна основываться на согласии подчиненных. Локк предложил концепцию «народного суверенитета», согласно которой государство должно защищать естественные права граждан, включая право на частную собственность, в противном же случае, при злоупотреблении правителем властью, народ имеет право на восстание.

Жан-Жак Руссо в своем трактате «Об общественном договоре» [26] в духе своего времени развивал идею народного суверенитета, утверждая при этом, что высшая власть должна принадлежать народу как коллективному субъекту. Руссо отвергал представление о суверенитете как о монополии на власть правителем и подчеркивал, что решения должны приниматься на основе общей воли народа. Жан-Жак Руссо оказал огромное влияние на формирование во Франции и во всем мире принципов демократии и современных представлений о политическом суверенитете. Как отмечает М.М. Федорова,

заслуга Ж.-Ж. Руссо в исследовании суверенитета состоит в том, что ему удалось установить связку «суверенитет — народ (через общую волю) — закон» [28, 158].

В XIX в. Г.В.Ф. Гегель в своей работе «Философия права» [6] предложил концепцию рационального государства, рассматривая суверенитет как выражение объективного духа. Он полагал, что государство является высшей формой развития общества, обеспечивающей свободу через подчинение правилам поведения (законам). В это же время Карл Маркс развивал идеи о диалектическом начале присущем государству, отмечая, что суверенитет отражает классовые интересы, а политическая власть является инструментом правящего класса.

В XX в. Макс Вебер в своем труде «Политика как призвание и профессия» [40] определял суверенитет через призму власти, основанную на легитимности. По Веберу, государственный суверенитет зиждется на признании легитимности власти гражданами, а не только на принуждении (три типа легитимного господства).

Немецкий правовед, философ, социолог и политический теоретик Карл Шмитт в своей работе «Политическая теология» [36] разработал концепцию суверенитета через понятие исключительной ситуации. Шмитт утверждал, что правитель или суверен — это тот, кто принимает решение в чрезвычайных обстоятельствах. Карл Шмитт критиковал либеральную демократию (опять же возвращаясь к духу своего времени) и считал, что в критические моменты власть должна концентрироваться в руках единоличного лидера.

В конце XX в. Фрэнсис Фукуяма в своей работе «Конец истории и последний человек» [32] исследовал трансформацию суверенитета в условиях распространения либеральной демократии. Он заметил, что национальные государства постепенно утрачивают свою роль, а межнациональные институты и международные организации становятся новыми центрами в мире.

Мануэль Кастельс в своей работе «Информационная эпоха» [17] отметил, что развитие цифровых технологий привело к ослаблению традиционного государственного суверенитета. М. Кастельс утверждал, что информационные сети, корпорации и международные организации становятся опорой в мире, а государства, наоборот, теряют контроль над стратегическими сферами.

Ранее Мишель Фуко предложил иную трактовку власти и суверенитета. В своих работах, одной из которых является «Надзирать и наказывать» [31], он утверждал, что власть носит не только государственный, но и дисперсный характер, распространяясь через системы наказания, знания и контроля. Суверенитет, по Мишелю Фуко, больше не принадлежит единому центру, а распределяется между разными структурами власти, включая технологии и информацию. А.В. Дьяков и А.М. Соколов отмечают, что «Фуко предложил оригинальную схему трансформации проблемы суверенитета при переходе от классического либерализма к неолиберализму» [14, 30]. Схема состоит из двух путей: революционного и радикального. Первый путь опирается на классическое представление о праве, т. е. определение естественных прав индивида и условий ограничения их властью, второй путь исходит не из права, а из самой практики управления государством, выясняя при этом ее фактические пределы. Оба случая из риторики Фуко направлены на ограничение власти государства [14].

Юрген Хабермас подчеркивал в своей работе «Структурные изменения публичной сферы» [35], что современные государства должны опираться на публичное обсуждение и консенсус, а власть должна быть подотчетной гражданскому обществу. Данный тезис был выдвинут при рассмотрении эволюции суверенитета в контексте демократии.

В российской философской и экономической мысли вопросы суверенитета всегда имели особое значение, учитывая исторический контекст России и ее государственности, а также противостояния внешним вызовам и угрозам на всех этапах. Российские мыслители рассматривали суверенитет как ключевой фактор построения государства, уделяя внимание его политическим и экономическим аспектам.

Николай Данилевский, автор теории культурно-исторических типов, рассматривал государственный суверенитет России в контексте цивилизационного противостояния Запада и славянского мира. В книге «Россия и Европа» [11] он критически относился к идеям западного политического и экономического превосходства и доминирования, подчеркивая, что у России есть собственный путь развития, независимый от внешнего влияния. С этой точки зрения обратимся к

технологическому суверенитету как к продолжению идеи самобытности, требующей независимости от инноваций и технологий других государств.

В советский же период В.И. Ленин подчеркивал, что политическая независимость невозможна без аналогичной экономической. В своих работах, а особенно в труде «Империализм как высшая стадия капитализма» [4], он анализировал зависимость периферийных экономик от мирового капитала и выдвигал необходимость создания самодостаточной системы народного хозяйства.

Возвращаясь в российскую экономику 2000-х гг. годов, стоит выделить Евгения Примакова (российский экономист и политик), который в 1990-е и 2000-е гг. активно развивал концепцию многополярного мира, где суверенитет России зависел от ее способности сохранять независимость в стратегически важных отраслях. Е. Примаков заметил, что зависимость от западных технологий ставит под угрозу экономическую и национальную безопасность страны [10].

Наши современники продолжают развивать концепцию суверенитета уже в новых условиях. Сергей Юрьевич Глазьев, экономист и академик РАН, подчеркивает, что без технологического суверенитета Россия рискует оказаться в зависимом положении в мировой экономике. В работах С.Ю. Глазьева анализируются вопросы экономической безопасности, создания национальных инновационных систем [7].

А.Г. Дугин рассматривает вопросы суверенитета через призму геополитики. В своих работах, например в «Основах геополитики» [13], он устанавливает, что суверенитет невозможен без стратегической независимости государства, включая контроль над технологиями, ресурсами и информацией. А.Г. Дугин считает, что Россия должна развивать собственную науку и технологии в противовес западным. Для Дугина суверенитет — это не просто юридическая независимость государства, а способность проводить самостоятельную политику, контролировать стратегические ресурсы и формировать собственную систему ценностей. А.Г. Дугин утверждает, что современный мир движется в сторону противостояния между атлантизмом (Запад) и евразийством (альтернативными центрами силы). Сувере-

нитет в данном контексте не только отказ от политического подчинения Западу, но и экономическая, информационная и технологическая борьба за российские национальные интересы.

Философские взгляды и воззрения на суверенитет эволюционировали от идеи абсолютной власти монарха или правителя до концепции народного суверенитета, затем — к теоретическим моделям разделения властей, а в XX—XXI вв. — к сетевым формам власти и технологическому суверенитету. Стоит также отметить, что российские философы и экономисты традиционно рассматривали суверенитет как многогранное явление, включающее политические, экономические, а теперь и технологические аспекты. Современные условия, такие как цифровизация и технологическая суверенность, требуют переосмысления первоначальных концепций и взгляда на них под другим углом.

Философские и экономические основания технологического суверенитета

В современном мире наличие у страны собственных передовых технологий становится критически важным при всеобщей зависимости от поставок технологий из центров их разработок. Такие экономисты, как Карл Маркс и Йозеф Шумпетер, писали, что экономика развивается циклично, а технологические инновации служат важнейшими базовыми условиями экономического роста при трансформации социальных и экономических структур.

Стоит также отметить, что с точки зрения институциональной экономики, основоположниками которой выступали Д. Норт и Т. Веблен, технологический суверенитет можно рассматривать как часть более широкой институциональной структуры, определяющей способности страны на международной арене. Государство может потерять контроль над критически важными технологиями в различных отраслях, что впоследствии отразится на состоянии его экономической и научно-технологической безопасности, а также на ограничении самостоятельности в проведении собственной промышленной политики. Экономико-философское осмысление экономической безопасности и технологического суверенитета требует изучения

сущности технологического развития не только как научного феномена, но и как фактора, формирующего экономическую мощь и устойчивость государства.

Известно, что современная философия науки рассматривает научное знание не только как результат индивидуальной или коллективной деятельности познания, но и как продукт социальных, экономических и политических структур. Р.К. Мертон предложил концепцию нормативной структуры науки, включающую принципы универсализма, организованного скептицизма, бескорыстия и коллективизма. Как отмечает Е.З. Мирская, общая схема Р.К. Мертона рассмотрения науки как социального института «давала возможность строить систему теоретически когерентных эмпирических исследований и изучать научную деятельность как целостный феномен» [22, 11]. Стоит заметить, что принципы, предложенные Р.К. Мертоном, при реализации концепции технологического суверенитета подвергаются изменениям и даже ограничениям. Так, например, государства вынуждены вводить механизмы-ограничения для контроля и регулирования разработок, которые стратегически важны для страны, особенно в области биотехнологий, квантовых вычислений и разработок оборонно-промышленного комплекса. Наука уже давно стала не только средством познания, но и элементом геополитического противостояния, где тот, кто владеет ключевыми знаниями и инструментами на вершине экономической и политической системы, имеет при этом целый арсенал возможностей: таможенные ограничения, торговые барьеры и компенсационное субсидирование государством перспективных научных направлений.

Бруно Латур в его теории «Актора-сети» [21] утверждает, что научное знание формируется в рамках сложной системы взаимодействий между учеными, технологическими артефактами, а также государственными институтами, промышленными структурами и социальными группами. В рамках данной теории, по нашему мнению, технологический суверенитет не может быть достигнут исключительно путем создания отечественных технологий, а также накопления научных знаний внутри государства, поскольку развитие данных составляющих в современном мире невозможно без интеграции в международную исследовательскую сеть. Однако заметим, что современные государства все же стремятся выстроить собственные

научно-технологические системы, функционирующие автономно, чтобы минимизировать зависимость от иностранных разработок, для создания устойчивых институтов внутри государства. Так, например, Россия и ряд других стран активно развивают собственные цифровые платформы, создавая при этом центры конкуренции с лидерами научно-технологического прогресса, такими как США, Китай и Япония [25].

Технологии являются основополагающим фактором социального и экономического развития общества, определяя при этом характер общественных отношений и политическую структуру государства, согласно концепции технологического детерминизма, которая получила свое развитие в трудах К. Маркса, Л. Мамфорда и М. Маклюэна.

О.А. Папулина в своей работе отмечает, что трудно не согласиться с некоторыми исследователями в плане того, что технологический детерминизм рассматривается марксизмом, т. е. в марксизме техника рассматривается не как изолированный фактор, а как элемент производительных сил, где основной составляющей выступает человек. О.А. Папулина также справедливо заметила, что современные исследования подтверждают гипотезы М. Маклюэна из его теории медиа (средство коммуникации становится сообщением) для описания современных процессов в медиасфере [23, 303].

Как отмечает С.Г. Барина, «технологический детерминизм предполагает наличие техники и технологий. Но технику и технологию отождествлять нельзя, их надо рассматривать как различные явления, выясняя их соотношение в двух аспектах». Первый аспект предполагает «объем понятия». Второй аспект содержит широту сферы практического применения. С.Г. Барина утверждает, что «технология имеет более широкое распространение, чем техника, так как существуют и технология операций рыночного труда, и технология откорма скота, и технология производства и биотехнология» [2, 195]. Техника же по своему понятию и содержанию гораздо уже. В этом контексте технологический суверенитет означает контроль над критически важными направлениями технологий. М.А. Хасиева также отмечает, что в работах американского историка, социолога и философа техники Л. Мамфорда наблюдается проблема технизации

природы человека, т. е. «техника отдаляет человека от природы и выстраивает новые предметные и ценностные системы» [33, 11].

Информационные технологии радикально трансформируют традиционные представления о власти и независимости, как утверждал М. Кастельс, изучая концепцию «информационного общества» [5]. Заметим, что в условиях цифровой эпохи не только государства, но и транснациональные корпорации получают возможность влиять на политические и экономические процессы, контролируя ключевые для этого компоненты: цифровые платформы, базы данных, алгоритмы их обработки, а также центры принятия решений. Известно, что это приводит к необходимости формирования механизмов государственного контроля над такими корпорациями.

Выдающиеся философы науки, такие как Томас Кун и Эмре Лакатос, рассматривали развитие науки как процесс смены парадигм: возникает конфликт разных систем ценностей, разных способов в решении задач и достижении целей науки [1]. Стоит заметить, что технологический суверенитет в этом контексте выступает как ценностный ориентир для государств, не обладающих критически важными технологиями, которые вынуждены либо принять действующую реальность, либо делать шаги по преодолению зависимости от держав, имеющих собственные передовые научно-технологические разработки и исследования, для конкуренции с ними. Кроме того, в этом аспекте особый интерес представляет концепция П. Фейрабенда, который критиковал догматичность научных методологий и призывал к плюрализму научных подходов, т. е. к так называемой релятивистской концепции — эпистемологическому анархизму. Данная концепция предполагает необходимость отсутствия границ знания, а также равенство всех идей по их ценности в равной оценке всех предложенных теорий [29].

Развивая идею о том, что философия науки тесно связана с экономико-политической сферой в научных исследованиях, заметим, что вопросы финансирования (в гуманитарной сфере науки) и вопросы патентного регулирования, а также вопросы контроля за стратегическими технологиями и защитой интеллектуальной собственности (в технических науках) уже давно становятся объектами философского осмысления. Так, например, Ю. Хабермас подчеркивает, что наука все чаще используется как властный инструмент, а научное

знание — это ресурс, который подчиняется не только научному сообществу, но и государственным структурам [15]. По-видимому, это означает, что политика в научной сфере должна учитывать тот факт, что финансирование науки все чаще, но не всегда ориентировано не на фундаментальные исследования, а на прикладные разработки, которые способны обеспечить конкурентные преимущества в условиях технологического прогресса. Финансирование фундаментальных разработок не поможет для решения сиюминутной задачи, но в долгосрочной перспективе составляет основу для дальнейших прикладных разработок. Заметим, что тенденция коммерческой направленности науки пользуется спросом, так как в данном случае возможны быстрые результаты и получение выгоды здесь и сейчас.

Взаимодействие науки и власти — это сложный и многогранный процесс. Так, например, Ю.В. Черновицкая подчеркивает, что «взаимоотношения науки и власти являются необходимым звеном политического развития и модернизации общества» [34, 133]. В контексте технологического суверенитета наука и власть взаимодействуют с одной целью — развития собственных технологий и разработок внутри страны. Так, например, регулирование доступа к данным, развитие цифровых платформ, технологий биометрии позволяют государству формировать модели управления обществом, что влечет новые этические вызовы, связанные с балансом между свободой и обеспечением безопасности, а также между стремлением к открытой науке и необходимостью защиты национальных интересов.

Таким образом, современные подходы к философии науки показывают, что вопросы обеспечения технологического суверенитета требуют не просто экономико-политической проработки, но и философского осмысления. Технологический суверенитет выступает при этом как сложный социально-политический феномен. Он связан с проблематикой власти, управлением разработками и технологиями, а также с рядом других философских концепций. Для обеспечения технологического суверенитета необходимо не только затрагивать экономическую часть вопроса, но и формировать новые философские и методологические основы для развития науки и технологий в национальных интересах. Отметим, что технологический суверенитет становится важнейшим элементом в стратегии развития России,

влияя на внутреннюю политическую стабильность, экономическую безопасность и конкурентоспособность государства.

Место технологического суверенитета в экономической науке

В современном мире технологический суверенитет приобретает все большее значение в экономической науке, поскольку он определяет способность государства поддерживать экономическую стабильность, развитие собственных инноваций. Усложнение международных цепочек поставок усиливает важность вопросов о технологическом суверенитете в экономике и становится ключевыми для национальной политики. Многие страны уже осознали важность укрепления собственных научно-технических возможностей, чтобы сохранить конкурентоспособность на длительный промежуток времени в обладании критически важными технологиями. Отметим, что технологический суверенитет рассматривается как возможность, которая ведет за собой качественные изменения в экономической среде в условиях частичной изоляции России. Различные экономические школы рассматривают технологический суверенитет с разных сторон, что позволяет оценить его влияние на макроэкономические и региональные процессы.

Так, например, с точки зрения теории эндогенного роста экономистов Пола Ромера и Роберта Лукаса [16; 18], технологическое развитие является внутренним фактором экономического прогресса, который может быть усилен государственными инвестициями в науку, образование и инновации. Согласно данной теории, заметим, что технологический суверенитет создает устойчивые конкурентные преимущества, снижая при этом одностороннюю зависимость экономики от внешних технологий, поставок и разработок. Общеизвестно, что национальные экономики, ориентированные на высокие технологии, демонстрируют более стабильные темпы роста, поскольку развитие основано не только на экстенсивных факторах (таких как труд и капитал), но и на инновационной составляющей, которая способствует увеличению производительности и эффективности производства.

В рамках институциональной экономики технологический суверенитет может быть представлен через призму создания эффектив-

ных институтов, поддерживающих в развитии отечественные разработки и научно-технологический потенциал. Так, например, С.Д. Проскурнин отмечает, что «реализация проекта по созданию локальных инновационных экосистем наиболее эффективна для территорий, имеющих статус зоны особого территориального развития» [24, 2]. Автор эмпирически подтвердил этот тезис на реальном примере агломерационного кластера «Технополис Енисей». Действительно, развитие инновационных экосистем и поддержка венчурного капитала позволяют государству обеспечивать стабильность и равномерность технологического развития и формировать новые экономические кластеры.

Теория конкурентных преимуществ М. Портера национальное конкурентное преимущество (в нашем случае технологический суверенитет) определяет как конкурентный успех в высокотехнологичных отраслях [27]. Так, например, О.Г. Голиченко и Л.В. Оболенская отмечают, что страны могут достигать лидерства в определенных отраслях за счет активного развития передовых технологий и создания производственных мощностей. Авторы на проблеме «перехода развивающейся страны с инвестиционной стадии технологического развития на стадию, основанную на собственных инновациях», показывают, что успешный переход требует не только накопления капитала и привлечения иностранных технологий, но и создания благоприятной институциональной среды, стимулирующей внутренние исследования и разработки [9, 21].

Стоит заметить, что важным фактором концепции технологического суверенитета является обеспечение независимости в отраслях энергетики и промышленности. Известно, что Россия, обладая значительными природными ресурсами, активно развивает технологии переработки сырья, ищет альтернативные источники энергии и т. п. Также необходимо обеспечить контроль за добычей и обработкой промышленных катализаторов, сплавов, редкоземельных металлов, которые используются в высокотехнологичных отраслях и производствах.

Как отмечает в своей работе В.В. Лушников, «известные экономисты, такие как Э. Бринолфссон и Э. Макафи, популяризовали идею “великого отделения” человеческого труда от продуктивности экономики в результате внедрения технологий». Он указывает, что

сокращение доли оплаты труда в экономике связывают с влиянием технологий, которые способствуют усилению неравенства и ведут к опасным последствиям для человечества. Выход из этой ситуации автор видит в использовании ценностно-ориентированного подхода к технологиям, который «поможет восстановить баланс и выйти из этого трудного положения [20, 49].

В исследовании экономиста Д. Доси рассматривается роль технологических парадигм и изменений, а также траекторий формирования конкурентных преимуществ в макроэкономике, что соотносится с необходимостью обеспечения технологического суверенитета в стратегически важных отраслях экономики — мысли данного экономиста лаконично отразил экономист-организатор из США Дэвид Тис в работе «Dosi's technological paradigms and trajectories: Insights for economics and management» [42]. Стоит также выделить работу Р. Нельсона и С. Винтера [41] как одну из основополагающих в применении эволюционного подхода к технологическим измерениям, подтверждающего значимость инновационного потенциала в обеспечении устойчивого развития экономики.

Новейшие исследования концепции технологического суверенитета за последние пять лет были проведены в следующих работах, которые отражают современные подходы к пониманию технологического суверенитета в различных его проявлениях и аспектах. Так, например, группа ученых из Третьего университета Рима (итал. Università degli Studi Roma Tre) во главе с Ф. Креспи представила работу «European Technological Sovereignty: an Emerging Framework for Policy strategy» [38], в которой предложила исследование технологического суверенитета в Европе.

В 2023 г. Я. Эдлер и др. в своей работе «Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means» [39] проанализировали место технологического суверенитета в инновационной политике, предложив теоретическую концепцию его концептуального обеспечения.

Десятого июня 2024 г. группа авторов во главе с Р. Аткинсоном в своих рекомендациях с названием «A Techno-Economic Agenda for the Next Administration» [37] подчеркнула необходимость проведения активной политики и действий для сохранения уже не просто технологического суверенитета, а технологического лидерства США

в различных сферах экономики. Стоит заметить, что 2 апреля 2025 г. состоялось выступление Д. Трампа «День освобождения» [12], которое ознаменовалось объявлением о широкомасштабном повышении тарифов на импортные товары с целью защиты национальных интересов американцев. В частности, данное решение направлено на проведении строгой протекционистской торговой политики, что также затронет научно-технологическую сферу. Кроме того, заметим, что Р. Атkinson и др. и Д. Трамп имеют единые направленность и фокус на достижение технологического лидерства США и экономического процветания макросистемы.

Следует констатировать, что технологический суверенитет в сложных экономических условиях и в экономической науке в целом занимает центральное место, охватывая широкий спектр теоретических и прикладных направлений в качестве концепции, оказывающей фундаментальное влияние на макроэкономическую политику государства. Обеспечение технологического суверенитета требует комплексного подхода, включающего институциональные аспекты, стимулирование отечественных научных исследований и разработок со стороны государства, а также защиту национальных интересов на международной арене.

Выводы

Заложенные во введении основы данной статьи свидетельствуют об актуальности данной темы. Как было обозначено, технологический суверенитет выходит за рамки сугубо прикладного понятия и требует осмысления в более широком — междисциплинарном — контексте, затрагивая при этом элементы философии, истории, политики и подчеркивая социально-экономический аспект. Его сущность затрагивает фундаментальные вопросы власти, экономического роста, влияния на политику государства, а значит, не может быть полностью понята и раскрыта без обращения к философским и экономическим началам основания данной концепции и ее исторического контекста.

Литература

1. Антипов Г.А. На путях к метафизической исследовательской программе эволюционных процессов в науке: Томас Кун и Имре

Лакатос // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 5—19.

2. *Барина С.Г.* Технологический детерминизм и технологический тип детерминации // Вестник КрасГАУ. 2010. № 9 (48). С. 195—201.

3. *Баязитова Г.И.* Политико-правовые воззрения Жана Бодена. Дис. ... канд. истор. наук. Тюмень, 2006. 204 с.

4. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* «Империализм как высшая стадия капитализма»: сто лет спустя (об основных этапах эволюции позднего капитализма и специфике его современного состояния) // Вопросы политической экономии. 2015. № 4. С. 8—23.

5. *Вольфсон Ю.Р., Вольчина А.Е.* Проблема классификации теорий информационного общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8. № 3—1. С. 80—110.

6. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.

7. *Глазьев С.* Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 26—38.

8. *Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.

9. *Голиченко О.Г., Оболенская Л.В.* Путь к инновационному лидерству развивающейся страны (на примере новых индустриальных стран) // Инновации. 2018. № 6 (236). С. 21—29.

10. *Горохов А.А.* Евгений Максимович Примаков о многополярном мире XXI века // Русская политология. 2016. № 1. С. 5—14.

11. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа // Среднерусский вестник общественных наук. 2006. № 1 (1). С. 127—128.

12. «День освобождения», который устроил Трамп: URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/04/03/1102033-tramp-k-chemu-privedut-poshlini-protiv-stran> (дата обращения: 03.04.2025).

13. *Дугин А.Г.* Основы геополитики: Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. 599 с.

14. *Дьяков А.В., Соколов А.М.* Государственный суверенитет в пространстве философской рефлексии: цивилизационные стратегии и биополитика // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 25—34.

15. *Ефременко Д.В.* Концепция общества знания и ее обратная сторона // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сборник научных трудов / Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 66—97.
16. *Илюхин А.А., Пономарева С.И., Илюхина С.В.* Экономический рост и фактор созидательного разрушения, // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 4. С. 630—639.
17. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.
18. *Лиман И.А., Карагулян Е.А., Науменко Е.Е.* Новые эндогенные теории экономического роста // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 12(72). С. 67.
19. *Локк Дж.* Два трактата о правлении: Монография / Пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. 4-е изд. М.; Челябинск: Социум, 2020. 496 с.
20. *Лушников В.В.* Проявления и последствия четвертой промышленной революции // Образование и проблемы развития общества. 2019. № 2 (8). С. 46—50.
21. *Малов Е.А.* О концепции «актор-сети» Бруно Латура // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 1 (19). С. 127—134.
22. *Мирская Е.З.* Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. 2005. Т. 11. № 1. С. 11—28.
23. *Папулина О.А.* Теория технологического детерминизма и современные медиа // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 8. С. 303—308.
24. *Проскурнин С.Д.* Создание самоорганизующейся инновационной экосистемы в зонах особого территориального развития // Региональная экономика и управление: Электронный научный журнал. 2017. № 4 (52). С. 6.
25. Россия стремится к цифровому суверенитету и развитию нацплатформ: URL: <https://www.vedomosti.ru/25/technologies/trends/characters/2024/12/25/1083591-bolshie-ambitsii-segmente> (дата обращения: 24.03.2025).
26. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. М.: Юрайт, 2020. 146 с.

27. Сафина Р.С., Курзина И.М. Россия в контексте теории международных конкурентных преимуществ М. Портера // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 108—111.
28. Федорова М.М. Суверенитет как политико-философская категория Современности // Философский журнал. 2009. № 1 (2). С. 154—164.
29. Фейерабенд П. Прощай, разум / Пер. с англ. М.: АСТ, 2010. 477 с.
30. Фролова Е.А. Из истории философии права: Т. Гоббс о государстве и праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 42—44.
31. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова. М., 2022. 416 с.
32. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2004. 588 с.
33. Хасиева М.А. Человек и техника в философии Л. Мамфорда // Философия и культура. 2020. № 4. С. 11—19.
34. Черновицкая Ю.В. Взаимодействие науки и власти: наука на службе у власти? // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3 (53). С. 130—140.
35. Юдин Г.Б. Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (2016) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 1. № 1. С. 123—133.
36. Яркеев А.В. Политическая теология: генезис концепта // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2022. Т. 16. № 2. С. 5—13.
37. Atkinson R., Castro D., Coniglio J. and Ezell S. A Techno-Economic Agenda for the Next Administration: URL: <https://itif.org/publications/2024/06/10/a-techno-economic-agenda-for-the-next-administration/> (дата обращения: 03.04.2025).
38. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. European Technological Sovereignty: an Emerging Framework for Policy strategy // *Intereconomics*. 2021. No. 56 (6). P. 348—354.
39. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // *Research Policy*. 2023. No. 52 (6). P. 104765.

40. *Filippov A., Farkhatdinov N.* Sociology of Max Weber in the 21st Century: From Reception to Actualization // *Russian Sociological Review*. 2019. Vol. 18. No. 2. P. 9—15.
41. *Nelson R., Winter S.* Evolutionary Theorizing in Economics // *Journal of Economic Perspectives*. 2002. No. 16 (2). P. 23—46.
42. *Teece D.J.* Dosi's technological paradigms and trajectories: insights for economics and management // *Industrial and Corporate Change*. 2008. No. 17 (3). P. 507—512.

References

1. *Antipov G.A.* Na putyakh k metafizicheskoy issledovatel'skoy programme evolyutsionnykh protsessov v nauke: Tomas Kun i Imre Lakatos // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2022. № 65. S. 5—19.
2. *Barinova S.G.* Tekhnologicheskii determinizm i tekhnologicheskii tip determinatsii // *Vestnik KrasGAU*. 2010. № 9 (48). S. 195—201.
3. *Bayazitova G.I.* Politiko-pravovye vozzreniya ZHana Bodena: Dis. ... kand. istor. nauk. Tyumen', 2006. 204 s.
4. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* «Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma»: sto let spustya (ob osnovnykh etapakh evolyutsii pozdnego kapitalizma i spetsifike ego sovremennogo sostoyaniya) // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2015. № 4. S. 8—23.
5. *Vol'fon YU.R., Vol'china A.E.* Problema klassifikatsii teorii informatsionnogo obshchestva // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*. 2017. T. 8. № 3—1. S. 80—110.
6. *Gegel' G.V.F.* *Filosofiya prava* / Per. s nem.; red. i sost. D.A. Kerimov i V.S. Nersesyants; avt. vstup. st. i primech. V.S. Nersesyants. M.: Mysl', 1990. 524 s.
7. *Glaz'ev S.* Mirovoy ekonomicheskii krizis kak protsess smeny tekhnologicheskikh ukладov // *Voprosy ekonomiki*. 2009. № 3. S. 26—38.
8. *Gobbs T.* *Leviatan*. M.: Mysl', 2001. 478 s.
9. *Golichenko O.G., Obolenskaya L.V.* Put' k innovatsionnomu liderstvu razvivayushchey strany (na primere novykh industrial'nykh stran) // *Innovatsii*. 2018. № 6 (236). S. 21—29.

10. *Gorokhov A.A.* Evgeniy Maksimovich Primakov o mnogopol'yarnom mire XXI veka // *Russkaya politologiya*. 2016. № 1. S. 5—14.
11. *Danilevskiy N.YA.* Rossiya i Evropa // *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 2006. № 1 (1). S. 127—128.
12. «Den' osvobozhdeniya», kotoriy ustroil Tramp: URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/04/03/1102033-tramp-k-chemu-privedut-poshlini-protiv-stran> (data obrashcheniya: 03.04.2025).
13. *Dugin A.G.* Osnovy geopolitiki: Geopoliticheskoe budushchee Rossii. M.: Arktogetya, 1997. 599 s.
14. *D'yakov A.V., Sokolov A.M.* Gosudarstvenniy suverenitet v prostranstve filosofskoy refleksii: tsivilizatsionnye strategii i biopolitika // *Voprosy filosofii*. 2018. № 11. S. 25—34.
15. *Efremenko D.V.* Kontseptsiya obshchestva znaniya i ee oborotnaya storona // *Kontseptsiya «obshchestva znaniya» v sovremennoy sotsial'noy teorii: Sbornik nauchnykh trudov / TSentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii; otv. red. D.V. Efremenko*. M., 2010. S. 66—97.
16. *Ilyukhin A.A., Ponomareva S.I., Ilyukhina S.V.* Ekonomicheskii rost i faktor sozidatel'nogo razrusheniya, // *ZHurnal ekonomicheskoy teorii*. 2019. T. 16. № 4. S. 630—639.
17. *Kastel's M.* Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura / Per. s angl. M.: GUVSHE, 2000. 608 s.
18. *Liman I.A., Karagulyan E.A., Naumenko E.E.* Novye endogennye teorii ekonomicheskogo rosta // *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronniy nauchniy zhurnal*. 2014. № 12 (72). S. 67.
19. *Lokk Dzh.* Dva traktata o pravlenii: Monografiya / Per. s angl. E.S. Lagutina, YU.V. Semenova. 4-e izd. M.; CHelyabinsk: Sotsium, 2020. 496 s.
20. *Lushnikov V.V.* Proyavleniya i posledstviya chetvertoy promyshlennoy revolyutsii // *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva*. 2019. № 2 (8). S. 46—50.
21. *Malov E.A.* O kontseptsii «aktor-seti» Bruno Latura // *Idei i idealy*. 2014. T. 2. № 1 (19). S. 127—134.
22. *Mirskaya E.Z., R.K. Merton* i etos klassicheskoy nauki // *Filosofiya nauki*. 2005. T. 11. № 1. S. 11—28.
23. *Papulina O.A.* Teoriya tekhnologicheskogo determinizma i sovremennyye media // *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*. 2017. № 8. S. 303—308.

24. *Proskurnin S.D.* Sozdanie samoorganizuemoy innovatsionnoy ekosistemy v zonakh osobogo territorial'nogo razvitiya // *Regional'naya ekonomika i upravlenie: Elektronniy nauchniy zhurnal*. 2017. № 4 (52). S. 6.
25. Rossiya stremitsya k tsifrovomu suverenitetu i razvitiyu natsplatform: URL: <https://www.vedomosti.ru/25/technologies/trends/characters/2024/12/25/1083591-bolshie-ambitsii-segmente> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
26. *Russo ZH.-ZH.* Ob obshchestvennom dogovore ili printsipy politicheskogo prava. M.: YUrayt, 2020. 146 s.
27. *Safina R.S., Kurzina I.M.* Rossiya v kontekste teorii mezhdunarodnykh konkurentnykh preimushchestv M. Portera // *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2016. № 2. S. 108—111.
28. *Fedorova M.M.* Suverenitet kak politiko-filosofskaya kategoriya Sovremennosti // *Filosofskiy zhurnal*. 2009. № 1 (2). S. 154—164.
29. *Feyerabend P.* Proshchay, razum / Per. s angl. M.: AST, 2010. 477 s.
30. *Frolova E.A.* Iz istorii filosofii prava: T. Gobbs o gosudarstve i prave // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2020. № 6 (186). S. 42—44.
31. *Fuko M.* Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my / Per. s frants. V. Naumova. M., 2022. 416 s.
32. *Fukuyama F.* Konets istorii i posledniy chelovek / Per. s angl. M.B. Levina. M.: AST, 2004. 588 s.
33. *KHasieva M.A.* CHelovek i tekhnika v filosofii L. Mamforda // *Filosofiya i kul'tura*. 2020. № 4. S. 11—19.
34. *CHernovitskaya YU.V.* Vzaimodeystvie nauki i vlasti: nauka na sluzhbe u vlasti? // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2020. № 3 (53). S. 130—140.
35. *YUdin G.B.* Retsenziya na knigu: KHabermas YU. Strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva (2016) // *Filosofiya. ZHurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2017. T. 1. № 1. S. 123—133.
36. *YArkeev A.V.* Politicheskaya teologiya: genezis kontsepta // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 2022. T. 16. № 2. S. 5—13.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

К.А. ХУБИЕВ

**Системная оценка экономической политики Трампа —
трампономики***

Аннотация. В статье излагаются результаты системного исследования экономической политики Д. Трампа, президента страны с самой сильной и самой влиятельной в мире экономикой. Общий образ этой политики собран из сути и содержания отдельных ее направлений. При этом учитывались и конкретные шаги Д. Трампа, которые вводили в заблуждение и даже вызывали шок при непосредственном их восприятии. Критически рассмотрены такие оценки экономической политики, как протекционизм и экономический национализм. Определена авторская оценка сути экономической политики Трампа как приоритетное развитие реального сектора, в рамках которого планируется реиндустриализация на базе новых технологий Четвертой промышленной революции. Прогнозируются угрозы долгосрочных последствий для России и ставится вопрос о пространстве и возможностях политической ориентации России в среде стремительно меняющегося перераспределения экономической мощи государств и их объединений.

Ключевые слова: экономическая политика, протекционизм, экономический национализм, реальный сектор, реиндустриализация.

Abstract. The article presents the results of a system study of D. Trump's economic policy, the president of the country with the strongest and most influential economy in the world. The general image of this policy is collected from the essence and content of its separate ways. At the same time, D. Trump's specific steps were considered, which were misleading and even caused shock when they were directly perceived. The author critically considers assessments of economic policy as protectionism, economic nationalism. The author's assessment of the essence of

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Хубиев К.А. Системная оценка экономической политики Трампа — трампономики // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 91—103. DOI: 10.5281/zenodo.15424237.

Trump's economic policy has been determined as a priority development of the real sector, within the framework of which reindustrialization based on new technologies of the fourth industrial revolution is planned. The author predicts threats of long-term consequences for Russia and raises the question about the space and possibilities of Russia's political orientation in the environment of a rapidly changing redistribution of the economic power of states and their associations.

Keywords: economic policy, protectionism, economic nationalism, real sector, reindustrialization.

УДК 330
ББК 65

Вводные постулаты

Возросший интерес к Трампу объясняется тем, что за ним стоит самая сильная экономика в мире. От одних только его заявлений трясет фондовые рынки, валютные курсы и процентные ставки. Куда труднее распознать глубинное влияние его экономической политики, которое может судьбоносно отразиться не только на мировой, но и на национальных экономиках. До сих пор нет целостного и системного описания экономической политики Трампа, но это сделать необходимо, чтобы вовремя и адекватно на нее реагировать. Такую работу следует начать с важных постулатов.

1. Любой президент США, независимо от партийной принадлежности, должен заявить в качестве приоритетной задачи величие США и доказать своей деятельностью на высшем посту укрепление и продвижение этого величия. Вытекает это из ментальной особенности американской нации, которая формировалась более столетия. Представим обобщенный анализ формирования менталитета американской нации выдающимся историком экономики и экономической мысли Ф.Я. Полянским¹ [2].

¹ Истоки менталитета мирового доминирования идут от догмы врожденной англосакской исключительности. Еще в 1885 г. социолог Джон Фиск доказывал, что англосаксам предстоит господствовать над миром, а пастор Сронг трактовал мировую историю как лишь подготовку такого господства. Профессор Брэджес, учеником которого был Теодор Рузвельт, утверждал, что арийские народы способны создать наилучшую политическую систему и должны господствовать над

2. Трамп оказался самым богатым президентом США. В период первого избрания его капитал составлял 3,1 млрд долл. Это обстоятельство позволяет сделать два вывода: экономическая политика Трампа диктуется интересами финансовой олигархии; экономическая политика представляется Трампу как расширенный до национальной экономики бизнес, что существенно влияет на его экономическую политику и конкретные решения.

3. Д. Трамп имеет базовое экономическое образование и успешно его применяет, поэтому его политика и деятельность во многом диктуются практическим опытом бизнесмена. В 1968 г. Трамп окончил школу бизнеса в Пенсильванском университете, получив степень бакалавра экономики. Затем он успешно занимался бизнесом. В этой связи Трамп сам стал входить в роль основного экономиста Белого дома, возглавив Национальный экономический совет. На основе структурных преобразований он привнес изменения в экономическую политику США, которые содержательно могут быть охарактеризованы как макроэкономическое управление большим американским бизнесом национального уровня. То есть для Трампа экономика США как объект управления представилась как расширенный до масштабов национальной экономики частный бизнес. С этим связаны многие достоинства и недостатки практической экономической политики Трампа.

другими народами. Лоуэл доказывал в 1889 г., что англосаксам вообще от природы «присуща экспансия». Не обошлось и без идеологических мотивов. Конант оправдывал внешнюю экспансию задачами борьбы с угрозой коммунизма. Политический экспансионизм «обогащался» экономическим. Утверждение Бевериджа «судьба начертала нашу политику. Мировая торговля должна быть нашей» похоже на слова из гимна экономической экспансии. Он же утверждал, что США предначертано править миром и цивилизовать низкие расы с цветной кожей, для которых американский образ жизни должен стать вдохновением и руководством. Захват Филиппин он оправдывал тем, что американской расе «бог даровал цивилизацию мира». Подобные идеи проникали в сознание высших руководителей. Президент США Мак-Кинли (был смертельно ранен анархистом украинского происхождения) считал, что, согласно божественной рекомендации, США взяли под опеку филиппинцев, чтобы распространить блага цивилизации и христианства. И, наконец, уже в начале XX в. сенатор Генри Лодж 7 января 1901 г. в Конгрессе США, касаясь завоевания Филиппин, заявлял: «Непреодолимые экономические силы ведут нас к экономическому господству над миром» [2].

4. Начало нынешнего президентства Трампа свидетельствует о том, что он продолжает и развивает инициативы, начатые во время предыдущего пребывания в Белом доме.

Первые шокирующие шаги Д. Трампа

Первоначально провозглашенные Д. Трампом цели были сведены на нет первыми его практическими шагами. Едва вступив в должность, он вывел США из Соглашения о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Это Соглашение кропотливо готовили его предшественники с целью доминирования в регионе и вытеснения влияния Китая и России в Азиатском регионе. Затем Трамп выступил инициатором заморозки проекта создания Трансатлантического союза США + Канада и ЕС. Через осуществление этих двух проектов планировалось влиять на 80% мирового ВВП и половину мировой торговли. Этими двумя практическими шагами Трамп поставил в тупик всех, кто пытался с ходу определить его экономическую политику. Отдельные высказывания о том, что, сокрушая проекты своих предшественников ради партийных амбиций, Трамп отказался от национального менталитета величия своей страны и его мирового доминирования, не были поддержаны большинством аналитиков.

Первые оценки протекционизма

Среди российских экономистов преобладало мнение о протекционизме как доминирующей линии политики Трампа [5, 10; 1, 25—37], причем протекционизме, переходящим в торгово-экономические войны, поскольку господствовавшие идеи свободной торговли с учетом снижения тарифов и отмены торговых войн в отношениях между странами были разрушены.

Политика Трампа явилась коренным разрывом со стратегией снижения торговых барьеров. Наблюдаемой причиной торгово-экономических войн Трампа казался хронический дефицит торгового баланса США. В период с 1976 по 2018 г. дефицит составил по отношению к ВВП 2,4%. Далее этот показатель ухудшался. Логичным было считать, что Трамп стремился к восстановлению конкурентных преимуществ американской экономики и преодолению тенденции ее деиндустриализации. Данная позиция отражала опыт бизнесмена, но не была результатом глубоких исследований. Политика торговых

войн способствовала преодолению дефицита платежного баланса, способствовала притоку дополнительных доходов в бюджет, но она стала негативно отражаться на общей экономической динамике. Одностороннее повышение тарифов, по сути, означало санкции. Они разрушали систему взаимовыгодных контрактов и били по американским участникам, что отражалось на экономической динамике. Возможно, уровень экономического образования Трампа не содержал в арсенале его знаний закона сравнительных преимуществ, на основе которого соткана вся система международных экономических отношений. Этим, возможно, объясняется повторное и более агрессивное возвращение к политике торговых войн по второму заходу. Но и закономерные последствия не заставили себя долго ждать. По нашему мнению, торговые войны, при всей очевидности и остроте восприятия, охватывают сферу обращения и не могут характеризовать суть экономической политики. Ее надо искать с учетом развития сферы производства. Забегая вперед, отметим, что собирательный образ экономической политики Трампа формируется на уровне реального сектора американской экономики. С этой точки зрения, возможно, Трамп полагал и полагает, что своей тарифной политикой он защищает американских производителей и получает дополнительные доходы в бюджет для их же поддержки. И каждый элемент его политики, чтобы сложилась полная картина его экономической политики, следует рассматривать с этой точки зрения.

Отношения Трампа с Федеральной резервной системой (ФРС)

Одним из самых обсуждаемых тем первых 100 дней нового президентства Трампа является критика председателя ФРС Джерома Пауэлла. В частности, он выразил недовольство тем, что ключевые процентные ставки Европейского центрального банка (ЕЦБ) почти вдвое меньше, чем у ФРС: 2,25 против 4,25—4,5%. Эта риторика напомнила более драматические события в период прошлого президентства, где подобные высказывания переросли в острые формы. Тогда Трамп сперва поддержал назначение Дж. Паула на должность председателя ФРС, а затем вступил с ним в жесткое противостояние. Аналитики даже заговорили о фактической узурпации Трампом права ФРС на проведение самостоятельной монетарной политики. С вступлением Дж. Пауэлла в должность председателя ФРС базовая

ставка стала повышаться, пройдя уровень в 1,75—2,00%, а в июне 2018 г. — уровень 2,00—2,25%. Столь быстрое ужесточение условий кредитования в экономике США, естественно, не могло не обернуться сокращением темпов экономического роста; в 2019 г. темпы роста реального ВВП США стали замедляться по сравнению с 2018 г. Так, в первом и во втором кварталах 2019 г. они составили соответственно 2,7 и 2,3% ВВП по сравнению со среднегодовым темпом роста американской экономики в 2,9% в 2018 г. Это отразилось на замедлении реального сектора. Д. Трамп начал политическую войну с Дж. Пауэллом, требуя перехода к мягкой стимулирующей монетарной политике снижением учетной ставки. Войну эту Трамп выиграл. ФРС стала последовательно снижать процентную ставку. 18 сентября 2019 г. базовая ставка была понижена на 0,25 процентного пункта, до значений 1,75—2,00%, затем еще на 0,25% пункта, до значений 1,50—1,75%.

Новая критика Трампом ФРС является зеркальным продолжением истории первого президентства. Здесь важно отметить, что переход ФРС к смягчающей монетарной политике отражал интересы реального сектора экономики. Пожалуй, это самое главное в деятельности Трампа в этом направлении. Нынешняя борьба Трампа с председателем ФРС продолжает ту же самую линию, что и при первом президентстве [7].

Разнонаправленные тенденции бюджета

Начиная с 2017 финансового года сложилась следующая тенденция в области фискальной политики: расходы федерального бюджета увеличилась до 21,0% ВВП, а доходы сократилась до 16,3% ВВП. Образование такой тенденции было связано с налоговой реформой «О снижении налогов и создании рабочих мест». Многие аналитики отметили очевидное: нарастание бюджетного дефицита. Однако для нашего анализа и последующего вывода важно отметить преобладание интересов бизнеса в реальном секторе экономики. Снижение налогов на прибыль корпораций и иных финансовых нагрузок на бизнес сокращает доходную часть бюджета, а субсидии и иные формы поддержки бизнеса в реальном секторе производились за счет увеличения расходной части бюджета. Такая разнонаправленная

фискальная политика имела своим результатом нарастание дефицита. Это еще одно убедительное свидетельство политики Трампа, направленной на развитие реального сектора. На примере фискальной политики уже можно наблюдать убедительные черты новой экономической политики, которые приближают ее к общей оценке.

Экономический национализм

Прежде, чем перейти к нашему итоговому выводу, обратимся к оценке экономической политики Трампа аналитиками США. «Как отмечалось в исследовании Института мировой экономики Петерсона, опубликованном в августе 2019 г., “экономический национализм, определяемый как приоритет направлений экономической политики, преследующих достижение национальных экономических интересов за счет интересов зарубежных стран, стал отчетливо проявлять себя с середины первого десятилетия XXI в.”, и с этой точки зрения “экономическая политика новых националистов, таких как Д. Трамп, основанная на протекционизме, ограничениях на отток инвестиций в зарубежные страны и иммиграции, на снятии ограничений, накладываемых международными соглашениями, безусловно, может быть отнесена к разряду национальной экономической политики» [7, 189].

Представляется, что экономический национализм, преследующий достижение национальных экономических интересов за счет зарубежных стран, характерен для всех президентов США — в соответствии с первым пунктом изложенных в начале статьи постулатов. Не было ни одного главы Белого дома, который за счет США решал бы проблемы других стран: наоборот, прикрываясь риторикой о распространении благ христианства и демократии, всегда прагматически реализовались интересы США. Характеристика политики Трампа по эту сторону океана как протекционизм тоже не может претендовать на общую оценку. Торговые войны через протекционизм непосредственно затрагивают область торговли, т. е. обращения товаров. Если даже при этом защищаются отечественные производители, в них нет потенциала развития промышленности, т. е. решения главной задачи.

Реальный сектор

Все рассмотренные нами конкретные направления экономической политики Трампа сливаются в единый поток поддержки и развития реального сектора экономики. Этим объясняется и отказ Трампа от двух глобальных проектов своих предшественников, направленных на величие США в мире через торгово-финансовый сектор. Трамп противопоставил продвижение США к доминированию в глобальной экономике через повышение конкурентоспособности, прежде всего, промышленности, — расчет на предложение товаров с более низкими затратами и более высокого качества. Рассмотрим основные средства достижения этой цели с секторальных позиций, чтобы сложилась их определенная целостность. Откровенно секторальный характер имеет снижение налога на прибыль корпораций — с 35 до 21%; вводились льготы на реинвестирование производственного капитала, что также было направлено на развитие реального сектора. Эту же направленность имело освобождение сырьевого сектора и переработки от нагрузок экологических затрат; а субсидирование ускоренной амортизации означало бюджетную поддержку компаний реального сектора с целью технологического прогресса и повышения конкурентоспособности; таможенная политика была направлена на защиту своих производителей от конкуренции. Как практик, Трамп рассчитывал на то, что повышение конкурентоспособности, с одной стороны, и защита отечественного рынка, с другой, дадут двойное преимущество своим компаниям. Подобная массированная поддержка финансового сектора со стороны Трампа не наблюдалась. Сложившийся из отдельных мер единый пазл экономической политики создавал односторонние преимущества для национального промышленного капитала. Кроме того, создаваемый Трампом бизнес-климат для реального сектора способствовал образованию мировой инвестиционной воронки. Другим результатом стало дезавуирование ВТО.

В результате реализации подобной политики за 10 лет налоговые поступления, по оценке экспертов, должны были сократиться на 1,5 трлн долл. [6, 10]. Трамп сознательно шел на эти изменения, поскольку они были направлены на реализацию его основной цели, которая долгое время не была очевидна для многих исследователей и толкователей его политики. Для многих она неочевидна и теперь.

Для обоснования ориентации Трампа на реальный сектор экономики приведем еще один аргумент. От состоит в представительстве финансового и реального секторов в мировой экономике. Выглядит их соотношение следующим образом: крупнейшие банки мира представлены следующими странами: 1) Industrial and Commercial Bank of China (Китай); 2) China Construction Bank (Китай); 3) Agricultural Bank of China (Китай); 4) Bank of China (Китай); 5) HSBC (Великобритания); 6) Bank of America (США); 7) JPMorgan Chase (США); 8) Wells Fargo (США); 9) Citigroup (США); 10) Mitsubishi UFJ Financial Group (Япония) [5]; крупнейшие ТНК представлены следующими компаниями: Apple (США); Exxon Mobile (нефтяной бизнес, США); Microsoft (США); IBM (США); Wall-Mart Store (крупнейшая в мире сеть розничной торговли, США); Chevron (энергетика, США); General Electric (производство локомотивов, энергетических установок, газовых турбин, авиадвигателей, медицинского оборудования, осветительной техники, США); Google (США); Berkshire Hathaway (инвестирование и страхование, США); AT&T Inc (телекоммуникации, AT&Inc) [4].

Таким образом, в списке топ-10 крупнейших банков мира по четыре базируются в Китае и США. Причем вся китайская четверка расположилась выше американской. Стало быть, доминирование США здесь не обнаруживается, зато транснациональные компании США абсолютно доминируют в мировой экономике. Это сопоставление является существенным для определения сути экономической политики Трампа на уровне секторальных интересов. Если Трамп знал эту информацию, то это один из прямых агрометров в пользу ориентации его экономической политики, если же он этой информации не знал, то это косвенный аргумент, но тоже в пользу его ориентации на реальный сектор.

Реиндустриализация

Теперь осталось определить новые моменты в основной цели политики Трампа. Идея поддержки реального сектора и домохозяйств переросла в цель реиндустриализации экономики США на базе новых технологий Четвертой промышленной революции. Эта конкретизация основной цели сблизилась с И. Маском, которого, очевидно, предполагалось и назначить главным экспертом в этом

направлении. Какие угрозы вытекают отсюда для России? Реиндустриализация на основе новейших технологий Четвертой промышленной революции, безусловно, затронет военно-промышленный комплекс США. Трамп нельзя представлять в образе «голубя мира». Вспомним его июньский (2018) указ о проверке промышленности на предмет готовности к войне, а также рост военных расходов с 2016 по 2020 г. по статье «национальная оборона» с 594 млрд долл. до 725 млрд долл., или на 22%.

Гипотетические угрозы для России

Если удастся осуществить эту долгосрочную идею Трампа, то США превратятся в великую промышленную державу, включая ВПК. В случае обострения отношений с Россией США могут навязать ей гонку вооружений на новом уровне, которую Россия не выдержит. Для доказательства этого утверждения и анализа возможных политических международных маневров для России рассмотрим распределение мировых экономических ресурсов по отдельным странам и с учетом разных объединений государств (табл. 1).

Таблица 1

Доля отдельных стран и их групп в ВВП, в экспорте товаров и услуг, и населении мира в 2022 г. (%)

Страны	Число стран	ВВП	Экспорт	Население
Развитые экономики	41	41,7	60,5	13,9
Основные индустриальные страны:	7	30,3	30,4	9,9
США		15,5	9,7	4,3
Япония		3,8	2,9	1,6
ФРГ		3,3	6,6	1,1
Франция		2,3	3,2	0,9
Италия		1,9	2,4	0,8

Продолжение табл. 1

Великобритания		2,3	3,2	0,9
Канада		1,4	2,3	0,5
Страны зоны евро	20	12,0	25,1	4,4
Развивающиеся и со становящимся рынком страны:	155	58,3	39,5	86,1
КНР		18,4	11,9	18,1
Индия		7,3	2,5	18,2
Бразилия		2,3	1,2	2,6
Мексика		1,9	2,0	1,7
Россия		2,9	2,0	1,8
ЮАР		0,6	0,4	0,8
БРИКС (5 стран)		31,5	18,0	41,5

Источник: [3, 159].

Примечание: ВВП и доля отдельных стран подсчитаны по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют на основании.

Из таблицы 1 следует более чем четырехкратное превышение американской экономики по сравнению с российской, не считая качественного уровня технологического развития. По обменному валютному курсу этот разрыв еще больше. В стремительно меняющемся мире соотношение экономической мощи государств и их объединений также меняется, при этом имеется пространство для политических альянсов с учетом обстановки. Для этого важно предварительно определить суть экономической политики, ее краткосрочные и долгосрочные последствия.

Литература

1. Лебедева Л.Ф. Глобальные и локальные эффекты политики США в период президентства Д. Трампа (экономический аспект) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 49 (8). С. 25—37.

2. Полянский Ф.Я. Экономическая история зарубежных стран. Период империализма (1870—1917): Курс лекций. Вып. 1. М.: МГУ, 1973.

3. Пороховский А.А. Путь к национальному экономическому суверенитету: фактор цифровизации в многополярном мире // Исследования по цифровой экономике: Колл. монография / Под ред. М.И. Лугачева, А.А. Курдина. М.: Экономический факультет МГУ, 2025. 304 с. С. 157—169.

4. ТОП-10 самых больших банков планеты: URL: <https://internat62.ru/inf/top-10-samyh-bolshih-bankov-planety> (дата обращения: 06.02.2025).

5. Транснациональные корпорации: список крупнейших: URL: <https://businessman.ru/transnatsionalnyie-korporatsii-spisok-krupneyshih.html> (дата обращения: 06.02.2025).

6. Туровский Я. Приманка для денег. Реформа Трампа взрывает мировую экономику // Время. 2018. № 5 (630). С. 10.

7. Феномен Трампа: Колл. монография / Под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИНИОН, 2020.

References

1. Lebedeva L.F. Global'nye i lokal'nye efekty politiki SShA v period prezidentstva D. Trampa (ekonomicheskij aspekt) // SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2019. № 49 (8). С. 25—37.

2. Polyanskij F.Ya. Ekonomicheskaya istoriya zarubezhnyh stran. Period imperializma (1870—1917): Kurs lekcij. Vyp. 1. М.: МГУ, 1973.

3. Porohovskij A.A. Put' k nacional'nomu ekonomicheskomu suverenitetu: faktor cifrovizacii v mnogopolyarnom mire // Issledovaniya po cifrovoj ekonomika: Koll. monografiya / Pod red. M.I. Lugacheva, A.A. Kurдина. М.: Ekonomicheskij fakul'tet МГУ, 2025. 304 s. С. 157—169.

4. TOP-10 samyh bol'shih bankov planety: URL: <https://internat62.ru/inf/top-10-samyh-bolshih-bankov-planety> (data obrashcheniya: 06.02.2025).

5. Transnacional'nye korporacii: spisok krupnejshih: URL: <https://businessman.ru/transnatsionalnyie-korporatsii-spisok-krupneyshih.html> (data obrashcheniya: 06.02.2025).

6. *Turovskij Ya. Primanka dlya deneg. Reforma Trampa vzryvaet mirovuyu ekonomiku // Vremya. 2018. № 5 (630). S. 10.*

7. *Fenomen Trampa: Koll. monografiya / Pod red. A.V. Kuznetsova. M.: INION, 2020.*

В.В. БИРЮКОВ

**Общественная собственность и ее центральная роль
в построении хозяйственной системы***

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы смены парадигмальных основ изучения отношений собственности. Показаны особенности либеральной концепции собственности и концепции социальной функции собственности, а также парадигмальная ограниченность данных концепций. Для пересмотра традиционной парадигмы исследования экономических отношений собственности предлагается исходить из двойственного характера интересов субъектов экономики. В контексте общественной природы собственности обосновывается необходимость понимания общества как верховного собственника и признания в качестве центральной области хозяйственной системы общенародной по своей сути собственности, совладельцами которой выступают все ее субъекты. Автором аргументируется, что под влиянием специфики баланса экономических интересов складываются особенности конструирования экономических форм собственности. Предложенная перспектива ориентирует на парадигмальный пересмотр сложившихся представлений о проблемном поле исследования экономических отношений собственности и создание на этой основе новой категориальной сетки.

Ключевые слова: концепции собственности, частная собственность, социальная функция собственности, общественная собственность, верховный субъект собственности, обязанность собственника.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бирюков В.В. Общественная собственность и ее центральная роль в построении хозяйственной системы // *Философия хозяйства*. 2025. № 3. С. 103—119. DOI: 10.5281/zenodo.15424273.

Abstract. The article discusses the change in the change in the paradigm of the study of property relations. The features of the liberal concept of property and the concept of the social function of ownership, as well as the paradigmatic limitations of these concepts, are shown. To revise the traditional paradigm of studying the economic relations of property, it is proposed to proceed from the dual nature of the interests of the subjects of the economy. In the context of the social nature of property, the need to understand society as a supreme owner and recognition as a central area of the economic system of a generally common property, co-owners of which are all its subjects, are justified. The author argues that, under the influence of the specifics of the balance of economic interests, the features of the construction of economic forms of ownership are formed. The proposed prospect focuses on a paradigm revision of the prevailing ideas about the problematic field of study of economic relations of property and the creation of a new categorical grid on this basis.

Keywords: property concepts, private property, social function of property, public property, supreme subject of ownership, duty of the owner.

УДК 330; 347.23
ББК 65.01

Введение

Фундаментальные перемены, происходящие в современном мироустройстве, способствуют формированию новой волны разработки познавательной подходов, связанных с поиском адекватных ответов на сложившиеся экономические, социальные и экологические угрозы. Сегодня многие экономисты, правоведы, политологи и социологи обращают внимание на особую значимость отношений собственности, которые оказывают решающее влияние на экономическое, социальное, культурное и политическое развитие. Неравенство в богатстве и широкомасштабное негативное воздействие крупных частных владельцев на тех, кто не является владельцами, выступает одной из главных проблем в общественных дебатах. Современные перемены в общественно-экономической мысли привели к формированию в мае 2024 г. Берлинского консенсуса, который претендует на замещение Вашингтонского консенсуса и ориентирует на

проведение государственной политики, которая связана с трансформацией отношений собственности и предусматривает создание богатства для многих [27].

Вместе с тем в настоящее время отношения собственности преимущественно описываются в рамках либеральной концепции, согласно которой частная собственность выступает в качестве почти абсолютного права. Однако в последние десятилетия в зарубежной литературе по теории собственности произошел взрыв, связанный с рассмотрением отношений собственности как социальных отношений. Этот «социальный сдвиг», сложившийся в рамках исследовательской традиции неортодоксального институционализма, признает важность общественных интересов в понимании как концепции собственности, так и ее использования в экономико-правовых системах реального мира. Данный познавательный подход предполагает рассмотрение собственности с учетом наличия у нее социальной функции и формирует важные предпосылки для смены исследовательской парадигмы.

Следует учитывать, что конкурирующие сегодня неоинституциональные и неортодоксальные версии теории собственности остаются эклектичными и фрагментальными, что обусловлено парадигмальной ограниченностью сложившихся институциональных подходов [1]. В результате возникают непреодолимые проблемы при создании адекватных описаний развития экономических и правовых отношений собственности с учетом их взаимосвязи. В связи с этим важным является разработка адекватных реалиям парадигмальных основ анализа отношений собственности и структуры собственности с учетом особой роли общественных интересов в их формировании.

Либеральная концепция собственности и концепция социальной функции собственности как альтернативные версии институционального подхода

Парадигмальные основы либеральной концепции собственности и концепции социальной функции собственности во многом сложились под влиянием понимания Г. Гегелем гражданского общества, в котором происходит борьба частных интересов и требуется политическая деятельность государства в интересах органического целого [6, 228]. В результате для описания относительно устойчивых

форм собственности используется явно или по умолчанию неоинституциональный или неортодоксальный институциональный подход, основанный на эгоистической трактовке экономических мотивов субъектов.

Либеральная модель «связки прав» является сегодня доминирующей моделью, получившей широкое распространение в юридических и экономических исследованиях, а также в образовательной литературе. Прародителем либеральной модели собственности, в рамках которой содержание собственности сводится к различному количеству специфических прав, считается римское право. Римские юристы признавали, что собственность состоит из отдельных прав, владельцы могут разделить некоторые из этих прав и при этом быть собственниками. В Кодексе Наполеона была отмечена роль государства в ограничении права собственности; в связи с этим собственность определялась как право использовать и распоряжаться вещами самым абсолютным образом при условии, что они не используются способом, запрещенным законами и правилами. Применяемый в либеральной модели «ценностно-нейтральный» институциональный подход к рассмотрению собственности предполагает закрепление прав собственности формальными нормами и неформальными правилами.

В неоинституциональной версии либеральной теории «пучка прав» собственности, у истоков которой стояли Р. Коуз, А. Алчиан и А. Оноре (выделивший 11 правомочий), распределение «пучка прав» собственности описывается с учетом взаимодействия различных агентов в условиях неопределенности, наличия издержек агентских отношений и влияния внешних факторов. Неоинституционалисты, исходя из методологического индивидуализма, считают, что действия совершают индивиды; поэтому общество не является реальным актором, реализующим общие интересы [14, 56]. Они указывают на необходимость ограниченного вмешательства государства в экономику. При этом на государство возлагается обязанность создания институциональных условий соблюдения прав собственников; неспособность государства защитить права собственников рассматривается в качестве ключевой причины формирования неэффективной модели экономики.

В отличие от либеральной концепции сторонники концепции социальной функции собственности трактуют ее как особое социальное отношение и основываются на использовании неортодоксального институционально-эволюционного подхода, опирающегося на идеи мыслителей Древнего мира и Немецкой исторической школы. При этом указывается на то, что социальные институты, в том числе и институт собственности, должны быть справедливыми и соответствовать ценностным представлениям и интересам общества. Так, Г. Шмоллер писал, что смитовская политэкономия показала важность поддержания справедливости в рыночном обмене, но это — часть справедливости; необходимо построение справедливых народнохозяйственных институтов [19, 53—54].

Возникшее в XIX в. неортодоксальное направление изучения собственности стало активно разрабатывать французскими и итальянскими учеными, акцентировавшими внимание на необходимость учета связи права собственности с социальными отношениями и его историческую изменчивость. Основоположником данного направления принято считать французского профессора права Л. Дюги, который указывал в рамках теории солидаризма на социальную связанность людей и возрастание их взаимозависимости с развитием общества. В связи с этим он утверждал, что собственность связана не только с наличием индивидуального права, но и с существованием социальной функции. Дюги писал, что защита прав собственника предполагает одновременно выполнение собственником обязанностей его общественной роли. Если собственник эти обязанности не выполняет (например, отказывается от обработки земли), то законно вмешательство правителей с целью побудить его выполнить свою социальную функцию [8, 19].

Современная волна переосмысления отношений собственности в зарубежной литературе характеризуется растущим количеством исследований, направленных на изучение социальной функции собственности [21; 22; 25; 26]. В этих исследованиях указывается на то, что концепция социальной функции собственности, которую иногда называют «древовидной» концепцией собственности, обеспечивает лучший способ понимания отношений собственности, чем либеральная модель собственности. Так, А. Робилант пишет, что данная концепция рассматривает собственность как дерево со стволом,

который образует ядро правовых отношений. Каждая из его ветвей требует разного баланса многих ценностей, которые определяются социальной функцией собственности и которые выступают в качестве разнообразных пакетов прав, специфичных для конкретных ресурсов [26].

В концепции социальной функции собственности, в отличие от либеральной концепции пучка прав, по-иному рассматривается роль государства в формировании или изменении форм отношений собственности. Теоретики концепции социальной функции собственности обращают внимание на тот факт, что не только собственник может переключить набор имущественных прав, но и государство может это сделать. Понимание собственности как социального института позволяет законодательным органам с учетом существования нормативного ограничения права пользования объектом рассматривать право собственности как переменный набор прав, а не их фиксированный пакет. Государственные органы могут добавлять или убирать некоторые полномочия для достижения различных социальных целей. В связи с этим государство стало включать в их совокупность не только права, но и обязанности при использовании ресурсов — природных или произведенных, осязаемых или неосязаемых.

Общественная природа собственности и смена парадигмы исследования экономических отношений собственности

В России во второй половине XIX — начале XX в. сложились разные представления о собственности. При этом часто собственность рассматривалась как широкое понятие — не только как юридическое, но и как социальное и духовное. Особую значимость имеет предложенный С.Н. Булгаковым исследовательский подход, в рамках которого он ставил вопрос о собственности и богатстве, исходя из включенности человека в систему хозяйственных связей, указывая на важность духовных, нравственных мотивов в хозяйственной деятельности людей и их влияния на хозяйственную жизнь общества. В связи с этим Булгаков говорил о том, что противоречие между личной заинтересованностью в росте благосостояния и благом общества устраняются, когда увеличение народного богатства сопровождается справедливым его распределением.

Идея Булгакова об органической целостности хозяйства предполагает, что общество как сложное целостное образование создает систему институциональных норм и правил, с помощью которых происходят распределение и использование имеющихся национальных ресурсов в интересах общего блага. Поэтому он писал, что в генетическом понятии хозяйства частные раздробленные акты выступают проявлением единой функции. «Динамически они представляются... проявлениями единой деятельности, подчиненной в своем развитии своим особым нормам» [5, 90—91]. Булгаков подчеркивал исторический характер социальных институтов, в том числе и частной собственности. В связи с этим он считал, что выбор хозяйственных форм и комбинаций частной и общественной собственности необходимо осуществлять с учетом того, как они способствуют реализации творческого потенциала человека и росту народного богатства в конкретно-исторических условиях [4, 367—368].

В отличие от доминирующих сегодня концепций собственности сложившийся в классической политэкономии подход к изучению собственности как уникальному феномену базируется на учете двойственной природы человека и этической традиции Аристотеля. Это позволяет рассматривать субъектов национального хозяйства как носителей сложной системы частных и общих экономических ценностей и интересов [2]. В классической теории исходным пунктом изучения отношений собственности выступал народнохозяйственный (макроэкономический) взгляд на экономику как сложную систему, складывающуюся в рамках общественного разделения труда по поводу использования объектов собственности. При этом А. Смит утверждал, что самым священным и неприкосновенным правом собственности является право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще [17, 104]. К. Маркс указывал на ключевую роль собственности в формировании хозяйственной системы и в связи с этим писал, что в отношениях собственности «мы раскрываем... скрытую основу всего общественного строя» [11, 860]. Он подчеркивал общественную природу собственности и установил важнейшие особенности процесса воспроизводства отношений собственности на основе теории трудовой стоимости.

Особенности воспроизводства экономических отношений собственности Маркс связывал с тем, что в процессе общественного воспроизводства происходит воспроизводство стоимости потребленных капитальных и жизненных благ. При этом он отмечал, что в любом воспроизводственном процессе затраты труда (t) непосредственного производителя должны возместить его расходы на приобретение средств производства (ta) и жизненных средств (tc) [11, 859]. При увеличении производительности труда возникают прибавочное время (Δt) и соответствующая структура затрат труда, т. е. $t = ta + tc + \Delta t$. В аграрных экономиках инвестиционная часть затрат общественного труда была сравнительно небольшой и обычно оставалась у производителей, а земельные собственники, владея важнейшим экономическим ресурсом, присваивали в виде ренты значительную часть прибавочного продукта.

Анализируя фундаментальные особенности формирования отношений собственности, складывающихся в капиталистической модели индустриальной экономики, Маркс показал, что они обусловлены существованием значительных отраслевых различий в капиталовооруженности труда, связанных со спецификой применяемых производственно-технологических процессов (технического строения капитала). В связи с этим для успешного развития национального хозяйства возникает необходимость поддержания межотраслевых пропорций производства общественно необходимых благ на основе участия каждого работника в формировании инвестиций общества, которые создаются на основе затрат его труда (ti), включающих затраты на воспроизводство основных средств (ta) и их расширенное воспроизводство (Δti), т. е. $ti = ta + \Delta ti$. В условиях капиталистического общества возникает классовое неравенство в доступе к его ресурсам, которое позволяет владельцам капитала преимущественно в своих интересах трансформировать экономику и присваивать пропорционально вложенному капиталу большую часть стоимости общественного продукта, которая связана с расширенным воспроизводством капитальных благ.

Парадигмальное переосмысление сложившихся подходов к изучению общественной природы экономических отношений собственности предполагает учет того обстоятельства, что еще в XVII—

XVIII вв., в соответствии с теорией общественного договора, возникло понимание того, что народ является источником государственной власти. Сегодня верховенство народа в системе властных отношений признается как фундаментальный (конституционный) принцип права, связанный с осуществлением народовластия [10]. Следует отметить, что в советский период сложились различные подходы к анализу экономических отношений собственности. При всех недостатках создаваемых подходов поиск механизмов реализации общественной природы собственности происходил с позиции анализа советской экономики как сложной системы. Сегодня в результате пересмотра концепции общенародного достояния разрабатывается концепция публичной собственности, при этом сохраняются проблемы теоретического обоснования связи публичных и частных прав.

Поиск новых интегративных подходов к пониманию отношений собственности у многих отечественных исследователей основывается на учете особенностей развития России [9]. В связи с этим академик В.С. Нерсисянц писал, что главное достижение советского периода — беспрецедентная практическая реализация идеи общественной собственности как национального достояния. Собственность была признана общественным благом в отличие от понятия «функции» в теории «солидаризма». Общественное благо — интегральная величина — генетически не связано с отдельным индивидом, тогда как функция или роль принадлежит личности. В период либерально-рыночных реформ социалистическую собственность, призванную обеспечить труженика правом на долю общественных благ в соответствии с его трудовым вкладом, поделили так, будто речь шла не о достоянии народа. В результате возникло представление о собственности как некой совокупности отдельных ее типов, выделенных по «внешнему признаку», а именно по субъектам: «частная собственность — у отдельных лиц; государственная — у государства; муниципальная — у органов местного самоуправления и т. д.» [13, 390].

Следует учитывать, что сторонники концепции социальной функции собственности обращают внимание на важность конструирования пучка прав собственности, исходя из ее социальной природы и рассмотрения объектов собственности как составных частей общественного богатства (Objects of Social Wealth) с учетом их ресурсной специфики (будь то материальные вещи или нематериальные формы

богатства) [23]. Предлагаемый подход исходит из необходимости расширения проблемного поля на основе признания общественно-экономической природы отношений собственности. Фундаментальная особенность данных отношений определяется тем, что конструирование экономических институтов, в том числе института собственности, происходит в результате взаимодействия субъектов экономики, которые являются носителями частных интересов и экономических интересов общества. Это предполагает признание общества не только верховным субъектом власти, но и верховным субъектом отношений собственности, складывающихся по поводу объектов собственности — как вещей, так и результатов интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности). В результате возникает необходимость изучения экономики как сложной саморазвивающейся системы, исходя из того, что системообразующей основой конструирования разнообразных институциональных форм собственности является общенародная по своей экономической сути собственность, совладельцами которой выступают все субъекты национального (народного) хозяйства. Поэтому при анализе хозяйственной системы требуется пересмотреть сложившиеся трактовки отношений собственности и отказаться от упрощенного разделения субъектов на собственников и несобственников [1]. Понятие общенародная собственность характеризует то обстоятельство, что все объекты собственности являются составными элементами национального достояния, интегрированной формой выражения общественного блага, которое, в свою очередь, используется для создания общественного продукта (общественного блага).

Сложный и противоречивый процесс формирования отношений собственности складывается на ценностном и институциональном уровнях экономической реальности. На ценностном (субстанциональном) уровне в обществе, исходя из возникающих перемен в деловой среде, пересматриваются сложившиеся представления об отношениях собственности и в ходе достижения ценностного компромисса утверждается новый взгляд на траекторию их развития. На институционально-регулятивном уровне с помощью государства в соответствии с достигнутым ценностным компромиссом создаются новые институциональные формы собственности, которые ориентиро-

ваны на формирование устойчивого роста экономики и благосостояния общества на основе поддержания баланса отношений сотрудничества и конкуренции (состоятельности) с использованием приемлемых ограничений прав собственности, вплоть до экспроприации. В ходе взаимодействий субъектов обычно возникает несбалансированная структура общественной собственности, определяющая тот или иной уровень дисбаланса частных и общественных интересов и успешность развития экономики.

В рамках современной волны переосмысления доминирующей либеральной концепции собственности и разработки адекватной парадигмы политической экономии обращается внимание на важность учета классовой динамики, которая в условиях современной глобалистско-неоколониальной модели сопровождается значительным увеличением диспропорций в доступе к ресурсам экономики. При этом указывается на то, что еще классическая политэкономия признавала труд источником прибыли и рассматривала эксплуатацию как специфику институционального устройства капиталистической экономики [24]. В связи с этим отмечаются неофеодальные тенденции в современном капитализме, свидетельствующие о том, что больше не имеет смысла постулировать встречу свободных и равных акторов на рынке труда. Сегодня финансовая рента приобрела особо важную роль в накоплении; при этом власть и бизнес реализуют проекты, нарушающие экологические, социальные, да и просто моральные требования. Неолиберально-агрессивная модель позволяет подавлять общественные интересы, превращая их во второстепенный фактор.

В условиях трансформации глобального неолиберального проекта возрастает потребность в проведении исследований, связанных с переходом к более справедливому миропорядку на основе смены либеральной концепции собственности. В связи с этим в последние годы правоведомы России и Белоруссии опубликован ряд работ, посвященных изучению «социальной собственности» в современном праве [3; 7; 16; 20].

Следует отметить, что сегодня значительное число европейских и латиноамериканских конституций включают принцип социальной функции собственности, который предусматривает, что индивидуальный интерес не может иметь преимущества перед интере-

сами общества, поскольку использование собственности должно служить и общему благу. Концепция социальной функции собственности сыграла важную роль в обосновании проектов аграрных и городских реформ [25]. В Соединенных Штатах, хотя ни одна правовая норма не содержит явно слов «социальная функция собственности», некоторые американские ученые-юристы считают, что норма «социального обязательства» существует в законодательстве США, хотя, возможно, только на периферии юриспруденции собственности. Пожалуй, аналогичная ситуация в условиях доминирования либеральной концепции собственности сложилась и в российском законодательстве.

Сегодня возникает настоятельная потребность смены устаревшей модели развития национального хозяйства, основанной на либеральной концепции собственности, и построения суверенной экономико-правовой модели, исходя из признания общественно-экономической природы отношений собственности и необходимости выполнения владельцами объектов собственности обязанности рационально их использовать с учетом общественных интересов. В связи с этим важными являются предложения о необходимости конституционного закрепления принципа социальной функции права собственности и социальной направленности всего российского права, с тем чтобы осуществлять использование объектов собственности не только в частных интересах, но и в интересах общества [12; 15].

Рассмотренная исследовательская парадигма ориентирует на создание механизмов регулирования финансовых и ресурсных потоков исходя из того, что используемый в национальном (народном) хозяйстве капитал является институтом, характеризующим общепринятое право владения и пользования субъектом частью национальной собственности в общих интересах. Как писал Г. Форд, капитал — это «...фонд, доверенный обществом данному лицу и идущий на пользу общества... Никто не имеет права считать подобный излишек личной собственностью, ибо не он один его создал» [18, 155].

Заключение

Современные подходы к анализу экономических отношений собственности обладают парадигмальным изъяном; для смены устаревшей парадигмы следует рассматривать субъектов экономики как

носителей частных и общественных интересов. Предложенная парадигма исходит из необходимости признания существования в национальном (народном) хозяйстве общественной по своему экономическому смыслу собственности, совладельцами которой выступают все его субъекты. Общепародная собственность представляет собой структурно-сложный феномен, который выражает интегральные характеристики, присущие отношениям собственности данной экономической системы. Противоречивые процессы трансформации отношений собственности происходят под влиянием ценностно-нормативных и институционально-регулятивных факторов, в результате складываются национальные особенности структуры общепародной собственности и соответствующий уровень сбалансированности экономических интересов. Предложенная исследовательская перспектива ориентирует на создания категориальной сетки, реалистично описывающей систему отношений собственности, а также фокусирует внимание на важности построения этой системы в соответствии с верховенством национальных экономических интересов.

Литература

1. Бирюков В.В. Развитие национальной экономики как сложной системы: переосмысление роли государства // *AlterEconomics*. 2024. № 2 (21). С. 230—252. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.4.
2. Бирюков В.В. Философия хозяйства и философия экономики как альтернативные исследовательские стратегии // *Философия хозяйства*. 2024. № 2. С. 11—27. DOI: 10.5281/zenodo.10869232.
3. Бондаренко Н.Л. Социальная функция права собственности в контексте конституционного принципа ее неприкосновенности // *Вестник Томского государственного университета. Сер. Право*. 2018. № 28. С. 106—118. DOI: 10.17223/22253513/28/10.
4. Булгаков С.Н. *Православие. Очерки учения православной церкви*. М.: Терра, 1991. 416 с.
5. Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М.: Наука, 1990. 412 с.
6. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 524 с.
7. Денисова Е.Л., Борисова И.Д. Эволюция понимания принципа неприкосновенности частной собственности в современном

праве // Образование и право. 2023. № 7. С. 128—132. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-7-129-132.

8. *Дюги Л.* Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона / Пер. с франц. М.М. Сиверса; под ред. и с предисл. А.Г. Гойхбарга. М.: Гос. изд-во, 1919. 110 с.

9. *Ковтун С.П.* Цивилитарное право и гражданская собственность в либертарно-юридической теории права В.С. Нерсесянца // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2023. № 2 (19). С. 49—59. DOI: 10.22213/2618-9763-2023-2-49-59.

10. *Курданова М.Х.* Современная конституционная реформа в контексте реального народовластия // Государство и право. 2021. № 7. С. 183—189. DOI: 10.31857/S102694520016189-8.

11. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Ч. 2. М.: Политиздат, 1986. 1080 с.

12. *Медведев С.Н.* Социальная функция права собственности в Чили // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2 (32). С. 102—108.

13. *Нерсесянц В.С.* Философия права: Монография. М.: Норма, 2001. 652 с.

14. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 408 с.

15. *Саудаханов М.В.* Социальная функция частной собственности: понятие и содержание в конституционном праве России и зарубежных государств // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 101—105. DOI: 10.24411/2312-0444-2021-5-101-105.

16. *Симанчева М.Г.* Социальная функция собственности и ее современное значение // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 204—216.

17. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Социально-экономическое издательство, 1962. 684 с.

18. *Форд Г.* Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989. 186 с.

19. *Шмоллер Г.* Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда. М.: Либроком, 2012. 216 с.

20. *Щенникова Л.В.* Вещное право в отражении зарубежной цивилистики // Государство и право. 2022. № 12. С. 145—151. DOI: 10.31857/S102694520020674-2.

21. *Alexander G.S.* The Social-Obligation Norm in American Property Law // Cornell Law Faculty Publications. 2009. Vol. 94. P. 745—822.
22. *Crawford C.* The Social Function of Property and the Human Capacity To Flourish // Fordham Law Review. 2011. Vol. 80. P. 1089—1134.
23. *Lametti D.* The Concept of Property: Relations Through Objects of Social Wealth // University of Toronto Law Journal. 2004. Vol. 53 (4). P. 325—378. DOI:10.2307/3650892.
24. *Mattei C.* The Capital Order. How Economists Invented Austerity and Paved the Way to Fascism. Chicago: University of Chicago Press, 2022. 480 p.
25. *Mirow M.C.* The Social-Obligation Norm of Property: Duguit, Hayem, and Others // Florida Journal of International Law. 2010. Vol. 22. P. 192—225.
26. *Robilant A.* Property: A Bundle of Sticks or a Tree? // Vanderbilt Law Review. 2013. Vol. 66 (3). P. 869—932.
27. *Rodrik D., Walt S.* How to construct a new global order // Oxford Review of Economic Policy. 2024. Vol. 40 (2). P. 256—268. DOI: 10.1093/oxrep/gra011.

References

1. *Biryukov V.V.* Razvitie nacional'noj ekonomiki kak slozhnoj sistemy: pereosmyslenie roli gosudarstva // AlterEconomics. 2024. № 2 (21). S. 230—252. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.4.
2. *Biryukov V.V.* Filosofiya hozyajstva i filosofiya ekonomiki kak al'ternativnye issledovatel'skie strategii // Filosofiya hozyajstva. 2024. № 2. S. 11—27. DOI: 10.5281/zenodo.10869232.
3. *Bondarenko N.L.* Social'naya funkciya prava sobstvennosti v kontekste konstitucionnogo principa ee neprikosnovennosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo. 2018. № 28. S. 106—118. DOI: 10.17223/22253513/28/10.
4. *Bulgakov S.N.* Pravoslavie. Ocherki ucheniya pravoslavnoj cerkvi. M.: Terra, 1991. 416 s.
5. *Bulgakov S.N.* Filosofiya hozyajstva. M.: Nauka, 1990. 412 s.
6. *Gegel' G.V.F.* Filosofiya prava. M.: Mysl', 1990. 524 s.

7. Denisova E.L., Borisova I.D. Evolyuciya ponimaniya principa neprikosnovennosti chastnoj sobstvennosti v sovremennom prave // *Obrazovanie i pravo*. 2023. № 7. S. 128—132. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-7-129-132.

8. Dyugi L. Obshchie preobrazovaniya grazhdanskogo prava so vremeni kodeksa Napoleona / Per. s franc. M.M. Siversa; pod red. i s predisl. A.G. Gojhbarga. M.: Gos. izd-vo, 1919. 110 s.

9. Kovtun S.P. Civilitarnoe pravo i grazhdanskaya sobstvennost' v libertarno-yuridicheskoy teorii prava V.S. Nersesyanca // *Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika*. 2023. № 2 (19). S. 49—59. DOI: 10.22213/2618-9763-2023-2-49-59.

10. Kurdanova M.H. Sovremennaya konstitucionnaya reforma v kontekste real'nogo narodovlastiya // *Gosudarstvo i pravo*. 2021. № 7. S. 183—189. DOI: 10.31857/S102694520016189-8.

11. Marks K. *Kapital*. T. 3. CH. 2. M.: Politizdat, 1986. 1080 c.

12. Medvedev S.N. Social'naya funkciya prava sobstvennosti v CHili // *Leningradskij juridicheskij zhurnal*. 2013. № 2 (32). S. 102—108.

13. Nersesyan V.S. *Filosofiya prava: Monografiya*. M.: Norma, 2001. 652 s.

14. Nort D., Uollis Dzh., Vajngast B. Nasilie i social'nye poryadki: Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2011. 408 s.

15. Saudahanov M.V. Social'naya funkciya chastnoj sobstvennosti: ponyatie i sodержanie v konstitucionnom prave Rossii i zarubezhnyh gosudarstv // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. 2021. № 5. S. 101—105. DOI: 10.24411/2312-0444-2021-5-101-105.

16. Simancheva M.G. Social'naya funkciya sobstvennosti i ee sovremennoe znachenie // *Permskij juridicheskij al'manah*. 2022. № 5. S. 204—216.

17. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*. M.: Social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1962. 684 s.

18. Ford G. *Moya zhizn', moi dostizheniya*. M.: Finansy i statistika, 1989. 186 s.

19. SHmoller G. *Spravedlivost' v narodnom hozyajstve. Razdelenie truda*. M.: Librokom, 2012. 216 s.

20. *SHCHennikova L.V. Veshchnoe pravo v otrazhenii zarubezhnoj civilistiki // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 12. S. 145—151. DOI: 10.31857/S102694520020674-2.*

Л.К. ЧУЛКОВ

Коллективная и индивидуальная формы хозяйственной деятельности*

Аннотация. В статье выявлены достоинства и недостатки коллективной и индивидуальной форм хозяйственной деятельности в сельском хозяйстве. Особое внимание уделено рассмотрению трех технологических типов производства в современном сельском хозяйстве России.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, коллективное хозяйство, индивидуальное хозяйство, коллективное землепользование, индивидуальное землепользование, русский крестьянин, русский старообрядец-земледелец, технологический тип производства.

Abstract. The paper examines dignities and shortcomings of collective form and individual form of economic activity in farming. Particular attention is focused on three technological type of production in the contemporary farming in Russia.

Keywords: economic activity, collective farm, individual farm, collective land use, individual land use, Russian peasant, Russian Old Believer-agriculturist, technological type of production.

УДК 330.16
ББК 65в

В современной России идет процесс реформирования экономической сферы общества, в том числе сельского хозяйства: прави-

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чулков Л.К. Коллективная и индивидуальная формы хозяйственной деятельности // *Философия хозяйства*. 2025. № 3. С. 119—126. DOI: 10.5281/zenodo.15424298.

тельство России пытается создать условия для эффективного развития экономики страны. Однако это невозможно сделать без учета исторического опыта хозяйствования российского народа. Россия — в силу большой территориальной протяженности, сложного этнического состава населения и непростой исторической судьбы — на протяжении столетий была многоукладной страной, в которой сочетались различные способы производства, в которой были представлены как коллективная, так и индивидуальная формы хозяйственной деятельности. По-видимому, Россия нуждается не в одном-единственном готовом решении реформирования экономики, а в целом комплексе мер, учитывающих специфику различных регионов нашей страны. В частности, при определенных условиях индивидуальная форма хозяйственной деятельности может оказаться более эффективной, чем коллективная форма хозяйственной деятельности; но при других условиях ситуация может измениться на противоположную. Все это делает актуальным выявление достоинств и недостатков коллективной и индивидуальной форм хозяйственной деятельности.

Коллективное землепользование (к примеру, монастырское землепользование) позволяет рационально распределять имеющиеся ресурсы для обработки земли. Данная форма землепользования может быть очень эффективной, но только при условии, что группу людей, занимающихся возделыванием земли, объединяют какие-то общие ценности, несводимые к получению материальных благ. Если же такие ценности отсутствуют, то добровольное объединение людей в такие группы, занимающиеся совместной обработкой общего земельного участка, становится невозможным.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» отмечается, что общность имущества была характерна для многих раннехристианских общин, а позднее для общежительных монастырей и что «такой характер имущественных отношений... во многих случаях был экономически эффективным, примером чему могут служить православные монастыри» [7, § VII.3]. Об эффективности работы монахов также пишет австрийский исследователь Игнац Зейпель: «Работа монахов не оставалась бесплодной и позволяла им иногда накапливать <для монастыря> богатые запасы...» [4, 133]. Однако в «Основах социальной концепции Русской Православной

Церкви» подчеркивается, что в истории христианства отказ от частной собственности «носил исключительно добровольный характер и был связан с личным духовным выбором» [7, § VII.3].

Индивидуальное землепользование позволяет земледельцу ощутить свою связь с землей, почувствовать важность своего труда [9, 318, 328; 5, 125—126]. При данной форме землепользования земледелец прилагает свои усилия при обработке земли в надежде получить во владение все результаты своего труда. Индивидуальное землепользование эффективно, если земля обрабатывается не наемным рабочим, а человеком, ощущающим свою связь с землей и распоряжающимся результатами своего труда. В дореволюционной России таким человеком был крестьянин и старообрядец-земледелец.

В царской России большая часть крестьян и старообрядцев-земледельцев была объединена в крестьянские поземельные общины и старообрядческие земледельческие общины соответственно. Однако это обстоятельство не означает, что русские крестьяне — члены крестьянских поземельных общин — и русские старообрядцы-земледельцы — члены старообрядческих земледельческих общин — использовали коллективную форму обработки земли и совместную обработку общих земельных наделов. Даже при ежегодных переделах земли внутри общины пахотные земли находились в пользовании отдельных крестьянских домохозяйств и обрабатывались ими самостоятельно. Самостоятельную обработку крестьянином своего надела (т. е. своими силами и силами членов своей семьи) и право крестьянина на результаты своего труда отмечает М.А. Вылцан: «Индивидуализм крестьян, по преимуществу, относился к трудовому процессу и результатам труда» [1, 337]. К тому же наличие периодических переделов пахотных угодий не являлось обязательным атрибутом крестьянских поземельных общин и старообрядческих земледельческих общин и было распространено на густонаселенных территориях с острым недостатком пригодных для земледелия земель. Так, А.А. Риттих пишет, что в дореволюционной России и до отмены крепостного права, и после его отмены существовало большое количество крестьянских общин, где переделы пахотных угодий не производились никогда [8, 7—15, 33—35].

По верному замечанию И.И. Мюрберг, хозяйство крестьянина, как и хозяйство фермера (и добавим: хозяйство старообрядца-земледельца), — это, прежде всего, хозяйство семейного типа [6, 55]:

и крестьянин, и фермер не только сам трудится на своем земельном участке, но и привлекает для его обработки членов своей семьи. Однако это обстоятельство не отменяет справедливость утверждения, что и крестьянское домохозяйство, и фермерское домохозяйство используют индивидуальную форму хозяйственной деятельности. Это можно подтвердить и ссылкой на исторический факт: в 1920—1930-е гг. при проведении коллективизации в нашей стране правительство призывало вступать крестьян в колхозы, а отдельные крестьянские домохозяйства не рассматривались правительством как коллективные хозяйства.

Выделяют крупное и мелкое индивидуальное землепользование. Первое позволяет при обработке земли применять современную технику; второе способствует сохранению большого количества занятых в сельском хозяйстве людей, что, в конечном счете, ведет к сохранению крестьянства как социального слоя общества.

В современном сельском хозяйстве России выделяют три технологических типа производства: натуральный, естественно инновационный и интенсивно технократический.

К натуральному технологическому типу производства относятся личные подсобные хозяйства и мелкие крестьянские (фермерские) хозяйства. Он характеризуется, с одной стороны, применением тяжелого физического труда; а с другой — производством экологически чистой продукции и способностью предоставить работу огромному количеству сельских жителей.

К естественно инновационному технологическому типу производства относятся крупные крестьянские (фермерские) хозяйства и коллективные предприятия, производящие продукцию без массового использования агрохимикатов. Для данного технологического типа производства характерны, во-первых, экологичность производимой продукции (в этом его сходство с натуральным технологическим типом производства), а во-вторых, возможность использования техники вместо тяжелого физического труда людей (в этом его отличие от натурального технологического типа производства).

И наконец, к интенсивно технократическому технологическому типу производства относятся передовые предприятия, использующие современную технику и применяющие в широком масштабе минеральные удобрения, пестициды, антибиотики, регуляторы роста

и другие химические соединения. Он характеризуется, с одной стороны, производством большого количества продукции при ее низкой себестоимости; а с другой — слабой востребованностью на предприятиях труда сельских жителей из-за высокой степени автоматизации процесса производства, что ведет к росту безработицы на селе [3, 62, 69—70, 72—74, 76, табл. 3; 11, 236—237].

Можно привести еще один недостаток интенсивно технократического типа производства — истощение живой природы, деградация почвы, возникновение экологических проблем. Если крестьянин и фермер «заботятся о благе живых организмов, какими являются почва, растения и животные», дают почве отдохнуть, меняют сельскохозяйственные культуры; то индустриализированные суперфермы (агробизнес) в погоне за прибылью полностью истощают живую природу. К примеру, индустриализированные суперфермы, организованные в США после Второй мировой войны, привели к деградации почвы в Техасе, Оклахоме, Айове и Дакоте: в результате неправильной хозяйственной деятельности этих суперферм плодородные почвы потеряли гумус и превратились в глину [6, 82, 73]. Отечественный агробизнес, к сожалению, тоже не избежал этого недостатка. Так, например, холдинг «Агросила» — крупнейший в Республике Татарстан производитель зерна (358 тыс. т зерна за 2024 г.) — согласно мнению экспертов, не учитывает при работе на полях почвенно-климатические условия; холдинг «Август» — занял в 2024 г. 3-е место в Республике Татарстан по производству зерна (245,7 тыс. т зерна за 2024 г.) — по мнению экспертов, не учитывает при работе на полях правила севооборота, истощает землю [2, 12—13].

Современный канадский географ Ингольф Фогелер (Ingolf Vogeler) изучил хозяйственную деятельность таких протестантских религиозных общин Канады и США, как Хаттерите (Hutterite) и Амиш (Amish). Оказалось, что члены общины Хаттерите занимаются совместной обработкой общих земельных участков, а представители общины Амиш трудятся каждый на своем индивидуальном участке. При этом члены обеих религиозных общин, несмотря на разную форму ведения хозяйства (коллективную форму — у Хаттерите, индивидуальную форму — у Амиш), демонстрируют высокую эффективность экономической деятельности (по сравнению с экономической деятельностью расположенных по соседству с ними мирских

фермерских хозяйств). Получается, экономически эффективным может быть и коллективное, и индивидуальное землепользование [10, 87].

Таким образом, у коллективной и индивидуальной форм хозяйственной деятельности имеются и достоинства, и недостатки. Коллективная форма хозяйственной деятельности позволяет рационально распределять имеющиеся ресурсы; однако она будет эффективна только при условии, если занятых совместным трудом людей объединяют какие-то общие ценности, несводимые к получению материальных благ. Индивидуальная форма хозяйственной деятельности, в свою очередь, позволяет человеку ощутить внутреннюю связь с производимыми продуктами, вкладывать душу в результаты своего труда. Однако в сельском хозяйстве индивидуальная форма хозяйственной деятельности будет эффективна, если земля обрабатывается не наемным рабочим, а человеком, ощущающим свою связь с землей и распоряжающимся результатами своего труда.

И индивидуальные, и коллективные хозяйства могут быть по размерам как небольшими, так и крупными. В крупных хозяйствах легче применять современную технику, которая существенно облегчает физический труд. Но, с другой стороны, именно в крупных хозяйствах часто происходит нерациональное природопользование (к примеру, нарушение правил севооборота при работе на полях), что приводит к серьезным экологическим проблемам (например, к деградации почвы).

Выбирать коллективную или индивидуальную форму хозяйственной деятельности целесообразно в зависимости от конкретных условий: при определенных условиях индивидуальная форма хозяйственной деятельности может оказаться более эффективной, чем коллективная форма хозяйственной деятельности; но при других условиях ситуация может измениться на противоположную.

Литература

1. *Вылцан М.А.* Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.): Материалы международной конференции (г. Москва, 14—15 июня 1994 г.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 334—347.

2. Голобурдова Н. «Такие компании — это просто танки!»: топ-50 влиятельных аграриев Татарстана // Аргументы недели. 2024. № 48 (945). 4 дек. С. 12—13.
3. Голубев А.В. Инновации и традиции российского агрокомплекса // Мир России. 2013. № 1. С. 61—77.
4. Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви / Пер. с нем.; предисл. С.Н. Булгакова. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 352 с.
5. Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности (XVIII—XX вв.) / Авт.-сост.: К. Исупов, И. Савкин. СПб.: Ганза, 1993. С. 120—132.
6. Мюрберг И.И. Аграрная сфера и политика трансформации. М.: ИФ РАН, 2006. 174 с.
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви: Москва, Архиерейский Собор 2000 г.: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 10.02.2025).
8. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 224 с.
9. Франк С.Л. Собственность и социализм // Русская философия собственности (XVIII—XX вв.) / Авт.-сост.: К. Исупов, И. Савкин. СПб.: Ганза, 1993. С. 309—330.
10. Чулков Л.К., Пурынычева Г.М. Духовные факторы в экономической деятельности людей // Труды Поволжского государственного технологического университета. Сер. Социально-экономическая. Вып. 3 / Отв. и науч. ред. Д.В. Иванов. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. С. 86—90.
11. Чулков Л.К. Особенности экономической деятельности старообрядцев // Безопасность человека и устойчивое развитие общества перед вызовами глобальных трансформаций: XXIV-е Вавиловские чтения: Материалы Международной междисциплинарной научной конференции. 3 декабря 2020 г., Йошкар-Ола. В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. В.П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2021. С. 235—238.

References

1. Vylcan M.A. Individualizm i kollektivizm krest'yan // Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX—XX vv.): Materialy mezhdunarodnoj konferencii (g. Moskva, 14—15 iyunya 1994 g.). M.: ROSSPEN, 1996. S. 334—347.
2. Goloburdova N. «Takie kompanii — eto prosto tanki!»: top-50 vliyatel'nyh agrarijev Tatarstana // Argumenty nedeli. 2024. № 48 (945). 4 dek. S. 12—13.
3. Golubev A.V. Innovacii i tradicii rossijskogo agrokompleksa // Mir Rossii. 2013. № 1. S. 61—77.
4. Zeipel' I. Hozyajstvenno-eticheskie vzglyady otcov cerkvi / Per. s nem.; predisl. S.N. Bulgakova. 2-e izd. M.: LIBROKOM, 2012. 352 s.
5. Il'in I.A. O chastnoj sobstvennosti // Russkaya filosofiya sobstvennosti (XVIII—XX vv.) / Avt.-sost.: K. Isupov, I. Savkin. SPb.: Ganza, 1993. S. 120—132.
6. Myurberg I.I. Agrarnaya sfera i politika transformacii. M.: IF RAN, 2006. 174 s.
7. Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: Moskva, Arhierejskij Sobor 2000 g. : URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
8. Rittih A.A. Zavisimost' krest'yan ot obshchiny i mira. 2-e izd. M.: LENAND, 2016. 224 s.
9. Frank S.L. Sobstvennost' i socializm // Russkaya filosofiya sobstvennosti (XVIII—XX vv.) / Avt.-sost.: K. Isupov, I. Savkin. SPb.: Ganza, 1993. S. 309—330.
10. CHulkov L.K., Purynycheva G.M. Duhovnye faktory v ekonomicheskoy deyatel'nosti lyudej // Trudy Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Ser. Social'no-ekonomicheskaya. Vyp. 3 / Otv. i nauch. red. D.V. Ivanov. Joshkar-Ola: PGU, 2015. S. 86—90.
11. CHulkov L.K. Osobennosti ekonomicheskoy deyatel'nosti staroobryadcev // Bezopasnost' cheloveka i ustojchivoe razvitie obshchestva pered vyzovami global'nyh transformacij: XXIV-e Vavilovskie chteniya: Materialy Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii. 3 dekabrya 2020 g., Joshkar-Ola. V 2 ch. CH. 1 / Pod obshch. red. V.P. SHalaeva. Joshkar-Ola: PGU, 2021. S. 235—238.

Л.Г. ЧЕРЕДНИЧЕНКО, А.В. МАТЫЦЫН, А.М. ДЖАБРАИЛОВ,
М.К. ЛАПИДУС

Анализ проблем и перспектив развития гибридных моделей прогнозирования спроса на нефть*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития гибридных моделей прогнозирования спроса на нефть. Проведены анализ теоретических основ и классификация моделей, включая их достоинства и недостатки в реальных сценариях. Использованы количественные методы анализа и тестирование гибридных моделей, таких как ARIMA+RF, LSTM+SARIMA и RF+GB, на основе временных рядов. Обсуждаются ключевые проблемы, включая недостаток данных, шум, сложность настройки гиперпараметров, а также редкие явления, влияющие на точность моделей. Представлены рекомендации по улучшению адаптивности и надежности прогнозов. Результаты подчеркивают перспективность использования моделей LSTM+SARIMA в сложных условиях прогнозирования.

Ключевые слова: прогнозирование, методы глубокого обучения, анализ больших данных, гибридные модели, нефть, LSTM, RNN, gradient boosting, random forest.

Abstract. The article discusses the problems and prospects for the development of hybrid models for forecasting oil demand. The theoretical foundations are analyzed and the models are classified, including their advantages and disadvantages in real-world scenarios. Quantitative methods of analysis and testing of hybrid models are used, such as ARIMA+RF, LSTM+SARIMA, and RF+GB, were employed using time series data. The study elucidates critical issues such as data insufficiency, noise interference, hyperparameter tuning complexities, as well as rare phenomena impacting model precision. Furthermore, recommendations are provided to enhance the adaptability and robustness of forecasting methodologies.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чередниченко Л.Г., Матыцын А.В., Джабраилов А.М., Лapidус М.К. Анализ проблем и перспектив развития гибридных моделей прогнозирования спроса на нефть // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 127—145. DOI: 10.5281/zenodo.15424323.

The findings underscore the superior potential of LSTM+SARIMA models for addressing the intricacies of forecasting under complex conditions.

Keywords: forecasting, deep learning methods, big data analysis, oil, LSTM, RNN, gradient boosting, random forest.

УДК 330
ББК 65

Введение

Рынок нефти занимает важнейшее место в составе мировой экономики, однако высокий уровень неопределенности делает сложной задачей построение надежных моделей прогнозирования [15; 12; 1]. Поэтому мнение о том, что подробный анализ и прогнозирование цен на нефть имеют решающее значение для разработки планов управления, стабилизации экономического и социального развития и диверсификации инвестиционных рисков, стало консенсусом в академическом сообществе. Однако, из-за колебаний геополитической динамики и рыночных настроений изучаемая последовательность часто является нестационарной, нерегулярной и грубой, а производительность существующих технологий прогнозирования сталкивается с серьезными проблемами [9, 105 — 106], в том числе и целевых критериев [6]. Как отмечают отечественные исследователи С.Н. Бобылев и Т.В. Завьялова, сегодня системной проблемой являются различные «экономические недооценки» [2, 46 — 47].

Таким образом, цель исследовательской работы состоит в анализе проблем и перспектив развития наиболее популярного метода прогнозирования спроса на нефть — гибридного. Задачи, которые, по мнению авторов, позволят полноценно раскрыть тему исследования, включают рассмотрение теоретических основ гибридных моделей и разработку их классификации, выявление недостатков и преимуществ интеграции гибридных моделей при прогнозировании спроса в реальных сценариях.

Актуальность

Важность исследования подтверждает ряд критических ошибок в прогнозировании спроса на энергоресурсы не только отдельных исследователей, но и ведущих аналитических департаментов таких международных экономических организаций, как МЭА и ОПЕК.

По использованию угля в мире в 2017 г. МЭА было предложено два сценария [1, 23]. По одному сценарию утверждалось, что к 2040 г. спрос вырастет на 12%, по другому сценарию делался вывод, что к 2020 г. потребление угля от показателей 2017 г. уменьшится на 36%. Однако с 2021 г. сформировалась тенденция увеличения потребления угля в мире. Помимо этого, в 2021 г. МЭА для достижения климатических целей выступило с предложениями странам прекратить любые инвестиции в нефтегазовый сектор. Однако менее чем через год агентство признало ошибочность этих рекомендаций, что вызвало критику со стороны представителей отрасли. Также ряд критических ошибок наблюдается и в аналитическом департаменте организации стран-экспортеров нефти. Например, в октябре 2024 г. ОПЕК в третий раз снизила прогноз роста мирового спроса на нефть, сократив его на 106 000 баррелей в день. По информации представителей организации, данное снижение было обусловлено замедлением экономического роста ключевых стран-потребителей. Необходимо отметить, что, несмотря на схожие методы прогнозирования спроса у МЭА и ОПЕК, именно в 2024 г. проблема прогнозирования стала наиболее актуальной в связи с достижением максимального различия в прогнозах роста спроса на нефть за последние 16 лет. МЭА прогнозировало рост на 1,22 млн баррелей в сутки, тогда как ОПЕК — на 2,25 млн баррелей в сутки. Это формирует разрыв в прогнозе, равный 1 млн баррелей в сутки, что является критическим различием.

Таким образом, расхождение в прогнозах на 2024 г. указывает, что необходимо реализовать аналитическую работу по исследованию проблем и перспектив гибридных моделей прогнозирования с установлением критических недостатков и достоинств, что в перспективе сможет помочь избежать ошибок в реализации моделирования.

Обзор литературы

В статье [11] авторы используют комбинации прогнозов, построенных на основании нескольких индивидуальных прогнозов предикторов. В качестве основных факторов авторы исследования используют цену фьючерса, спотовый спред на бензин, темпы роста мировой добычи нефти и многие другие.

Комбинированная модель имеет следующий вид:

$$\hat{P}comb_{t+h|t} = \sum_{i=1}^N W_{i,t} \hat{P}_{t+h|t} ,$$

где $\hat{P}comb_{t+h|t}$ — прогноз цены на нефть для периода h , сделанный с использованием i -го предиктора в момент времени t , $W_{i,t}$ — вес, присвоенный i -му прогнозу, при условии, что $\sum_{i=1}^N W_{i,t} = 1$ и N — количество предикторов.

Авторы отмечают, что основные трудности прогнозирования с помощью моделей заключаются в поиске данных, а также в том, что на проверку статистических и экономических гипотез о прогнозировании цен на нефть вне выборки сильно влияет построение базового ряда цен на нефть. Стоит отметить, что на практике стратегии, основанные на комбинированных прогнозах цен на нефтяные фьючерсы, статистически не обеспечивают инвесторам большей экономической выгоды, по сравнению со стратегиями, основанными на прогнозе без изменений. Выводы, сделанные на основе анализа экономической ценности прогнозов цен на нефть, согласуются с выводами, сделанными на основе статистических тестов вневыборочной предсказуемости, в ходе которых авторы обнаружили, что комбинированные прогнозы цен на нефть менее точны, чем прогноз без изменений.

В статье [14] авторы построили гибридную систему прогнозирования с помощью концепции «denoising». В качестве ядра система интегрирует несколько методов шумоподавления, эконометрических методов, методов искусственного интеллекта и устанавливает гибридную модель прогнозирования с высокой точностью и надежностью с помощью теории многоцелевой оптимизации. В соответствии с процессом моделирования гибридной системы прогнозирования, авторы сначала применяют процедуру шумоподавления к исходным исследовательским последовательностям для предварительной обработки, чтобы уменьшить шумовые помехи в последовательностях и обеспечить более надежную поддержку данных для последующего эмпирического моделирования. В качестве моделей для прогнозирования используются: ARIMA, BPNN, ELMAN, GRNN, SVM, FTDNN, NAR, и LSTM.

Как указано выше, в основе исследования лежит «интеграция шумоподавления». Система объединяет несколько методов шумопо-

давления и значительно снижает влияние шума на результаты прогнозирования за счет объединения преимуществ различных методов шумоподавления. Более того, в процессе детерминированного прогнозирования используется многоцелевой интеллектуальный алгоритм для оптимизации весовых коэффициентов нескольких моделей субпрогнозирования, интегрированных с методами шумоподавления. Это сделано для того, чтобы создать надежную и адаптивную гибридную модель, которая значительно повышает точность прогнозирования, тренда и направления цен на нефть, а также снижает неопределенность модели и данных. На основе детерминированного прогнозирования с помощью теории нечетких множеств создается модель нечетких интервальных прогнозов с минимальной шириной интервала и оптимальной совокупной производительностью. Все это, вместе с использованием алгоритма многокритериальной оптимизации, должно удовлетворять условию, что охват интервалов прогнозирования соответствует требованиям уровня достоверности. Авторы приходят к выводу, что внедрение разнообразных методов шумоподавления значительно снижает влияние неопределенности в данных на результаты прогнозирования.

Авторы отмечают, что в большинстве случаев отдельные модели прогнозирования, построенные на основе необработанных данных, не могут превзойти модель стохастического блуждания по показателям эффективности. Это согласуется с результатами предыдущих исследований и может быть объяснено тем, что цены на сырую нефть в период проверки не были очень волатильными. Однако после ряда усовершенствований, включая шумоподавление, фильтрацию и оптимальную интеграцию, гибридная система прогнозирования, предложенная в этом исследовании, способна значительно превзойти модель стохастического блуждания.

Методология

Для проведения данного исследования наиболее эффективным методом является синтез количественных методов анализа, а именно: статистический анализ данных, методы математического моделирования, анализ динамики, сравнение, и качественные методы [16, 10].

Чтобы определить проблемы и перспективы развития гибридных моделей прогнозирования спроса на нефть, авторы используют комплексный подход, включающий несколько ключевых этапов.

Первоначально проводится формирование набора основных моделей прогнозирования [10, 8]. Цель данного этапа заключается в описании теоретических особенностей моделей и определении ограничений применения. Далее авторы производят тестирование моделей на временных рядах для получения данных о точности, адаптивности, интерпретируемости и сложности внедрения.

В качестве данных для тестирования авторы использовали динамику стоимости нефти Brent. Очевидно, что для получения фундаментального результата касательно эффективности моделей прогнозирования спроса нужно использовать несколько переменных с разным уровнем «сложности», однако в связи с ограниченностью вычислительных ресурсов авторами было принято решение использовать только динамику стоимости нефти марки Brent [12, 6]. Данный ряд был выбран из-за доступности данных и его относительной сложности в прогнозировании. Так, авторами было сформировано три датасета: 2000, 4000 и 8000 элементов. Представленные наборы данных позволяют определить как общую эффективность модели, так и такие параметры, как требовательность к ресурсам, сложность и интерпретируемость данных.

В ходе исследования авторами были выбраны следующие гибридные модели: ARIMA+RF, LSTM+SARIMA и RF+GB (табл. 1).

Таблица 1

Базовые гибридные модели

Модель	Обрабатываемые компоненты	Линейная часть	Нелинейная часть
ARIMA+RF	Линейность + нелинейность	ARIMA	Random Forest
LSTM+SARIMA	Сезонность + нелинейность	SARIMA	LSTM
RF+GB	Разнообразие нелинейных паттернов	Random Forest	Gradient Boosting

Источник: составлено авторами.

Теоретический анализ специфики гибридных моделей позволил сформировать выборку из трех базовых моделей. Таким образом, использование ARIMA+RF позволяет эффективно моделировать стационарные временные ряды, учитывая тренды и сезонные колебания. Добавление RF позволяет, в свою очередь, захватывать нелинейные отношения и взаимодействия между множеством предикторов, что повышает точность прогнозирования [17, 11]. Гибридная модель LSTM+SARIMA сочетает в себе способность обучаться на большом количестве сложных данных, улавливать долгосрочные временные зависимости и захватывать сезонные паттерны и тренды в данных. Предположительно, данная связка позволит значительно повысить точность прогнозов, особенно в случаях сложных временных рядов. Использование RF+GB подразумевает объединение набора слабых моделей в одну, более точную и эффективную предсказательную модель. Эти слабые модели обычно представляют собой деревья решений. Алгоритмы градиентного бустинга последовательно добавляют новые модели, причем каждое новое добавление направлено на устранение ошибок, допущенных предыдущими [18, 7]. Окончательный прогноз агрегата представляет собой сумму индивидуальных прогнозов всех моделей.

Процесс тестирования моделей на эффективность подразумевает использование нескольких датасетов, чтобы оценить устойчивость моделей к изменению обучающего набора данных. Кроме того, авторы использовали несколько метрик оценки, такие как среднеквадратическая ошибка (RMSE), средняя абсолютная ошибка (MAE) и коэффициент детерминации (R^2), для более точного определения эффективности методов.

Перспективность моделей прогнозирования была проанализирована и проранжирована с помощью следующих параметров:

- 1) анализ адаптивности к изменяющимся условиям;
- 2) масштабируемость и гибкость;
- 3) интеграция новых данных и технологий;
- 4) оценка устойчивости к неопределенности;
- 5) практическая применимость.

Оценка параметров 1, 2, 4 будет реализована с помощью методов количественного анализа результатов математического моделирования, в то время как анализ параметров 3, 5 — посредством экспертного метода оценки.

Результаты

Перейдем к анализу особенностей временных рядов для дальнейшего моделирования (рис. 1).

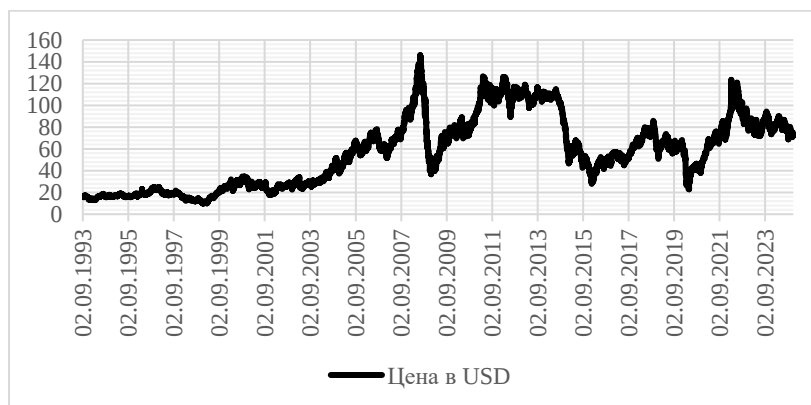

Рис. 1. Динамика стоимости нефти Brent (составлено авторами на основании данных о стоимости нефти Brent [7])

Данный график показывает динамику ежедневных цен на нефть марки Brent начиная с 1993 г. Цены росли, достигнув своего пика в 146 долл. США в 2008 г., после чего наступил мировой финансовый кризис, сопровождавшийся падением цен до 40 долл. Далее происходили восстановление и стабилизация цен на уровне 100—110 долл. за баррель. Вплоть до 2016 г. прослеживалось падение цен до 30 долл. в связи с увеличением масштабов добычи нефти в США на фоне сланцевой революции и изменением политики ОПЕК в отношении объемов добычи нефти. К 2019 г. цены восстановились до 60—80 долл. за баррель, однако в начале 2020 г. цены на нефть резко снизились. Это было вызвано пандемией COVID-19, спадом мировой экономики и сокращением спроса. После пандемии цены на нефть стабилизировались и начали восстанавливаться. В марте 2022 г. на

фоне нового энергетического кризиса цена на нефть превысила 100 долл. В ноябре 2024 г. Brent торговалась в районе 70 долл. за баррель.

Перейдем к анализу дескриптивной статистики временных рядов для определения ключевых особенностей (табл. 2).

Таблица 2

Дескриптивная статистика датасетов

Количество данных	8000	4000	2000
Среднее значение	57,07	77,93	70,54
Стандартное отклонение	0,36	0,37	0,38
Медиана	56,41	76,27	71,82
Мода	16,87	77,59	63,28
Дисперсия	32,35	23,61	17,24
Коэффициент эксцесса	−0,99	−0,96	0,14
Коэффициент асимметрии	0,33	0,10	0,020
Разброс данных	136,44	103,91	100,74

Источник: составлено авторами.

Основываясь на статистических данных, приведенных в табл. 2, можно сделать вывод, что степень разброса данных в датасетах является достаточно низкой. Представленные результаты указывают на то, что распределение можно считать симметричным, также анализ формы распределения через коэффициенты эксцесса и асимметрии показывает, что для первого и второго датасетов эксцесс отрицательный (−0,99 и −0,96 соответственно), что указывает на отсутствие нормальности распределения. Третий датасет имеет эксцесс, близкий к нулю (0,14), что свидетельствует о близости к нормальному распределению. Асимметрия во всех датасетах положительная, но ее значения не являются высокими, что говорит о слабом смещении данных в правую сторону.

Таким образом, первый датасет отличается наибольшим разбросом и вариативностью, второй демонстрирует самый высокий показатель центрального распределения, третий датасет уступает второму в центральном распределении, однако из-за близкого к нулю эксцесса и коэффициента асимметрии является наиболее компактным и сбалансированным.

Следующим этапом является анализ результатов моделирования (табл. 3).

Таблица 3

Результаты моделирования

Но- мер	Размер датасета	Модель	MAE	RMSE	R ²
1	2000	ARIMA + RF	2,1	2,7	0,82
2	2000	LSTM + SARIMA	2,9	2,4	0,84
3	2000	RF + GB	2,4	2,9	0,8
4	4000	ARIMA + RF	2,3	2,9	0,81
5	4000	LSTM + SARIMA	2,0	2,6	0,83
6	4000	RF + GB	2,5	3,1	0,78
7	8000	ARIMA + RF	2,5	3,1	0,79
8	8000	LSTM + SARIMA	2,3	2,8	0,82
9	8000	RF + GB	2,7	3,3	0,76

Источник: составлено авторами.

Результаты моделирования демонстрируют влияние размера датасета и выбора модели на точность прогнозов. На всех выборках модель LSTM+SARIMA продемонстрировала наилучший коэффициент детерминации, что показывает ее способность учитывать сложные временные зависимости. ARIMA+RF оказалась чуть менее точной, самый большой разрыв между этими двумя моделями случился на третьем датасете, где разница коэффициента детерминации составляет 0,03. RF+GB показала худший R² из представленных моделей. Также для всех моделей характерно уменьшение коэффициента детерминации по мере увеличения количества данных.

Перейдем к анализу проблем представленных моделей — от общеизвестных до специфических. Среди популярных проблем авторы могут выделить недостаточность данных для качественного обучения моделей. Особенно данная проблема наблюдается в результатах моделирования датасета на 2000 элементов. При их недостатке модели склонны к переобучению или неспособности захватывать важные зависимости.

Шум в данных также является распространенной проблемой: случайные компоненты, вызванные внешними факторами или ошибками измерений, ухудшают точность и могут привести к тому, что модели будут «заучивать» шум. Накопление ошибок при прогнозировании представляет собой серьезную проблему для моделей, таких как SARIMA, ARIMA и LSTM, где каждый следующий прогноз зависит от предыдущего [13, 5]. Это приводит к экспоненциальному росту ошибок на длинных горизонтах прогнозирования. Сложность настройки гиперпараметров, таких как P , D , Q для SARIMA и ARIMA, или размер слоев и скорость обучения для LSTM также усложняют процесс построения моделей.

Менее популярные, но важные проблемы включают влияние начальных условий, которые могут оказывать значительный эффект на стабильность моделей, особенно таких, как ARIMA и SARIMA. Краевые эффекты в данных приводят к тому, что модели часто ошибаются в прогнозах на концах временных рядов из-за наличия локальных трендов или выбросов. Чувствительность к временным шкалам затрудняет работу моделей: ARIMA может быть эффективной на ежемесячных данных, но плохо справляться с ежедневными. В ансамблевых подходах (например, RF+GB) иногда происходит деградация из-за конфликта между моделями, которые акцентируют внимание на различных аспектах данных. Неспособность адаптироваться к внезапным изменениям, таким как экономические кризисы или пандемии, приводит к тому, что старые данные становятся нерелевантными, а модели — неточными.

Среди редких проблем авторы выделяют проблему эффекта псевдосезонности и накопления ошибок в скрытых слоях LSTM-моделей. Данные проблемы связаны с тем, что модели могут ошибочно интерпретировать случайные колебания как сезонные паттерны, что приводит к ложным циклам в прогнозах и накоплению ошибок. Наконец, чрезмерная оптимизация на тестовых данных, вызванная частой настройкой модели, приводит к высокой точности на тесте, но плохой обобщающей способности на новых данных.

Следующим этапом анализа результатов является оценка перспектив представленных моделей прогнозирования (табл. 4).

Таблица 4

Оценка перспектив методов прогнозирования

Критерий	ARIMA+RF	LSTM+SARIMA	RF+GB
Адаптивность	Средняя	Высокая	Низкая
Масштабируемость	Средняя	Средняя	Высокая
Интеграция новых данных и технологий	Высокая	Высокая	Высокая
Устойчивость к неопределенности	Средняя	Высокая	Низкая
Практическая применимость	Средняя	Средняя	Низкая

Источник: составлено авторами.

Анализ адаптивности к изменяющимся условиям осуществлялся на основе тестирования моделей на временных рядах различного размера и уровня сложности. Для анализа использовались показатели коэффициента детерминации, а также средней абсолютной ошибки и среднеквадратической ошибки. Случайные колебания ухудшают адаптивность моделей, а также снижают их способность улавливать реальные зависимости и тренды, так как алгоритмы могут заучивать шум вместо реальных зависимостей. Лучшей моделью с точки зрения адаптивности к изменяющимся условиям является LSTM+SARIMA, показавшая наивысший коэффициент детерминации среди выбранных моделей.

Масштабируемость и гибкость заключаются в изучении способности алгоритмов работать с увеличивающимися объемами данных и учитывать дополнительные компоненты или факторы. В процессе моделирования использовались три датасета размером 2000, 4000 и 8000 элементов данных. Как и отмечено ранее, чувствительность к временным шкалам затрудняет работу моделей. RF+GB по-

казала наилучшие масштабируемость и гибкость, однако из-за акцента на разных аспектах данных может наблюдаться снижение качества прогнозирования.

Устойчивость к неопределенностям анализируется путем тестирования моделей на данных с высоким уровнем шумов и крайевыми эффектами, которые часто возникают на концах временных рядов. Наличие шума и краевых эффектов способствует ухудшению качества прогнозных значений. Также модели могут неверно воспринимать случайные данные как сезонные закономерности, что приводит к формированию ошибочных циклов в прогнозах. LSTM+SARIMA продемонстрировала высокую устойчивость к шумам благодаря способности нейронных сетей эффективно обрабатывать нелинейные зависимости и сглаживать случайные колебания.

Параметры интеграции новых данных и технологий и практической применимости были определены в ходе экспертной оценки методов прогнозирования.

Таким образом, наиболее перспективной моделью является LSTM+SARIMA, демонстрирующая высокую адаптивность, устойчивость к неопределенности и способность интегрировать современные технологии, но ее масштабируемость и практическая применимость находятся на среднем уровне, что говорит о том, что требуются весьма длительная настройка модели, значительные вычислительные ресурсы для обучения и сложность в поиске массивного датасета, так как на малых объемах данных модели LSTM склонны к переобучению. ARIMA+RF обладает средними значениями по сравнению с предыдущей моделью. RF+GB, несмотря на высокую масштабируемость, показывает низкую адаптивность, устойчивость к неопределенности и практическую применимость, что ограничивает ее использование в сложных сценариях прогнозирования.

Обсуждение

Произведем сравнение результатов данного исследования с выводами других ученых. Так, в статье «Комбинация SARIMA-LSTM для моделирования кейса COVID-19» Имам Тахьюдин, Ризки Вахьюди и Хидетака Намбо [3] также используют гибридную модель LSTM+SARIMA для анализа сравнительно сложного временного ряда. Авторы пришли к выводу, что результаты прогнозирования на

основании данной модели демонстрируют высокий уровень точности и значительный потенциал гибрида для дальнейшего применения в практических задачах. Эти выводы согласуются с результатами нашего исследования. Как и в указанной работе, наше исследование подтверждает эффективность гибридного подхода LSTM+SARIMA для прогнозирования сложных временных рядов.

Что касается проблем моделирования, в статье «Прогнозирование цены нефти» Томас Конлон и Джон Коттер [11] акцентируют внимание на важности обработки данных. В их работе подчеркивается, что начальные условия могут существенно влиять на стабильность моделей, затрудняя достижение точных прогнозов. Этот аспект также нашел отражение в нашем исследовании, где предварительная обработка данных и выбор подходящих начальных параметров играли ключевую роль в повышении эффективности модели.

В нашем исследовании также была выявлена проблема накопления ошибок в скрытых состояниях LSTM, которая может приводить к выбросам в прогнозах. Подобное явление обсуждается в статье [5]. Авторы исследования акцентируют внимание на том, что LSTM, несмотря на свою способность обрабатывать долгосрочные зависимости, подвержена накоплению внутренних ошибок, особенно при работе с высоковолатильными данными, что требует использования методов регуляризации и корректировки параметров модели.

Что касается перспективности, в нашем исследовании гибридная модель LSTM+SARIMA продемонстрировала высокую адаптивность и устойчивость к неопределенности, что подтверждается результатами других исследований. Так, в работе [8] отмечается способность этой модели эффективно улавливать сложные временные зависимости и адаптироваться к изменениям в данных. Однако, как и в нашем случае, авторы подчеркивают необходимость значительных вычислительных ресурсов и тщательной настройки модели для достижения оптимальных результатов.

Ансамблевые модели, такие как Random Forest и Gradient Boosting, в исследовании [4] показывают их высокую эффективность в задачах прогнозирования. Однако, как и в нашем исследовании, авторы подчеркивают, что эти модели могут иметь ограничения в адаптивности и устойчивости к неопределенности, особенно в сложных сценариях прогнозирования.

Таким образом, наши результаты согласуются с выводами других исследований, подтверждая перспективность использования гибридных моделей, таких как LSTM+SARIMA, для повышения точности и адаптивности прогнозирования временных рядов. Однако необходимо учитывать ограничения, связанные с вычислительными ресурсами и риском переобучения на малых объемах данных, при выборе модели для конкретной задачи.

Заключение

Исследование демонстрирует, что гибридные модели имеют значительный потенциал для прогнозирования спроса на нефть, однако их практическая применимость сопровождается рядом сложностей. Модель LSTM+SARIMA показала наибольшие адаптивность и устойчивость к изменчивым условиям, однако ее внедрение требует значительных вычислительных ресурсов, времени на настройку и работы с большими наборами данных. В то же время ARIMA+RF является менее требовательной к ресурсам и обеспечивает приемлемую интерпретируемость, но уступает в точности при сложных сценариях. Модель RF+GB, несмотря на высокую масштабируемость, оказалась менее эффективной в условиях высокой неопределенности, что ограничивает ее применение для задач прогнозирования в нестабильной среде.

В перспективе использование гибридных моделей может быть улучшено за счет интеграции современных технологий, таких как шумоподавление и интеллектуальные алгоритмы оптимизации. Эти подходы помогут повысить точность прогнозов, минимизировать неопределенность и адаптировать модели к резким изменениям рыночных условий. При этом важно учитывать практические ограничения, такие как длительность процесса обучения, сложность настройки и необходимость работы с качественными данными. Для повышения устойчивости моделей к изменениям рекомендуется развивать методы адаптации и встраивать механизмы регуляризации. Внедрение нестандартных метрик, например, временной согласованности ошибок, также может способствовать созданию более устойчивых и точных систем прогнозирования. В дальнейшем следует уделить внима-

ние разработке гибридных моделей, способных учитывать дополнительные факторы и адаптироваться к сложным рыночным условиям с минимальными затратами.

Литература

1. *Акинфиев В.К.* Моделирование глобального рынка нефти: исследования и результаты // УБС. 2020. № 85: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-globalnogo-rynka-nefti-issledovaniya-i-rezultaty> (дата обращения: 10.12.2024).
2. *Бобылев С.Н., Завьялова Т.В.* Устойчивое развитие: в поисках новой экономики // Вопросы политической экономии. 2024. № 3 (39). С. 43—51.
3. *Имам Тахьюдин, Ризки Вахьюди и Хидетака Намбо.* Комбинация SARIMA-LSTM для моделирования кейса COVID-19» Имам Тахьюдин, Ризки Вахьюди, Хидетака Намбо: URL: https://www.researchgate.net/publication/361745645_SARIMA-LSTM_Combination_For_COVID-19_Case_Modeling/link/62e8d0ed9d410c5ff37cdcdb/download?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19 (дата обращения: 11.12.2024).
4. *Каличкин В.К., Федоров Д.С., Максимович К.Ю., Шпак В.А.* Сравнение предиктивной способности моделей машинного обучения с использованием различной структуры данных // Известия ТулГУ. Технические науки. 2024. № 8: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnenie-prediktivnoy-sposobnosti-modeley-mashinnogo-obucheniya-s-ispolzovaniem-razlichnoy-struktury-dannyh> (дата обращения: 11.12.2024).
5. *Козлов С.В., Седенков С.А.* Анализ LSTM и GRU моделей для построения прогнозов временных рядов // International Journal of Open Information Technologies. 2024. № 7: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-lstm-i-gru-modeley-dlya-postroeniya-prognozov-vremennyh-ryadov> (дата обращения: 17.12.2024).
6. *Миропольский Д.Ю.* Экономическое развитие и эксплуатация ради прогресса // Вопросы политической экономии. 2024. № 3 (39). С. 73—82.

7. Нефть Brent — текущие цены и фьючерсы. Investing.com. URL: <https://ru.investing.com/commodities/crude-oil-urals-spot-futures> (дата обращения: 04.10.2024).
8. Рапаков Г.Г., Горбунов В.А., Дианов С.В., Елизарова Л.В. Исследование LSTM-нейросетевого подхода при моделировании временных рядов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3 (114): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-lstm-neyrosetevogo-podhoda-pri-modelirovanii-vremennyh-ryadov> (дата обращения: 15.12.2024).
9. Теняков И.М. Экономический рост в России в контексте глобальных трансформаций // Вопросы политической экономики. 2024. № 3 (39). С. 99—109.
10. Alruqimi M., Di Persio L. Enhancing Multi-Step Brent Oil Price Forecasting with Ensemble Multi-Scenario Bi-GRU Networks. 2024: URL: <https://10.21203/rs.3.rs-4557280/v1> (дата обращения: 17.12.2024).
11. Conlon Th., Cotter J., Eyiah-Donkor E. Forecasting the Real Price of Oil: A Cautionary Note // SSRN Electronic Journal. 2022: URL: <https://10.2139/ssrn.4031787> (дата обращения: 17.12.2024).
12. Kanagarathinam K. Comprehensive Overview of Optimization Techniques in Machine Learning Training // Computational Science and Optimization Letters. 2024. No 2 (1). P. 69—85. DOI:10.59247/csol.v2i1.69.
13. Kumar M., Thenmozhi M. Forecasting stock index returns using ARIMA-SVM, ARIMA-ANN, and ARIMA-random forest hybrid models // International Journal of Banking, Accounting and Finance. 2014. No 5. P. 284: DOI:10.1504/IJBAAF.2014.064307.
14. Luo Hua, Yu Yue. A novel hybrid forecasting system for crude oil futures prices: A dual perspective of deterministic forecasting and uncertainty analysis // Heliyon. 2024: URL: <https://10.1016/j.heliyon.2024.e39818> (дата обращения: 04.10.2024).
15. Matta C., Bianchesi N.M., Oliveira M., Balestrassi P., Leal F. A comparative study of forecasting methods using real-life econometric series data // Production. 2021. No. 31: DOI:10.1590/0103-6513.20210043.
16. Ren Sh., Wang Xu, Zhou Xu, Zhou, Yuan. A novel hybrid model for stock price forecasting integrating Encoder Forest and Informer

// Expert Systems with Applications. 2023: URL: <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2023.121080> (дата обращения: 04.10.2024).

17. Sacco M.A., Ruiz J.J., Pulido M., Tandeo P. Evaluation of Machine Learning Techniques for Forecast Uncertainty Quantification // Quarterly Journal of the Royal Meteorological Society. 2021. No. 147 (734) P. 1234—1251: URL: <https://doi.org/10.1002/qj.4168> (дата обращения: 02.10.2024).

18. Yifan Yang, Ju'e Guo, Shaolong Sun, Li Yixin. A new hybrid approach for crude oil price forecasting: Evidence from multi-scale data. 2020: URL: <https://arxiv.org/abs/2002.09656> (дата обращения: 02.10.2024).

References

1. Akinfiev V.K. Modelirovanie global'nogo rynka nefti: issledovaniya i rezul'taty // UBS. 2020. № 85: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-globalnogo-rynka-nefti-issledovaniya-i-rezultaty> (data obrashcheniya: 10.12.2024).

2. Bobylev S.N., Zav'yalova T.V. Uстойчивое развитие: в поисках новой экономики // Вопросы политической экономики. 2024. № 3 (39). S. 43—51.

3. Imam Tah'yudin, Rizki Vah'yudi i Hidetaka Nambo. Kombinasi SARIMA-LSTM dlya modelirovaniya kejsa COVID-19» Imam Tah'yudin, Rizki Vah'yudi, Hidetaka Nambo: URL: https://www.researchgate.net/publication/361745645_SARIMA-LSTM_Combination_For_COVID-19_Case_Modeling/link/62e8d0ed9d410c5ff37cdcd0/download?tp=eyJjb250ZXh0Ijp7Im-ZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19 (data obrashcheniya: 11.12.2024).

4. Kalichkin V.K., Fedorov D.S., Maksimovich K.YU., SHpak V.A. Sravnenie prediktivnoj sposobnosti modelej mashinnogo obucheniya s ispol'zovaniem razlichnoj struktury dannyh // Izvestiya TulGU. Tekhnicheskije nauki. 2024. № 8: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnenie-prediktivnoy-sposobnosti-modeley-mashinnogo-obucheniya-s-ispol-zovaniem-razlichnoj-struktury-dannyh> (data obrashcheniya: 11.12.2024).

5. Kozlov S.V., Sedenkov S.A. Analiz LSTM i GRU modelej dlya postroeniya prognozov vremennyh ryadov // International Journal of Open

Information Technologies. 2024. № 7: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-lstm-i-gru-modeley-dlya-postroeniya-prognozov-vremennyh-ryadov> (data obrashcheniya: 17.12.2024).

6. *Miropol'skij D.YU.* Ekonomicheskoe razvitie i ekspluatatsiya radi progressa // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2024. № 3 (39). S. 73—82.

7. Neft' Brent — tekushchie ceny i fyuchersy. Investing.com. URL: <https://ru.investing.com/commodities/crude-oil-urals-spot-futures> (data obrashcheniya: 04.10.2024).

8. *Rapakov G.G., Gorbunov V.A., Dianov S.V., Elizarova L.V.* Issledovanie LSTM-nejrosetevogo podhoda pri modelirovanii vremennyh ryadov // *Vestnik CHerepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. № 3 (114): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-lstm-nejrosetevogo-podhoda-pri-modelirovanii-vremennyh-ryadov> (data obrashcheniya: 15.12.2024).

9. *Tenyakov I.M.* Ekonomicheskij rost v Rossii v kontekste global'nyh transformacij // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2024. № 3 (39). S. 99—109.

С.Г. КАПКАНЩИКОВ

К дискуссии о результативности антироссийских санкций*

Аннотация. В статье противопоставляются взгляды избыточных пессимистов и оптимистов в вопросе о результативности антироссийских санкций как инструмента гибридной войны. В противовес крайним позициям автор придерживается более взвешенного взгляда на этот дискуссионный вопрос, описывая, с одной стороны, способы успешного противодействия санкциям коллективного Запада со стороны отечественного бизнеса и государственных структур, а с другой стороны, раскрывая механизм негативного воздей-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Капканщиков С.Г. К дискуссии о результативности антироссийских санкций // *Философия хозяйства*. 2025. № 3. С. 145—164. DOI: 10.5281/zenodo.15424432.

ствия внешних ограничений на функционирование экономики России. При этом проводится разделение последствий западных рестрикций на социально-политические и сугубо экономические. И если первые расцениваются как в целом безуспешные из-за действия эффекта «сплочения под флагом», то вторые признаются как нанесшие существенный ущерб экономике нашей страны, особенно в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: санкции, страна-мишень, «эффект большой страны», «парадокс санкций», «эффект сплочения под знаменем».

Abstract. This article contrasts the views of extreme pessimists and optimists regarding the effectiveness of anti-Russian sanctions as a tool of hybrid warfare. In opposition to these extreme positions, the author takes a more balanced approach to this debate, describing, on the one hand, the ways in which Russian businesses and state institutions have successfully countered Western sanctions, and on the other hand, explaining the negative impact of these external restrictions on Russia's economy. The article distinguishes between the socio-political and strictly economic consequences of Western sanctions. While the socio-political effects are seen as largely unsuccessful due to the «rally-around-the-flag» effect, the economic effects are acknowledged as having caused significant damage to Russia's economy, particularly when considering the long-term impact.

Keywords: sanctions, target country, «big country effect», «sanctions paradox», «rally-around-the-flag effect».

УДК 339.9
ББК 65.01я73

Западные санкции первичного и вторичного типа, интенсивность которых неуклонно нарастает, уже далеко не первый год отчетливо представлены в мировой практике противостояния ведущих держав. Посредством разнообразных санкционных ограничений как инструмента гибридной войны мировой гегемон в лице США пытается с тем или иным успехом противодействовать крушению американского мирохозяйственного уклада в ходе его противоборства с укладом азиатским, возглавляемым КНР. Однако до сих пор в философии хозяйства продолжает оставаться крайне актуальной проблема

оценки степени их результативности в плане прямого воздействия на экономику санкционируемых государств. Очевидно, что для адекватной характеристики действенности санкций экспертами может использоваться довольно широкий диапазон оценочных суждений — от полного успеха до подлинного провала, включая наиболее типичный сценарий частичного успеха, а также нахождение разумного компромисса между адресатом и инициаторами вводимых ограничений. Зарубежным примером последнего варианта может служить так называемая «ядерная сделка» 2015 г., в соответствии с которой Иран отказался от реализации своей ядерной программы, а западные страны в ответ на этот вынужденный «жест доброй воли» сняли со страны нефтяное эмбарго в комбинации с отменой целого ряда финансовых рестрикций.

Понятно, что применительно к современной российской ситуации подобный сценарий развертывания событий объективно исключается самим фактом фактического участия стран НАТО в военных действиях на Украине, а потому реальный выбор может быть сделан лишь из оставшихся трех. При его осуществлении следует учитывать и тот факт, что западные ограничения делают отечественную экономику еще более сложным объектом исследования в теории санкционномики, поскольку из соображений национальной безопасности многие статистические данные (например, по объему госзаказа, особенно оборонного, структуре экспорта, импорта, размеру платежному балансу) в немалой степени перестают становиться достоянием научной общественности. Во многом именно из-за подобной секретности те или иные оценки влияния санкций на ее нынешнее состояние и тенденции предстоящего развития «серьезно разнятся — от предреkania катастрофы до представления о том, что в итоге страна только выиграет и усилит свои позиции» [9, 78]. Между тем оба подобные крайние суждения, с нашей позиции, крайне далеки от объективности.

С одной стороны, трудно переоценить вред от высказываний и апокалиптических прогнозов многочисленных нынешних паникеров и «всепропальщиков», настраивающих россиян на сугубо пессимистический лад относительно последствий карательных рестрикций для функционирования отечественного хозяйства. При этом они по сей день склонны воспринимать всерьез крайне устаревший прогноз

Всемирного банка, который в апреле 2022 г. предрекал сжатие российского ВВП на 11,2%, инвестиций на 16,9%, объема экспорта и импорта более чем на 30% и всплеск инфляции до 22%. Между тем уже сегодня можно уверенно констатировать, что исходный замысел стран-санкционеров оказался далеким от реализации, поскольку национальное хозяйство переживает возникшие трудности намного лучше, чем это предсказывали многие и зарубежные, и отечественные футурологи. Во всяком случае отклонение российского ВВП от его потенциального уровня под воздействием внешних ограничений явно не выглядит запредельным. Глубина наступившего российского спада (не ожидавшиеся различными аналитиками 8—11% падения национального продукта в 2022 г., а лишь –1,2%, в уточненной оценке Росстата) не оказалась сколько-нибудь значительной. И хотя стоимостные объемы экспорта и импорта в 2022 г. все же упали на 15,1 и 17,7% соответственно, их снижение оказалось почти полностью компенсированным благоприятной в целом динамикой потребительского (сократившегося всего на 1,8%), инвестиционного (даже возросшего на 5,2%) и особенно государственного спроса в результате существенного превышения фактическими расходами федерального бюджета, составившими 31,1 трлн р., их плановых проектировок в объеме 23,7 трлн р. [13, 5—6].

Так что развернутая санкционная война пока не повлекла за собой того, что было явно преждевременно описано в начале 2015 г. экс-президентом США Б. Обамой в его обращении к Конгрессу: якобы Россия изолирована, а ее экономика «разорвана в клочья». Геоэкономического нокаута, сколько-нибудь полной изоляции страны не случилось. И это вполне закономерно, так как для того, чтобы, например, импортное эмбарго на поставку в страну определенной продукции достигло ощутимого результата, необходимо, чтобы иницилирующая его коалиция государств занимала свыше половины ее мирового рынка. Однако современные реалии таковы, что даже объединенный Запад по целому ряду ключевых товаров и услуг, включая высокотехнологичные, уже не является абсолютным доминатором, все более и более неотвратимо уступая свои позиции бурно развивающимся государствам глобального Юга, где подлинными флагманами стали Китай, Индия и Индонезия. С учетом поступления

через заинтересованные третьи страны импортируемой нашей страной продукции многие антироссийские рестрикции сводятся все же лишь к увеличению как конечной цены реализации подсанкционных товаров и услуг, так и времени их доставки потребителям. В процесс компенсации санкций посильный вклад внесли как государственные структуры, достигшие немалых тактических успехов при разработке и реализации контрсанкционной политики, так и отечественный бизнес, вынужденно занимающийся «самовывживанием», в ходе которого он показывает порою подлинные чудеса выносливости и адаптации к кардинально изменившейся внешней среде. Тем более что для любой разновидности рыночной экономики санкции заведомо не могут стать фатальными, коль скоро непосредственной целью всякого бизнесмена является получение максимальной прибыли, в том числе посредством хитроумного обхода санкционного режима. Российские крупные, средние и мелкие предприниматели, функционирующие даже в гражданском секторе экономики, после первичного негативного шока от жестких внешнеэкономических ограничений наглядно демонстрируют сформировавшуюся у них в рыночной экономике способность быстро подстраиваться под резкие перепады в конъюнктуре, плодотворно используя факторы гибкости цен, наличия немалых запасов импортного оборудования, материалов и комплектующих. А в рамках некоего «двухтактного режима» на их собственные усилия накладывается обновленная государственная регуляторика, состоящая, прежде всего, в радикальном усилении целевого финансирования за счет бюджетных ресурсов [2, 44]. Как результат, крайне важным фактором недопущения глубокого спада национального продукта до недавнего времени являлось существенное превышение товарного экспорта над импортом. Профицит торгового баланса в 2022 г. выразился в рекордной величине 332,377 млрд долл. Значительная задержка Запада с введением торгового эмбарго в отношении российской нефти и нефтепродуктов, вызванная его опасением стремительно погрузиться в глубокую энергетическую «яму», позволила стране получить сверхдоходы от вывоза стремительно подорожавших на ожиданиях вполне реального товарного дефицита углеводородов. Если нефтяной экспорт Ирана в свое время попросту обрушился под влиянием карательных действий Запада, то

России в значительной степени удалось избежать столь драматического разворота событий. Впрочем, нельзя не заметить, что резкое, хотя и, безусловно, временное улучшение состояния чистого экспорта явилось результатом не только повышения мировых цен на топливо и сырье, но и рекордного сокращения товарных поставок из недружественных стран. Так что относительно блокировки товарного импорта Россия и Иран оказались, хотя и в разное время, в довольно схожей ситуации.

Конечно, трудно сегодня не замечать отчетливой сегментированности постсанкционной российской экономики. В ней зримо представлены секторы, безусловно проигравшие от зарубежных рестрикций, стремительно оказавшиеся в новой, негативной реальности. Например, металлургическому комплексу отныне будет гораздо труднее находить новые восточные рынки сбыта своей продукции взамен утраченных на Западе с учетом того, что, например, индийская компания «ArcelorMittal» является крупнейшим в мире производителем стали. Но имеется немало и других секторов, потенциально серьезно выигравших от введения западных ограничений и получивших именно в результате их новые горизонты для своего хозяйственного развития. Так, ощутимый прирост выпуска наблюдался в добыче и производстве стройматериалов, которые оказались востребованными для возведения оборонительных сооружений по всему многокилометровому российско-украинскому фронту. Усиление санкционного режима в последние годы не сопровождалось сокращением занятости, оно коснулось в основном лишь лиц наемного труда, которые испытывают проблемы с профессиональным и территориальным перемещением с места на место. Безусловно, в результате драматических событий с начала 2022 г., связанных с бегством сотен иностранных компаний, где ранее трудились свыше 200 тыс. человек, и развернувшейся со значительным опозданием диверсификации отечественной экономики, наша страна столкнулась с последствиями возросшей структурной безработицы, при которой острый дефицит одних профессий (рабочих целого ряда специальностей, инженеров, программистов, технологов) сочетается со значительным избытком других — офисных работников, занятых в сфере зарубежного туризма, на транспортных и сырьевых отраслях, подвергнутых внешним ограничениям, и т. п.

В то же время сам спад производства не привел к сколько-нибудь катастрофическому всплеску не структурной, а циклической безработицы, даже в трудоемких отраслях. Причины нынешнего пребывания ее уровня на историческом минимуме (2,4% в июне 2024 г.) и, более того, острейшего кадрового голода во многом связаны с последствиями демографического кризиса, негативно отражающегося на предложении рабочей силы. К этому фактору добавляются последствия объявленной властями в размере 300 тыс. человек частичной мобилизации (и крупного отъезда за рубеж лиц, уклоняющихся от нее), наряду со своими основными функциями всегда выступающей одним из направлений активной политики государства на рынке труда. Стремительно вырос спрос на труд инженерно-технических работников высшей и средней квалификации, особенно в отраслях, выполняющих государственный заказ, причем как в оборонно-промышленном комплексе и его смежниках, так и на предприятиях, активно участвующих в замещении товарного импорта. Сам по себе уход зарубежных корпораций с внутрироссийского рынка, которые повели себя как ненадежные партнеры, сопровождается перераспределением трудовых ресурсов в пользу их отечественных конкурентов, а стремительное сокращение поставок импортной продукции побуждает бизнес к интенсификации запуска довольно трудозатратных в условиях нашего отставания от Запада по экономической эффективности программ импортозамещения. Крупный дефицит рабочей силы наблюдается также в строительстве, автомобильном транспорте (не хватает, прежде всего, дальнобойщиков, поставляющих продукцию из КНР), в торговле, общепите и целом ряде других сфер. А в обстановке кадрового голода, сочетающегося с несформированностью целого ряда прогрессивных технологий, крайне трудно разделять такие ценности монетаризма, как крылатое суждение его сторонников, будто бы «деньги решают все». Неслучайно продолжающийся отток человеческого капитала признан американской корпорацией «RAND» («Research and Development»), которая в качестве некой «фабрики мысли» исполняет функции главного, чрезвычайно засекреченного частного стратегического аналитического бюро для американского правительства, а также Всемирного банка, Фондов Рокфеллера и Сороса, главной угрозой российской экономики в дол-

госрочной перспективе. Во многом вызванная им острая нехватка работников укрепляет тенденцию к увеличению средней номинальной заработной платы, стабильно обгоняющей галопирующую инфляцию и достигшей в 2023 г. отметки в 75 тыс. р., а в 2024 г. — 89 тыс. р. в месяц. Хотя столь быстрое повышение уровня оплаты труда существенно превосходит динамику его производительности, провоцируя дальнейшее раскручивание спирали инфляции издержек, однако несложно осознать его немалый вклад в экономический рост со стороны совокупного спроса. Впрочем, следует подчеркнуть, что всплеск безработицы и падение заработной платы в промышленности не относятся к числу значимых целей западных санкционных пакетов, поскольку они способны спровоцировать взрывной рост численности контрактной части российских вооруженных сил и тем самым заметно укрепить уровень обороноспособности нашей страны.

С другой стороны, не намного больше пользы исходит и от бодрого оптимизма российских властей, которые, надо признать, серьезно преуспели в формировании у населения твердого представления о крайне незначительном влиянии подлинного «конвейера» рестрикций наших недругов на отечественную экономику. Многие чиновники и ориентированные на них средства массовой информации неустанно пытаются показать даже благотворный характер воздействия вводимых ими ограничений на национальное хозяйство, его структуру и динамику, чуть ли не мечтая о дальнейшем повышении градуса их интенсивности. Между тем антироссийские санкции заведомо не могут признаваться неким благом для любой атакуемой ими страны, поскольку в условиях свершившейся глобализации уже сам факт выталкивания национальной экономики из сложившегося в прошлом международного разделения труда закономерно обрекает ее на ту или иную степень деградации. Безусловно, крайне далеки от реальности западные надежды на полную изоляцию России от глобальных рынков с учетом того обстоятельства, что в санкционном противостоянии с нашей страной реально участвует всего чуть больше четверти государств, хотя и наиболее развитых. И одного только доступа России на рынки Китая и Индии, где проживает около 2,8 млрд человек, вполне достаточно для реализации подавляющего

большинства видов отечественной продукции, особенно энергоносителей. Однако даже нынешняя частичная изоляция нашей страны, конечно же, не может не сказываться негативно на масштабах трансграничных встречных потоков капиталов и технологий, объеме и особенно структуре товарного экспорта и импорта. Во всяком случае, выглядят неизбежными то или иное торможение роста ВВП, утрата возможностей дальнейшего развития частного сектора и создания целого ряда эффективных рабочих мест.

Стремясь убедить российское общество в неэффективности (и даже полезности) санкций, оптимисты не замечают наличия отчетливого отложенного ущерба, идущего от них по мере введения нефтяного эмбарго, потолка топливных цен, ужесточения вторичных рестрикций в отношении покупателей отечественной продукции. Конечно, налицо плодотворное усвоение Россией эффекта «большой страны», расширение или, напротив, сокращение товарного предложения со стороны которой самым непосредственным образом влияет на состояние конъюнктуры глобальных рынков. Как отмечает Д.И. Ушкалова, «санкции против экспорта могут быть эффективны только в том случае, если они затрагивают крупнейшие его статьи, однако если на рынках этих товаров страна является «большой страной», то ограничение ее поставок (или даже ожидание подобного ограничения) неминуемо приводит к росту мировых цен» [12, 44]. Однако не стоит забывать, что реализация подобного эффекта пришлось в основном на 2022 г., поскольку в дальнейшем (причем уже в конце этого года) дальнейшая интенсификация энергетических ограничений и нахождение Евросоюзом ряда альтернативных поставщиков углеводородов вернули цены последних на глобальных рынках к некоему естественному уровню, далекому от прежнего аномального. Это не могло не затормозить макрофинансовую динамику отечественной экономики в результате кратного сокращения положительного сальдо торгового баланса. Протекавшие параллельно процессы снижения физического объема и стоимостного значения российского экспорта, а также сохранения величины подорожавшего импорта на высокой отметке не могли не сказаться на ослаблении обменного курса рубля и, как результат, на ускорении инфляции спроса. Последний же процесс побудил Банк России стремительно взвинтить ключевую ставку до рекордной для всех последних лет отметки в 21%,

что стало еще более негативно сказываться на производственной деятельности, особенно в гражданских секторах национального хозяйства. Так что назойливо внедряемые в сознание россиян официальные декларации относительно «удивительной устойчивости» отечественной экономики к внешним санкционным шокам серьезно препятствуют осознанию обществом острой необходимости кардинальных перемен в самой философии хозяйства, конструкции национальной экономической системы и соответствующих механизмах государственного регулирования ее развитием.

Нахождение нового места России в системе мирохозяйственных связей — задача заведомо непростая для страны с довольно высокой степенью открытости национального хозяйства, ее решение требует, как минимум, поиска заинтересованных и неустрашимых хозяйственных субъектов далеко за ее пределами. Конечная величина долгосрочного негативного эффекта антироссийских санкций будет находиться в определяющей зависимости от опасений бизнес-сообщества крупных нейтральных стран вступать в тесные хозяйственные отношения с его отечественными партнерами. А пока процесс переориентации товарных потоков на альтернативные рынки (причем не только внешние, но и внутренние) еще далек от завершения, прежде всего из-за трудностей взаимных расчетов и логистики, неизбежным становится сокращение объемов выпуска топлива и сырья, черных и цветных металлов, продукции химической промышленности и лесопереработки и др. Акцентируя внимание на острой необходимости развертывания импортозамещающих производств, нельзя не замечать, что еще более значимым фактором восстановления объемов производства продукции обрабатывающей промышленности (автомобилей, гражданских самолетов, технологического оборудования, электроники и др.) выступает в настоящее время оперативная реструктуризация необходимых ей поставок комплектующих с альтернативных западных рынков.

Не секрет, что вторичные санкции враждебного Запада препятствуют переходу, например, российско-китайского сотрудничества с его довольно простой торговой формы на куда более сложную форму долговременной интеграции — инвестиционную. Отчетливая боязнь ведущих банков КНР оказаться отключенными от SWIFT и серьезно

затруднить тем самым расчеты со своими американскими и европейскими контрагентами отворачивает их от более тесных контактов с российскими кредитными учреждениями в обозримой перспективе. Но, даже рассуждая о сугубо краткосрочных перспективах возвращения пошатнувшихся совокупных (включая заграничные) расходов на прежнюю отметку, приходится признавать, что если стабилизация потребительского спроса российских домохозяйств обозначилась уже к концу 2022 г., то дно падения инвестиционного спроса со стороны многих отечественных компаний, особенно относящихся к гражданскому сектору, еще, по-видимому, предстоит пережить в последующие годы, когда станет неумолимо приближаться к исчерпанию потенциал запущенных ранее инвестиционных программ и накопленных запасов импортного оборудования. А это будет препятствовать капитальной поддержке обозначившихся в постсанкционной экономике насущных структурных сдвигов и адекватной реакции бизнеса на возросший спрос на отечественную продукцию.

Так что главные проблемы подвергнутой санкциям российской экономики в целом еще впереди, они начнут отчетливее обозначаться по мере усиления структурных дисбалансов. Ведь долгосрочные косвенные последствия санкционного кризиса в чем-то напоминают последствия «ресурсного проклятия», также проявляясь в стагнации (или, в лучшем случае, замедленных темпах наращивания) среднедушевого потребления в стране даже после того, как прямое влияние внешних ограничений на социально-экономическую динамику уже исчерпает свой негативный потенциал. Накопленное за годы санкционного противостояния технологическое отставание российской экономики, как и в случае с фактором доминирования сырьевых отраслей в воспроизводственной структуре, будет еще долго сказываться на ее месте и роли во всемирном хозяйстве, от многих сегментов которого она долгие годы будет находиться в той или иной степени изоляции. В этой связи можно утверждать, что фраза из песни из кинофильма «Собачье сердце» «Суровые годы уходят, за ними другие приходят, они будут тоже трудны» довольно точно отражает хозяйственную ситуацию в постсанкционной России. Действительно, ограничения со стороны Евросоюза не могли не ухудшить социально-экономические показатели развития, в частно-

сти, северо-западных регионов нашей страны, столкнувшихся с оглушительным захлопыванием на длительный срок прежнего «окна в Европу».

Наличие столь существенных разногласий в оценке результативности антироссийских санкций объясняется, на наш взгляд, прежде всего, тем, что их действенность оценивается экспертами по различным критериям. По нашему мнению, при ответе на вопрос, работают ли санкции против атакуемой страны, целесообразно четко разделять их социально-политические и хозяйственные последствия. Если своих политических целей они, действительно, достигают лишь примерно в трети случаев (причем чаще всего в первые два года), то цели разрушительно-экономические, как долго-, так и краткосрочные, реализуются санкционирующими государствами почти со 100%-ной вероятностью. Политологи и историки в целом весьма скептически относятся к результативности санкций, признавая уровень достижения заявляемых их инициаторами целей чрезвычайно невысоким, в том числе из-за еще большего сплочения нации вокруг прежнего внешнеполитического курса своего лидера. А вот большинство экономистов, особенно представляющих атакующие государства, убеждены в безусловной целесообразности введения ограничений даже в случае их далеко не гарантированной политической успешности. Так, можно признать уже устоявшуюся убежденность западных элит в том, что антироссийские санкции первой волны (2014 г.) за присоединение Крыма попросту провалились в политическом отношении, поскольку их введение, напротив, привело в действие известный эффект «объединения россиян под знаменами», а значит, ни в коей мере не повлияло на внешнеполитический курс страны и вполне предсказуемо не сопровождалось возвращением полуострова Украине. Однако неким «парадоксом санкций» является продолжение их использования против страны-мишени в качестве всего лишь демонстрации силы, мирового лидерства даже после признания невозможности нанести политический вред и в связи с осознанием несравненно больших затрат на альтернативное подключение военной силы. К тому же при этом посылается мощный сигнал другим потенциальным нарушителям международного права в его предвзятой западной формулировке, донельзя начиненной двойными

стандартами. Настойчивое санкционирование политических оппонентов, даже не достигающее поставленных целей, предопределяется и закономерностями развертывания электорального цикла, поскольку в период 1948—1999 гг. само по себе использование рестрикций приводило в США к повышению рейтинга одобрения президента в среднем на 3,3% [7, 85]. Наконец, при запуске подобного сигнала учитывается факт наличия у санкционного давления на страну-адресат значительного кумулятивного эффекта, постепенно все более тяжелым прессом придавливающего национальную экономику и финансовую сферу.

Разрушая со временем национальное хозяйство страны-мишени, санкции как результативный инструмент гибридной войны лишают ее власти также способности продлевать прежний, неприемлемый для оппонентов, политический курс в будущее. Параллельно с этим неумолимо усиливающимся процессом сугубо экономические издержки самих стран-санкционеров постепенно сокращаются, и эффект бумеранга перестает посещать их хозяйственные системы. Как результат, пропорция между совокупными издержками и выгодами санкционной политики постепенно выстраивается в пользу стран-санкционеров. Получается, что санкции экономически целесообразны в случае, если потери в благосостоянии у страны-адресата растут, а средние побочные потери у стран-инициаторов, наоборот, падают [11, 10]. Поэтому с сугубо экономической точки зрения следует четко осознавать, что определенные успехи в первоочередной реакции на внешние ограничения достигнуты российским государством в основном лишь в краткосрочном аспекте (и это нельзя не признать крупным успехом, поскольку обычно в первые же годы угрозу санкционных макроразрушений крайне трудно нейтрализовать), содержательный же ответ на них в долгосрочной стратегии экономических преобразований остается крупной задачей на сколько-нибудь обозримую перспективу. А поскольку внешние шоки, с которыми столкнулась экономика нашей страны в последнее время (прежде всего, технологические и финансовые), носят не только кратко- и средне-, но и долговременный характер, постольку социально-экономические последствия их введения будут так или иначе сказываться на ее динамике, как минимум, все предстоящие 2020-е гг.

Получается, что легковесность и избыточный оптимизм в приводимых оценках и прогнозах развития отечественной экономики столь же недопустимы, поскольку по целому ряду направлений происходящей сегодня структурной ломки речь идет, скорее, не о прогрессивном искоренении сложившихся прежде межотраслевых перекосов (что все же происходило после распада СССР), а о регрессионном возвращении структуры пропорций к неким архаичным, примитивным формам, что наблюдалось в постсанкционный период, например, в Иране. По целому ряду позиций налицо качественное упрощение национального хозяйства сравнительно с отправной февральской (2022 г.) точкой, к которой по целому ряду параметров возврата, по всей видимости, в обозримой перспективе не предвидится. Под влиянием западных санкций неизбежными становятся выхолащивание целого ряда видов отечественной продукции, вынужденное задействование обширного спектра устаревших технологий. Ранее уже отмечалось, что выживаемость того или иного сегмента российской экономики находится в прямой зависимости от уровня его самодостаточности в досанкционный период, степени изолированности от глобальных мирохозяйственных связей. И наоборот: «Чем больше экономика страны зависит от торговли с другими странами, тем болезненнее для нее может оказаться сокращение масштабов внешней торговли и уменьшение поступлений в бюджет от экспорта и импорта» [4, 866]. Понятно, что подобная относительная автаркия не могла в тот период сложиться в крупных мегаполисах, которые испытывают в настоящее время особые хозяйственные невзгоды от прогрессирующего развала складывавшихся десятилетиями логистических схем.

Глубина и продолжительность хозяйственного спада в санкционируемой стране в немалой степени определяются не только величиной создаваемого здесь ВВП, теснотой ее предшествующих связей с санкционирующими странами, широтой коалиции последних, но и вкладом малого и среднего бизнеса в ее валовой региональный продукт. Коль скоро его субъекты существенно меньше, чем крупные компании, зависимы от зарубежных цепочек создания добавленной стоимости, то формирование региональными властями благоприятного климата для малого предпринимательства становится сегодня важной гарантией существенно меньшей подверженности региона

общероссийским кризисным потрясениям. Однако в любом случае из-за 15 (на конец 2024 г.) пакетов новых санкций отечественная экономика в целом неотвратимо утрачивает активы высокого качества и зачастую без особых успехов пытается заменить их компонентами так называемого параллельного импорта. Между тем последний, по определению, характеризуется куда более кривыми цепочками поставок, сравнительной дороговизной (провоцирующей очередное ускорение инфляции предложения), а зачастую и невысоким качеством поступающей из-за рубежа продукции. И чем более жесткими станут вторичные западные санкции, тем труднее будет российским компаниям противодействовать стремлению их хозяйственных партнеров из нейтральных стран усидеть сразу на двух стульях, во многом продолжая следовать в результате этого стремления в фарватере США.

Реальный же уровень примитивизации национального хозяйства в решающей степени зависит не столько от скорости его успешной переориентации на Юго-Восток и успехов в нахождении обходных схем доставки импортных товаров, сколько от результативности процесса импортозамещения, до последнего времени, надо признать, откровенно невысокой, в том числе из-за ограниченной емкости внутреннего рынка. И если в этой жизненно важной сфере в самое ближайшее время не наступит коренного перелома, то оправданно ожидать задерживания в производственных процессах куда менее развитых технологий, создания товаров и услуг (как потребительских, так и инвестиционных), качество, ассортимент и цены которых в большинстве своем едва ли будут соответствовать современным требованиям. Безусловное первенство национальной безопасности над экономической эффективностью не может на какой-то период не сказаться негативно на уровне издержек производства и, соответственно, на конкурентоспособности отечественных компаний.

Избыточные оптимисты упорно мулсируют тезис относительно уже достигнутой якобы нашей страной переориентации ее торгово-экономического сотрудничества с Западом на Восток, что представляется им чрезвычайно перспективным в связи с предстоящей сменой мирового гегемона. Однако и здесь все далеко не так просто. Следует учитывать, что сложности постсанкционной трансформации модели внешнеторговой деятельности сопряжены не

только с технической затрудненностью изменения самого их направления, но и с высокой социальной ценой подобной смены в ее комплексном исчислении, несводимой к дополнительным затратам на логистику и производственную инфраструктуру. Не секрет, что хотя Иран сумел к настоящему времени практически полностью поменять своих прежних западных торговых партнеров на восточных, однако совокупные затраты на подобное замещение оказались непомерно высокими. Во всяком случае, подобный структурный маневр сопровождался нерациональным разрастанием доли госсектора в национальном хозяйстве параллельно с взвинчиванием в нем удельного веса теневого сегмента, стабилизации как финансового, так и реального секторов все же не было достигнуто, а темпы развертывания научно-технического прогресса оказались сильно заниженными. Вынужденное урезание правительственных расходов на социальные цели заметно подорвало социально-политическую стабильность, что едва ли выглядит неожиданно в стране, где свыше половины населения по сей день проживают за чертой бедности. Во многом именно по аналогии с этой страной нобелевский лауреат П. Кругман еще весной 2022 г. предрекал раннее или позднее вхождение российской экономики в состояние некоего модифицированного варианта Великой депрессии. Действительно, легко было предвидеть отчетливо отрицательное воздействие случившегося санкционного противостояния и на отечественную экономику, учитывая развертывание его в обстановке, когда Россия и Запад находились в противофазе экономического роста (у них наблюдалось оживление, а у нас — автономная рецессия), а также когда наблюдающаяся в современном мире нисходящая ветвь длинноволнового кондратьевского цикла и векового цикла накопления капитала Арриги делает ближайшие 7—8 лет периодом резкого обострения политических и военных конфликтов с их вероятными катастрофическими последствиями для всего глобального хозяйства.

Ограничительные меры США и их сателлитов против России, многократно усиленные (в рамках некоего двойного шока) процессом падения мировых цен на нефть и вступившие с ним в некий синергетический эффект, заведомо не могли не повлечь за собой негативных последствий. Даже довольно узкие антироссийские санкции

образца 2014 г. имели серьезный прокризисный экономический результат, предопределяя как краткосрочное сокращение ВВП нашей страны, так и долговременное торможение ее хозяйственной динамики. Они системно ударили тогда как по совокупному спросу россиян, непосредственно отразившись на их текущих доходах и потребительской активности, так и по совокупному предложению, прежде всего, через свое негативное воздействие на динамику внутренних инвестиций в основной капитал. ООН оценила суммарные потери России от санкций только за первые три года в виде недополученных доходов, утраченных инвестиций и хозяйственного спада в 52—55 млрд долл. В отечественной литературе, впрочем, встречались куда более серьезные оценки утрат. Так, разграничивая украинский фактор в широком смысле (санкции Запада) и «собственно украинский фактор» в узком смысле, Л. Косикова оценивала потери России от действия последнего (из-за резкого сокращения товарооборота между Россией и Украиной, вынужденного ухода российских корпораций и банков с украинского рынка, простоя российских предприятий по причине отсутствия украинских комплектующих, обустройства Крыма и т. п.) за прошедшие после «евромайдана» 3 года от минимальной в 72—75 млрд долл. до максимальной отметки в 130—150 млрд долл. [5, 82]. И все же до 2022 г. западные санкции не оказывали на российскую экономику сколько-нибудь разрушительного воздействия, связанные с ними потери явно не дотягивали до тех, что предопределялись стихийным падением мировых цен на нефть (или развертыванием коронакризиса). По оценке МВФ, в период 2014—2018 гг. соотношение первых и вторых составляло примерно 1:3 [10, 19]. На хозяйственную динамику в этот период помимо прямых западных ограничений немаловажное негативное воздействие оказывали развертывание автономной рецессии в российской экономике, обусловленной, прежде всего, внутренними дефектами экономической политики, а также запущенные властями в ответ контрсанкции.

Конечно, с началом СВО хозяйственные утраты России от широкомасштабной санкционной кампании выросли на порядок. По данным О.А. Романовой, Д.В. Смирнова и А.О. Пономаревой, если интенсивность западных санкций против Ирана оценивается экспертами в 10 баллов, то санкции антироссийские — в рекордные 28 баллов [9, 622]. Действительно, даже сегодня, по крайней мере, ситуация

еще не дошла до запрета на приобретение за рубежом российских продовольственных товаров, на масштабные поставки сюда семенного и племенного материала для сельского хозяйства, жизненно важных лекарств. А подобные, потенциально вероятные рестрикции были бы чрезвычайно опасны с учетом того обстоятельства, что, например, доля зарубежных лекарственных препаратов на российском рынке в некоторые годы достигала 68,2% [3, 33], исключая возможность полного отказа от импортных поставок. Так что с учетом всего отмеченного выше трудно не согласиться с мнением Д.В. Манушина о том, что сложившаяся ситуация «означает достижение Россией временной “ничьей” в санкционной войне с США и их союзниками» [6, 777]. И думается, что, пока азиатский мирохозяйственный уклад кардинальным образом не вытеснит уклад американский в ходе разворачивания закономерностей вековых циклов гегемонии Дж. Арриги, а это вполне может случиться в течение 10—15 предстоящих лет, хозяйственные утраты нашей страны от политизированного санкционного давления извне будут оставаться немалыми, даже несмотря на довольно успешные действия российского государства и отечественного бизнес-сообщества по адаптации к ним отечественной экономики..

Литература

1. *Афонцев С.* Выход из кризиса в условиях санкций: миссия невыполнима? // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 20—36.
2. *Буклемишев О.В.* «Структурная трансформация» российской экономики и экономическая политика // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4. С. 42—53.
3. *Зайцев Ю.* Апрельские санкции: последствия для российской экономики // Russian economic development. 2018. № 5. С. 31—34.
4. *Казанцев С.В.* Относительная оценка чувствительности экономики России к ограничению ее внешней торговли // Экономическая безопасность. 2023. № 6. С. 865—876.
5. *Косикова Л.* Новейшие украинские шоки российской экономики (о воздействии «постмайданного» кризиса в РУ на воспроизводственные процессы в РФ) // Российский экономический журнал. 2017. № 4. С. 69—82.

6. Манушин Д.В. Антисанкционная и санкционная политика России 2022—2025. Ч. 1. Анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями // *Russian Journal of Economics and Law*. 2023. № 4. С. 775—799.

7. Ребро О.И. Сигнализирование, сдерживание и принуждение в санкционной политике США в отношении России на начальном этапе украинского кризиса // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. № 6. С. 77—98.

8. Романова О.А., Сиротин Д.В., Пономарева А.О. От экономики сопротивления — к резильентной экономике (на примере промышленного региона) // *AlterEconomics*. 2022. № 4. С. 620—637.

9. Ситкевич Д.А., Стародубровская И.В. Кратко- и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии // *Вопросы теоретической экономики*. 2022. № 3. С. 77—98.

10. Смирнов Е.Н. Эволюция международной практики применения антироссийских экономических санкций // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022. № 4. С. 7—35.

11. Смородинская Н.В., Катукоев Д.Д. Российская экономика за два года санкций: достижения и кризисные риски // *Материалы Всероссийской конференции «Развитие внешнеторговых отношений в современных условиях: адаптация таможенного регулирования в особых, специальных и свободных зонах»*. М., 2024. С. 10—14.

12. Ушколова Д.И. Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // *Вестник Института экономики РАН*. 2022. № 6. С. 34—51.

13. Экономика России под санкциями: от адаптации к устойчивому росту / Отв. ред. Н.В. Акиндинова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 62 с.

Reference

1. Afontsev S. Vыход iz krizisa v usloviyakh sanktsii: missiya nevyopolnima? // *Voprosy ehkonomiki*. 2015. № 4. S. 20—36.

2. Buklemishev O.V. «Strukturnaya transformatsiya» rossiiskoi ehkonomiki i ehkonomicheskaya politika // *Problemy prognozirovaniya*. 2023. № 4. S. 42—53.

3. Zaitsev Yu. Aprel'skie sanktsii: posledstviya dlya rossiiskoi ehkonomiki // *Russian economic development*. 2018. № 5. S. 31—34.

4. *Kazantsev S.V.* Otnositel'naya otsenka chuvstvitel'nosti ehkonomiki Rossii k ogranicheniyu ee vneshnei trgovli // *Ehkonomicheskaya bezopasnost'*. 2023. № 6. S. 865—876.
5. *Kosikova L.* Noveishie ukrainskie shoki rossiiskoi ehkonomiki (o vozdeistvii «postmaidannogo» krizisa v RU na vosproizvodstvennye protsessy v RF) // *Rossiiskii ehkonomie-skii zhurnal*. 2017. № 4. S. 69—82.
6. *Manushin D.V.* Antisanktsionnaya i sanktsionnaya politika Rossii 2022—2025. Ch. 1. Analiz i prognoz upravleniya antirossiiskimi sanktsiyami // *Russian Journal of Economics and Law*. 2023. № 4. S. 775—799.
7. *Rebro O.I.* Signalizirovanie, sderzhivanie i prinuzhdenie v sanktsionnoi politike SSHA v otnoshenii Rossii na nachal'nom ehtape ukrainskogo krizisa // *Vestnik MGIMO—Universiteta*. 2020. № 6. S. 77—98.
8. *Romanova O.A., Sirotin D.V., Ponomareva A.O.* Ot ehkonomiki soprotivleniya — k rezil'entnoi ehkonomie (na primere promyshlennogo regiona) // *AlterEconomics*. 2022. № 4. S. 620—637.
9. *Sitkevich D.A., Starodubrovskaya I.V.* Kratko- i dolgosrochnye posledstviya sanktsii: opyt Irana i Yugoslavii // *Voprosy teoreticheskoi ehkonomiki*. 2022. № 3. S. 77—98.
10. *Smirnov E.N.* Ehvolutsiya mezhdunarodnoi praktiki primeniya antirossiiskikh ehkonomie-skikh sanktsii // *Rossiiskii vneshnee-hkonomie-skii vestnik*. 2022. № 4. S. 7—35.
11. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Rossiiskaya ehkonomika za dva goda sanktsii: dostizheniya i krizisnye riski // *Materialy Vserossiiskoi konferentsii «Razvitie vneshnetorgovykh otnoshenii v sovremennykh usloviyakh: adaptatsiya tamozhennogo regulirovaniya v osobykh, spetsial'nykh i svobodnykh zonakh»*. M., 2024. S. 10—14.
12. *Ushkalova D.I.* Antirossiiskie sanktsii i ehksport Rossii v 2022 g.: riski i perspektivy // *Vestnik Instituta ehkonomiki RAN*. 2022. № 6. S. 34—51.
13. *Ehkonomika Rossii pod sanktsiyami: ot adaptatsii k ustoichivomu rostu* / Otv. red. N.V. Akindinova. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ehkonomiki. 2023. 62 s.

Н.А. РОЗИНСКАЯ

**Влияние экспорта зерна на развитие аграрного сектора
Российской империи во второй половине
XIX — начале XX в.***

Аннотация. Аграрный сектор играл ключевую роль в экономике Российской империи, обеспечивая продовольственные нужды населения и формируя значительную часть доходов страны. Кроме того, экспорт зерна стал важным фактором экономического развития, способствовавшим интеграции России в мировую торговую систему. Однако его влияние на сельское хозяйство было неоднозначным. В статье показывается, что, с одной стороны, экспорт стимулировал рост посевных площадей и модернизацию в отдельных регионах, с другой стороны, экспорт зерна сыграл роль «ресурсного проклятья», так как вместо комплексного экономического развития привел к чрезмерной зависимости страны от сельского хозяйства, ухудшению положения крестьян и усилению социальной напряженности.

Ключевые слова: экспорт зерна, аграрный сектор, ресурсное проклятье, интенсификация сельского хозяйства.

Abstract. The agricultural sector played a key role in the economy of the Russian Empire, providing for the food needs of the population and forming a significant part of the country's income. In addition, grain exports became an important factor in economic development, contributing to Russia's integration into the world trade system. However, its impact on agriculture was ambiguous. The article shows that, on the one hand, exports stimulated the growth of sown areas and modernization in certain regions, on the other hand, grain exports played the role of a «resource curse», since instead of comprehensive economic development, they led to the country's excessive dependence on agriculture, worsening the situation of peasants and increasing social tension.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Розинская Н.А. Влияние экспорта зерна на развитие аграрного сектора Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // *Философия хозяйства*. 2025. № 3. С. 165—186. DOI: 10.5281/zenodo.15424364.

Keywords: grain export, agricultural sector, resource curse, agricultural intensification.

УДК 330.34
ББК 63

Введение

Экспорт зерна в аграрных обществах часто играет большую роль в получении доходов элиты. Внешняя экономика исторически появляется раньше внутренней и часто в традиционных обществах развивается независимо от состояния внутреннего рынка [16]. Это связано с тем, что внешняя торговля, в отличие от внутренней, может оставлять незатронутыми сложившиеся институты. Если внутренняя торговля возможна с углублением разделения труда, с ростом специализации и развитие внутренней торговли непременно ведет к росту дифференциации в обществе, то внешняя торговля благами с низкой добавленной стоимостью, наоборот, консервирует существующую институциональную систему.

Таким образом, воздействие экспорта на экономику может быть очень различным. В странах от эллинистического Египта вплоть до Польши времен шляхетской вольности экспорт играл роль стабилизатора институциональной системы традиционного общества. Экспорт зерна позволял с небольшими издержками получать необходимые средства для поддержания определенного уровня правящего класса. Есть примеры, когда экспорт зерна выступал источником средств для модернизации, например Советская Россия периода сталинской модернизации или ряд западных стран (Англия, США), где именно экспорт сельскохозяйственной продукции способствовал началу модернизации сначала аграрного, а затем и промышленного сектора.

Очень важный вопрос: какую роль с точки зрения институтов развития и традиционного общества играл экспорт зерна в рассматриваемый период в России? В связи с этим представляется интересным рассмотреть влияние экспорта зерна на аграрный сектор в дореволюционной России.

Интересно отметить, что, вопреки распространенному в конце XIX в. мнению о пользе экспорта зерна для экономического роста и

стремлению политиков стимулировать увеличение экспорта зерна, ряд дореволюционных авторов считали, что экспорт зерна вреден для модернизации страны.

Общая характеристика роли экспорта зерна в дореволюционной России

В конце XIX — начале XX в. Российская империя быстро развивалась: по темпам роста промышленности Россия уступала только США и в отдельные годы Германии [2; 3]. Рыночные отношения развивались достаточно медленно. Это проявлялось прежде всего в том, что товарность крестьянского хозяйства оставалась очень низкой. По оценкам различных исследователей, товарность крестьянского хозяйства в России в конце XIX в. составляла от 25 до 34% [6; 8; 10; 12]. При этом 75% ржаной муки перемалывалось на небольших местных мельницах [7, 234]. Животноводство было развито слабо. Об этом говорит тот факт, что экспортировали не муку, а отруби, которые иначе были бы востребованы в хозяйстве [7, 269].

Таким образом, Россия в значительной степени оставалась страной с традиционной крестьянской организацией, где производство служило главным образом для самообеспечения. Из того объема зерна, который производился в тот период, только четверть попадало на рынок. Остальное потреблялось внутри крестьянского домохозяйства. Из зерна, которое попадало на рынок, примерно 20% производилось в крупных поместьях, а примерно 80% — в крестьянских хозяйствах. Экспорт зерна составлял лишь 11,8% валовой продукции и примерно 14% нетто внутреннего производства зерна Российской империи [22, 664]. Тем не менее Россия в конце XIX в. занимала лидирующие позиции по экспорту зерна.

В 1893—1897 гг. доля страны в мировой торговле четырьмя злаками (рожью, ячменем, овсом и кукурузой) составляла 38,0%. Далее доли страны составляли 28,3% в 1898—1902 гг. и 35,1% — в 1908—1912 гг. [5, 391]. В 1903—1914 гг. на Россию приходилось 24,7% мирового экспорта пшеницы, 37,1% ржи, 42,3% овса и 75,8% ячменя [19, 13—14]. При этом доля пшеницы и особенно ячменя в экспорте росла, а доля овса и ржи скорее падала (рис. 2). Пшеница была основной экспортной культурой в конце XIX и начале XX в. За

ней следовал ячмень, который в отдельные годы по объему экспорта даже превосходил пшеницу [15, 273].

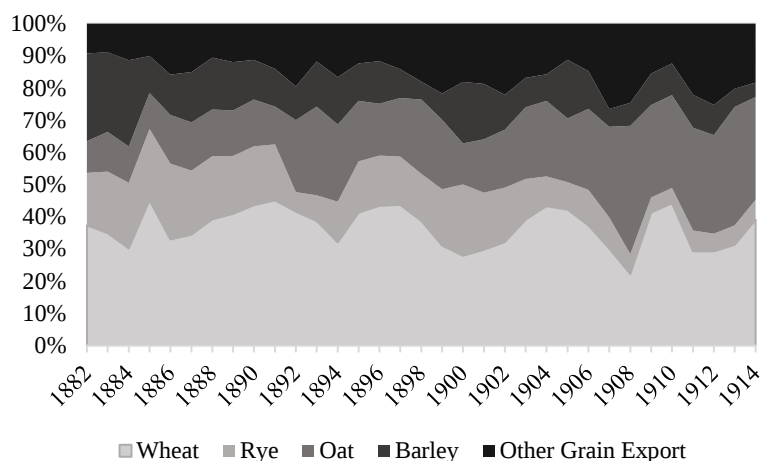

Рис. 1. Доля различных культур в общем экспорте зерна [13]

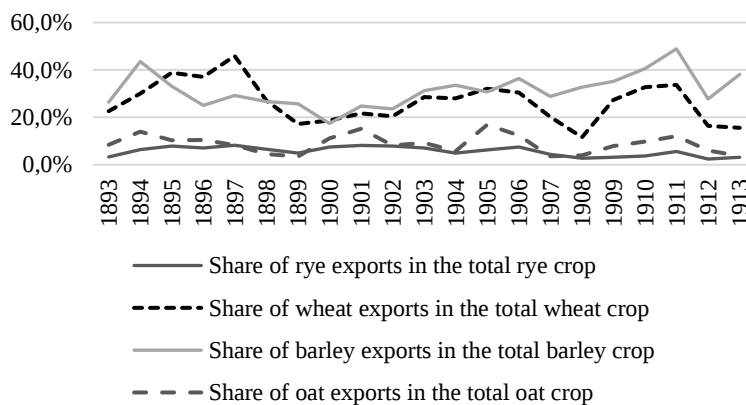

Рис. 2. Доля экспорта отдельной культуры в общем объеме произведенного зерна [4]

Во второй половине XIX в. зерно составляло примерно половину объема экспорта страны.

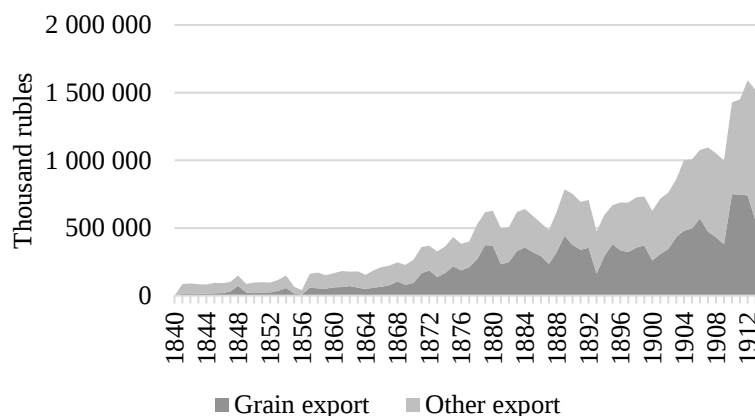

Рис. 3. Динамика экспорта Российской империи в XIX в. [13]

Важно понимать, что не все регионы Российской империи производили зерно для экспорта. С точки зрения производства зерна губернии европейской части Российской империи можно разделить на вывозящие зерно (30 губерний) и на ввозящие зерно (33 губернии). Вывозящие губернии делились на те, которые преимущественно экспортировали зерно, и те, которые продавали зерно на внутренних рынках. Среди экспортирующих зерно губерний наиболее экспортно-ориентированными являлись губернии Южного района (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская). Большую долю зерна продавали на внешних рынках губернии Юго-Западного района (Киевская, Подольская, Волынская), Юго-Восточного района (Донская область, Кубанская область, Терская область, Ставропольская губерния). Также часть зерна экспортировали Малороссийские губернии (Полтавская, Харьковская, южная часть Черниговской), Центрально-земледельческие губернии (Воронежская, Курская, Орловская), Нижневолжского района (Астраханская, Саратовская, Самарская губернии, Уральская область), губернии Северо-Восточного района (Казанская, Симбирская, Вятская, прикамские уезды Пермской губернии) [9, 20—24] (рис. 4—6). Губернии Нижневолжского и Северо-Восточного районов стали крупными экспортерами после того, как в эти регионы провели железные дороги и государство ввело тарифную политику, стимулирующую вывоз зерна из регионов, которые расположены далеко от морских портов [22, 662—679].

Экспортные отправки пшеницы въ порты и къ сухопутнымъ пограничнымъ пунктамъ за 1908—1911 гг.

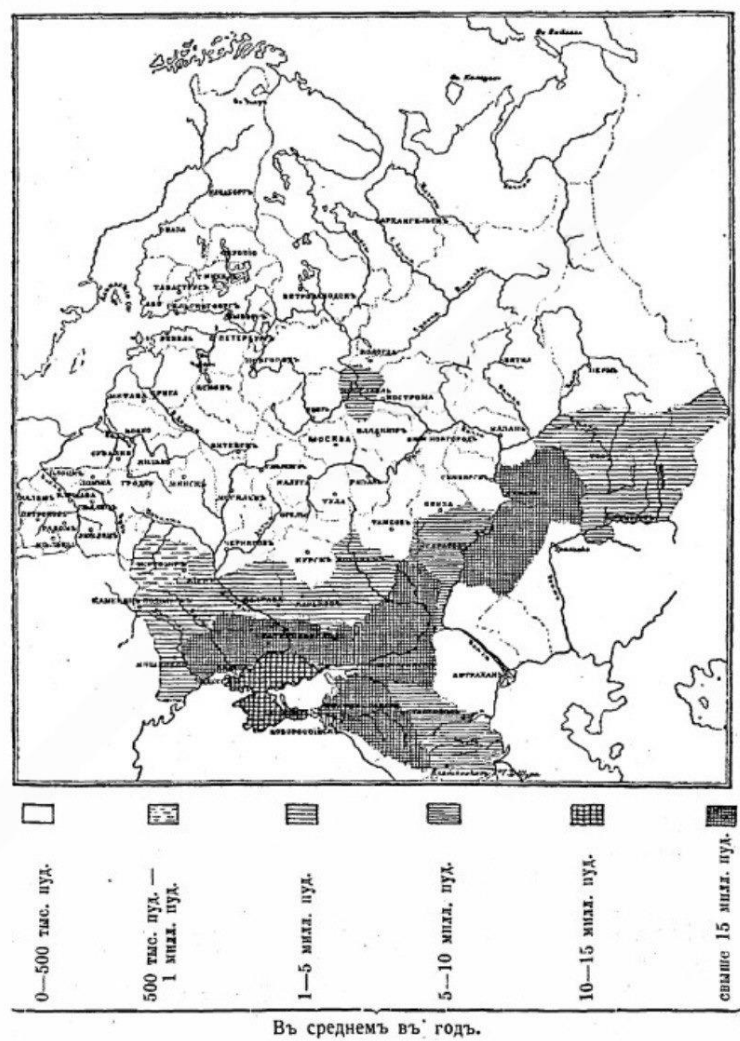

Рис. 4. Экспортные отправки пшеницы в порты и к сухопутным пограничным пунктам за 1908—1911 гг. [7, 30]

Погубернскія экспортныя отправки ржи къ портамъ и сухо-
путнымъ пограничнымъ пунктамъ въ 1908—1911 гг.

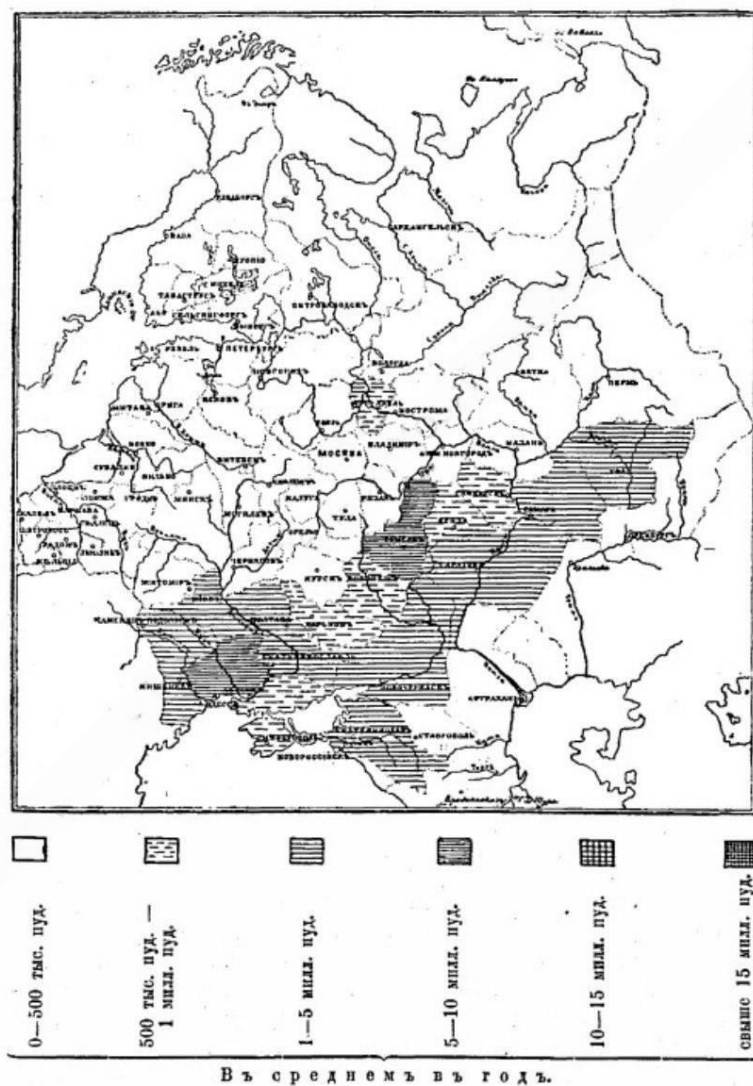

Рис. 5. Погубернские экспортные отправки ржи к портам и к сухо-
путным пограничным пунктам за 1908—1911 гг. [7, 31]

Погубернскія экспортныя отправки овса въ порты и къ сухо-
путнымъ пограничнымъ пунктамъ въ 1908—1911 гг.

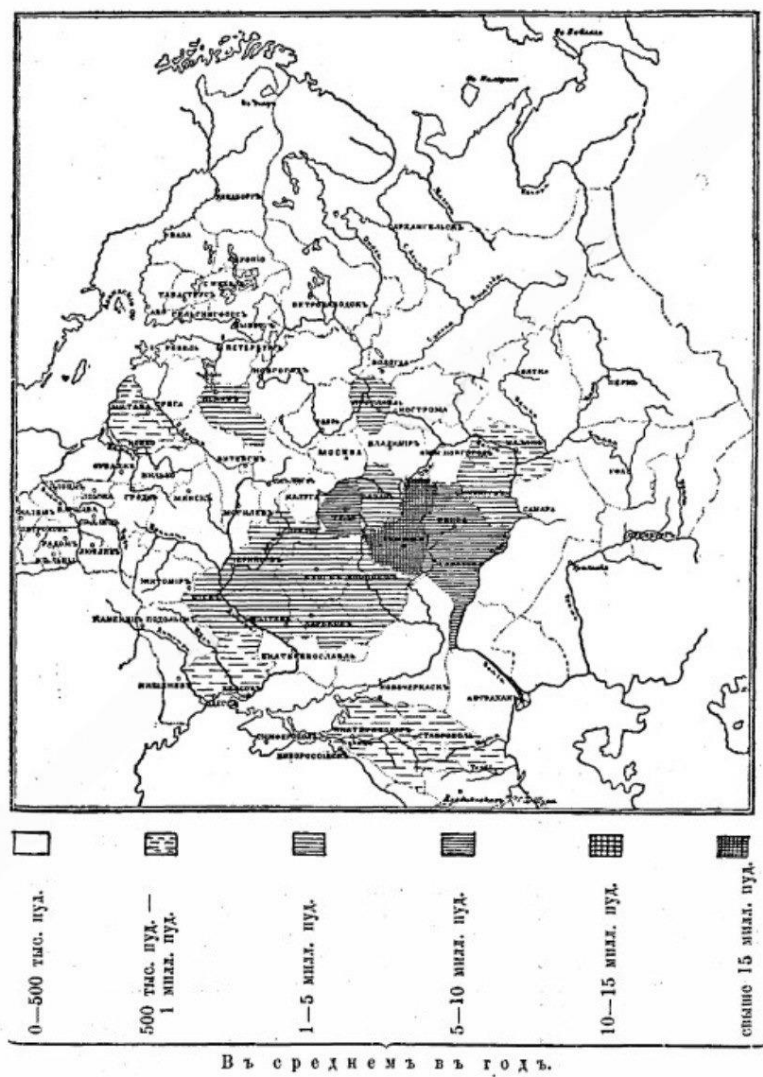

Рис. 6. Погубернские экспортные отправки овса в порты и к сухопутным пограничным пунктам за 1908—1911 гг. [7, 33]

Положительное влияние экспорта зерна на аграрный сектор

Прежде всего стоит отметить, что экспорт зерна стал мощным стимулом для расширения сельскохозяйственного производства в Российской империи. Увеличение внешнего спроса способствовало расширению посевных площадей: с 1883 по 1913 г. они выросли примерно на четверть с 58,8 млн десятин до 73,2 млн десятин. Общий объем производства зерна за этот же период увеличился с 2 072,6 млн пудов до 4 265,4 млн пудов [18; 20]. Наибольший прирост происходил в окраинных регионах (табл. 1).

Таблица 1

**Посевные площади в тыс. десятин
(с кормовыми травами и свекловицей)**

Районы	1901—1905 гг.	1913 г.	Изменение, в %
Малороссия	10459	11072	+ 6
Центрально-земледельческий	10760	11106	+ 3
Средневожский	9985	10909	+ 9
Новороссийский	13581	15454	+ 14
Нижневожский	4315	5284	+ 22
Северный Кавказ	4710	7194	+ 53
Сибирь	3413	6163	+ 80
Степной край	2870	4598	+ 60

Источник: [14].

Важными регионами производства зерна на экспорт были черноземные губернии, такие как Тамбовская, Воронежская и Самарская. Например, в 1900 г. Тамбовская губерния произвела 2,8 млн т зерна, из которых более 40% ушло на экспорт.

Поволжье специализировалось на производстве ржи и ячменя. В Центральной России и нечерноземных губерниях акцент сместился на выращивание картофеля, льна и других культур, менее зависимых от экспорта.

Южные губернии (Новороссия, Кубань, Ставрополье) стали основными поставщиками пшеницы. Черноземные почвы и умеренный климат обеспечивали высокие урожаи, что создавало предпосылки для активного участия в международной торговле зерном. По данным Г.Г. Попова и Е.И. Чибисовой, в 1909—1913 гг. Россия экспортировала около 10,7 млн т зерновых ежегодно, что составляло почти треть всего мирового экспорта. Значительная часть этого объема приходилась на южные регионы [17].

В конце XIX в. активно строились железные дороги, связывающие зерновые регионы с черноморскими портами, такими как Одесса, Новороссийск, Таганрог и др. Железнодорожное сообщение ускоряло перевозку зерна к портам и снижало логистические издержки, что делало экспорт из этих регионов более выгодным. Например, строительство железной дороги Рязань—Урал помогло интегрировать южные губернии в общероссийский рынок и увеличить объемы экспорта.

Экспорт зерна оказывал значительное влияние на развитие этих губерний. В южных регионах начали появляться перерабатывающие предприятия, мельницы, элеваторы и склады. Развитие аграрного производства способствовало росту занятости, улучшению уровня жизни сельского населения и развитию местных рынков.

В южных регионах механизация развивалась быстрее, чем в других частях империи. К началу XX в. в крупных хозяйствах Новороссии и Северного Кавказа активно использовались железные плуги, сеялки, жатки и молотилки. По данным переписи 1910 г., в южных губерниях на 1000 десятин пашни приходилось в среднем 5—7 сельскохозяйственных машин, тогда как в центральных регионах этот показатель составлял 1—2 машины. В крупных помещичьих и кулацких хозяйствах начали применяться паровые молотилки и тракторы. Например, в 1913 г. в России насчитывалось около 10 тыс. тракторов, большая часть которых использовалась в южных регионах.

Южные регионы привлекали значительные инвестиции как из внутренних, так и из внешних источников. Иностранные компании, особенно из Великобритании и Германии, вкладывали средства в развитие сельского хозяйства и инфраструктуры. Крупные землевладельцы, ориентированные на экспорт, имели доступ к кредитам через

государственные и частные банки. Например, Крестьянский поземельный банк и Дворянский банк активно кредитовали сельскохозяйственные предприятия. Высокие доходы от экспорта зерна позволяли реинвестировать прибыль в закупку техники и улучшение земель.

Экспорт зерна стал основным стимулом для модернизации прежде всего помещичьих хозяйств. Высокий спрос на зерно на мировом рынке заставлял землевладельцев инвестировать в новые технологии и механизацию, чтобы увеличить объемы производства и повысить конкурентоспособность. К началу XX в. Россия стала одним из крупнейших экспортеров зерна, и помещичьи хозяйства играли в этом процессе ключевую роль. Например, в 1913 г. около 45% зерна, произведенного в помещичьих хозяйствах, шло на экспорт [1, 78].

В крупных помещичьих хозяйствах начали активно применяться современные сельскохозяйственные орудия, такие как железные плуги, сеялки, жатки и молотилки. В южных регионах, где экспорт зерна был более интенсивным, как уже отмечалось, механизация развивалась быстрее. Например, в Херсонской губернии к 1910 г. более 30% крупных хозяйств использовали современную технику, такую как жатки Маккормика и паровые молотилки [1].

В начале XX в. в России начали появляться первые тракторы и паровые машины, которые использовались для обработки земли и уборки урожая. Например, в 1913 г. в России насчитывалось около 10 тыс. тракторов, большая часть которых использовалась в южных регионах [10].

Особую роль в технической модернизации играли импортные машины, преимущественно из Германии, США и Великобритании. К началу XX в. в России начали появляться отечественное производство сельскохозяйственной техники. Одним из крупнейших центров стал Брянский машиностроительный завод, выпускавший молотилки и жатки. В 1890-х гг. появились первые паровые и нефтяные двигатели, которые начали применяться в поместных хозяйствах.

Этому процессу способствовало то, что крупные землевладельцы имели доступ к кредитам через государственные и частные банки. Кредиты использовались в том числе и для закупки современной техники. Например, в 1905 г. Крестьянский поземельный банк

выдал кредитов на сумму более 100 млн р., большая часть которых была направлена на развитие сельского хозяйства.

Однако современная сельскохозяйственная техника была дорогостоящей, и даже среди помещиков не все могли себе ее позволить. Например, стоимость паровой молотилки в начале XX в. составляла около 1000 р., что было значительной суммой даже для крупных землевладельцев [10].

Помещичьи хозяйства также начали внедрять многопольные системы земледелия и севообороты, что способствовало повышению урожайности. Однако использование минеральных удобрений оставалось ограниченным из-за их высокой стоимости. Так, в 1900-х гг. только около 10% помещичьих хозяйств использовали удобрения. Но модернизация затронула в основном крупные хозяйства в южных регионах, тогда как в центральных и северных губерниях помещичьи хозяйства оставались отсталыми. Например, в нечерноземных губерниях, таких как Тверская и Псковская, большинство помещиков продолжали использовать традиционные методы земледелия [1].

Негативные последствия роста экспорта зерна

Несмотря на ряд положительных последствий, рост экспорта усиливал ряд серьезных проблем в сельском хозяйстве. Одной из них была зависимость от колебаний мировых цен на зерно. Периоды высоких цен обеспечивали рост доходов и относительную стабильность, но любое снижение цен на мировых рынках могло привести к серьезным экономическим потрясениям.

Ценовой механизм, через который реализовывалась зависимость от мировых цен в царской России, был хорошо описан Б.Н. Мироновым для России XVIII—XIX вв. [11]. Миронов обратил внимание, что тенденция в движении хлебных цен почти не зависела от урожая, а определялась экспортом, мировыми ценами на хлеб и денежной массой. Для длительных промежутков времени имело значение изменение соотношения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Как правило, в условиях России исследуемого периода изменения промышленных цен не поспевали за изменением хлебных цен и сами эти изменения были менее существенными [11].

То есть Миронов описал асимметрию влияния цен на сельское хозяйство, т. е., по сути, феномен, который в современной литературе получил название «ресурсное проклятье».

Учитывая, что и в начале XX в. экономика Российской империи оставалась преимущественно аграрной, большая часть населения (около 80%) занималась сельским хозяйством и зерновые культуры были главным товаром для внутреннего потребления и экспорта, механизм зависимости можно описать следующим образом.

Когда мировые цены на зерно росли, Россия получала значительные прибыли от экспорта, однако в случае их падения начинались серьезные проблемы: доходы помещиков и крестьян сокращались, а бюджет государства терял поступления от экспортных пошлин. В ответ правительство было вынуждено искать новые источники доходов, что часто выражалось в увеличении налогового бремени. В 1880—1890-е гг. на фоне падения цен на зерно активно увеличивали косвенные налоги (в частности, акцизы на водку и сахар). Это вело к сокращению покупательной способности населения, что, в свою очередь, замедляло развитие внутреннего рынка и экономики.

Крестьяне составляли большинство населения и жили за счет продажи зерна. Если мировые цены падали, их доходы резко сокращались, но налоговые обязательства оставались прежними. Это вынуждало их продавать больше зерна по низким ценам, оставляя меньше себе на пропитание, сокращать потребление товаров и услуг, что снижало спрос на промышленные товары и опять же замедляло развитие экономики.

Кроме того, снижение цен на зерно также могло провоцировать финансовые кризисы. Например, в 1891 г. из-за неурожая и падения цен на зерно экспорт снизился на 30%. Несмотря на то, что неурожай привел к массовому голоду, правительство вынуждено было продолжать вывозить часть зерна за границу для поддержания экспортных доходов, необходимых для поддержания стабильного курса рубля.

Еще одной проблемой, связанной с ростом экспорта зерна, было то, что увеличение сбора урожая носило экстенсивный характер. Это приводило к снижению плодородия почв и соответственно к снижению урожайности. В отличие от западноевропейских стран, где применялись продвинутые системы севооборота и удобрения, в

России крестьяне зачастую использовали традиционное трехполье, что вело к постепенному ухудшению качества земли. Урожайность оставалась низкой: например, в начале XX в. сбор пшеницы в России составлял 6—7 центнеров с гектара, тогда как в Германии этот показатель достигал 16 центнеров.

В целом сельское хозяйство развивалось крайне неравномерно: экспортные районы давали хорошие урожаи, тогда как ряд неэкспортных регионов страны находился в сложном положении. Южные губернии благодаря экспорту зерна становились одними из наиболее экономически стабильных в Российской империи. Однако экономический подъем этих регионов имел и обратную сторону. Стремление увеличить объемы экспорта приводило к увеличению эксплуатации земель, что в долгосрочной перспективе негативно сказалось на плодородии почв. Активный вывоз зерна за границу часто происходил в ущерб внутреннему потреблению, особенно в неурожайные годы. Это создавало парадоксальную ситуацию, когда в экспортирующих зерно регионах мог возникать дефицит продовольствия.

Кроме того, аграрная специализация южных регионов замедляла их индустриализацию. Г.Г. Попов и Е.И. Чибисова отмечают, что средства от экспорта зерна преимущественно реинвестировались в сельское хозяйство, а не в обрабатывающую промышленность. Это создавало дисбаланс в экономическом развитии, когда южные регионы оставались преимущественно аграрными, в то время как индустриализация сосредоточивалась в центральных и северных губерниях [17].

В долгосрочной перспективе ориентация на экспорт зерна стала препятствием для диверсификации экономики южных регионов. Несмотря на улучшение инфраструктуры и рост доходов от торговли, социально-экономическое расслоение в обществе усиливалось. Крупные землевладельцы, которые контролировали основные объемы производства зерна, получали значительные прибыли, тогда как крестьяне нередко оставались за чертой бедности.

Для обеспечения стабильного экспорта требовалось развитие транспортной инфраструктуры. Основные маршруты зернового экспорта проходили через порты Черного и Балтийского морей. Однако транспортные издержки были высокими из-за недостаточной сети

железных дорог. Строительство Транссибирской магистрали и других железнодорожных веток в 1890-х гг. позволило увеличить вывоз зерна, но многие крестьянские хозяйства, особенно в удаленных районах, оставались отрезанными от основных торговых путей. В результате крестьяне в центральных губерниях продавали зерно по значительно более низким ценам, чем его получали экспортеры в портовых городах.

Важнейшей проблемой, которую отмечали и в тот период, и на современном этапе ведутся дискуссии, была проблема влияния экспорта зерна на хлебные цены и соответственно на потребление.

Согласно исследованию Г.Г. Попова и Е.И. Чибисовой, рост экспорта зерна негативно влиял на внутренние цены на хлеб. Авторы рассматривают контрфактический сценарий, согласно которому при прекращении экспорта зерна цены на хлеб внутри страны могли бы снизиться. В действительности же экспорт создавал дефицит зерна на внутреннем рынке, что способствовало росту цен.

Влияние экспорта на цены особенно остро проявлялось в неурожайные годы. Когда значительная часть зерна уходила за границу, внутренние запасы сокращались, что автоматически увеличивало стоимость хлеба. В период 1909—1913 гг. Россия экспортировала около 10,7 млн т зерновых ежегодно, что составляло почти треть всего мирового экспорта зерна. При этом среднечеловеческое потребление зерна в России оставалось на низком уровне, а экспорт нередко осуществлялся в ущерб обеспечению продовольствием собственного населения.

Ценовая динамика на хлеб в России начала XX в. подтверждает зависимость внутренних цен от внешней торговли. В Санкт-Петербурге цена на ржаную муку в 1880-е гг. составляла 96 коп. за пуд, а к началу XX в. она возросла до 105 коп. Рост цен на зерновые культуры сопровождался низкой эластичностью спроса на хлеб, что означало, что население было вынуждено покупать хлеб по высоким ценам, несмотря на снижение покупательной способности.

Г.Г. Попов и Е.И. Чибисова отмечают, что экспорт зерна из России замедлял модернизацию экономики, поскольку доходы от экспорта инвестировались преимущественно в сельское хозяйство, особенно в юго-западных регионах страны, в то время как обрабатывающая промышленность испытывала дефицит инвестиций. Экспорт

трудоемких товаров, таких как зерно, снижал спрос на капитал внутри страны, что приводило к оттоку капитала за границу. В долгосрочной перспективе это негативно сказалось на экономике России, несмотря на положительный платежный баланс.

Если бы экспорт зерна был ограничен, на внутреннем рынке могло бы образоваться избыточное предложение, что способствовало бы снижению цен. Однако даже при оптимистичном сценарии, по подсчетам авторов, цены на рожь снизились бы всего на 12 коп. за пуд. Пессимистический сценарий предполагал бы снижение цены на 8 коп. Эти расчеты показывают, что влияние экспорта на внутренние цены было существенным, но ограниченным, поскольку внутренний рынок оставался во многом нерыночным и зависел от аграрного сектора.

Рост экспорта зерна происходил на фоне низкого уровня душевого потребления зерна в России по сравнению с другими крупными экспортерами, такими как США, Аргентина и Канада. В то время как экспорт зерна рос, уровень его потребления среди населения оставался низким. В начале XX в. среднедушевое потребление зерна в России составляло всего 23,3 пуда в год, в то время как в США этот показатель достигал 69,2 пуда, в Канаде — 85,8 пуда, а в Аргентине — 45,9 пуда [21].

Такая ситуация усугубляла социальное расслоение и обостряла социальную напряженность. Высокие объемы экспорта зерна нередко осуществлялись за счет внутреннего потребления, особенно в неурожайные годы. В период голода 1891—1892 гг., когда неурожай охватил 17 губерний Центрального Черноземья и Среднего Поволжья, несмотря на запрет экспорта зерна, его внутреннее потребление оставалось низким [21].

Критики экспорта зерна, среди которых были Д.И. Менделеев, А.Н. Энгельгарт и М.О. Меньшиков, указывали на опасность «голодного экспорта», когда зерно вывозилось за границу в ущерб обеспечению продовольствием собственного населения. Многие исследователи считали, что такой экспорт снижал и без того невысокий уровень потребления, особенно среди крестьянства [21].

Проблема заключалась в несоответствии между уровнем производства зерна и его экспортом. Россия, несмотря на большие объемы вывоза, сама нуждалась в импорте зерна, чтобы поддерживать

нормальный уровень потребления. Разница в уровнях потребления зерна между Россией и другими странами подчеркивала слабость внутреннего рынка. Если в развитых странах наблюдался устойчивый рост внутреннего потребления зерна, то в России значительная его часть уходила за границу [21].

Экспортная политика в основном приносила выгоду крупным землевладельцам и купеческим кругам, увеличивая их доходы. В то время как большинство крестьян не сильно выигрывали от экспорта. Это было связано с тем, что крестьянские наделы оставались мелкими и крестьяне не имели финансовых возможностей для внедрения передовых технологий и новых методов земледелия. Экспорт зерна позволял крестьянам поддерживать их хозяйства и тем самым снижал стимулы для бедных крестьян уходить в города, что усиливало проблему аграрного перенаселения.

Аграрное перенаселение стало серьезной проблемой: численность сельского населения росла, но новые земли распределялись неравномерно. В черноземных районах спрос на землю был особенно высоким, что вело к ее дроблению и усилению малоземелья.

Средний уровень крестьянского надела сократился с 4,5 десятины в 1861 г. до 3,1 десятины в 1900 г., что вынуждало многих арендаторов увеличивать нагрузку на землю и брать займы. Высокие арендные платежи, рост налогового бремени (например, в 1880-х гг. прямые и косвенные налоги составляли до 15 р. на душу населения, что при среднем годовом доходе крестьянина в 30—40 р. было крайне высокой суммой) и необходимость продавать зерно по заниженным ценам приводили к увеличению задолженности. По данным на 1905 г., около 60% крестьянских хозяйств были обременены долгами. Это способствовало усилению социального неравенства [23] и возникновению аграрных конфликтов, что в дальнейшем стало одной из причин революционных настроений в деревне.

Заключение

Экспорт зерна оказывал значительное влияние на развитие аграрного сектора Российской империи. С одной стороны, он способствовал расширению сельскохозяйственного производства и инте-

грации страны в мировую экономику. С другой стороны, высокая зависимость от экспорта усугубила социально-экономические проблемы крестьянства и замедлила процессы модернизации.

Ситуацию с экспортом зерна в Российской империи можно рассматривать как проявление «ресурсного проклятья». Хотя этот термин чаще применяется к добыче нефти, газа и полезных ископаемых, его суть — зависимость экономики от экспорта природных ресурсов, что ведет к структурному дисбалансу, экономической уязвимости и социальным проблемам — вполне применима к аграрному сектору России в конце XIX — начале XX в.

Российская экономика во многом строилась на доходах от экспорта зерна, что делало ее уязвимой к колебаниям мировых цен. Вместо диверсификации производства и модернизации сельского хозяйства правительство стимулировало вывоз зерна для поддержания стабильного курса рубля. Экстенсивное земледелие и истощение почв приводили к снижению урожайности. Недостаток инвестиций в технологическое развитие сельского хозяйства усугублял малоземелье и проблемы аграрного сектора. Инновации в сельском хозяйстве внедрялись медленно, поскольку экспорт ориентировался на количественные, а не качественные показатели.

Малоземельные крестьяне страдали от нехватки продовольствия, поскольку значительная часть урожая шла на экспорт. Высокие налоги заставляли крестьян продавать зерно даже в неурожайные годы, что периодически приводило к голоду. Концентрация земель в руках помещиков увеличивала социальное неравенство. Аграрное перенаселение и ухудшение условий жизни крестьян способствовали росту протестных настроений.

Экспорт зерна действительно сыграл роль «ресурсного проклятья», так как вместо комплексного экономического развития привел к чрезмерной зависимости страны от сельского хозяйства, ухудшению положения крестьян и усилению социальной напряженности.

Литература

1. *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969.
2. *Бруцкус Б.Д.* Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы. Петроград: Кооперативная мысль, 1923.

3. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. М.: РОССПЭН, 2003.
4. *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте—Столыпина. СПб.: Алетейя, 2016.
5. *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
6. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.
7. *Лященко П.И.* Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Птг: тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1915.
8. *Лященко П.И.* Очерки аграрной эволюции России: В 3 т. Т. 1. Разложение натурального строя и условия образования сельскохозяйственного рынка. СПб.: Типография Редакции период. изд. Министерства финансов, 1908.
9. *Лященко П.И.* Хлебная торговля на Внутренних рынках Европейской России: Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912.
10. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999.
11. *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.) / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985.
12. *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. По материалам ежегод. статистики урожаев европ. России. М.: Наука, 1974.
13. *Обзоры Внешней Торговли России по Европейской и Азиатской Границам за [1840—1915 гг.].* СПб.—Птг.: Ежегодник Министерства финансов, 1842—1917.
14. *Огановский Н.П.* Популярныe очерки экономической географии СССР в связи с мировой. М.: Экон. жизнь, 1926: URL: <https://istmat.org/node/24224> (дата обращения: 21.01.2025).
15. *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в.: Монография. СПб.: ООО «Полторак», 2013.

16. *Поланьи К.* Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS. 1993. Вып. 2. Т. I. С. 10—17.
17. *Попов Г.Г., Чибисова Е.И.* Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи. За или против неоклассических теорем внешней торговли? // Terra Economicus, 2016. Т. 14. № 3. С. 87—100.
18. Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв.» URL: https://www.hist.msu.ru/Dynamics/06_agr.htm (дата обращения: 26.07.2024).
19. *Рафалович А.Л.* О положении России на международном хлебном рынке: Доклад А.Л. Рафаловича. Сов. Съездов представителей биржевой торговли и сельск. хоз. Птг.: Лештуковск. паровая скоропечатня «Свобода», 1918. С. 13—14.
20. Статистический ежегодник России 1913 г. Год десятый / Центральный стат. ком. М.В.Д. Петроград: Центральный стат. ком. М.В.Д., 1914.
21. *Чистяков Ю.Ф.* Россия на мировом продовольственном рынке: прошлое и настоящее. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2013.
22. *Bruckus B., Roth W.* Russia's Grain Exports and Their Future // Journal of Farm Economics. 1934. Vol. 16. No. 4. P. 662—679.
23. *Rozinskaya N., Sorokin A., Artamonov D.* Peasants' inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia // Scand. Econ. Hist. Rev. 2021. Vol. 69. No. 3. P. 253—277.

References

1. *Anfimov A.M.* Krupnoye pomeshchich'ye khozyaystvo Yevropeyskoy Rossii (konets XIX — nachalo XX veka). M., 1969.
2. *Brutskus B.D.* Ekonomiya sel'skogo khozyaystva. Narodno-khozyaystvenn'yye osnovy. Petrograd: Kooperativnaya mysl', 1923.
3. *Gregori P.* Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX — nachalo XX v.): Nov'yye podschety i otsenki / Per. s angl. I. Kuznetsova, A. i N. Tikhonovikh. M.: ROSSPEN, 2003.
4. *Davydov M.A.* Dvadtsat' let do Velikoy voyny. Rossiyskaya modernizatsiya Vitte — Stolypina. SPb.: Aleteyya, 2016.

5. *Kitanina T.M.* Khlebnaya trgovlya Rossii v kontse XIX — nachale XX veka: strategiya vyzhivaniya, modernizatsionnyye protsessy, pravitel'stvennaya politika. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2011.
6. *Kondrat'yev N.D.* Rynok khlebov i yego regulirovaniye vo vremya voyny i revolyutsii. M.: Nauka, 1991.
7. *Lyashchenko P.I.* Zernovoye khozyaystvo i khlebotorgovyye otnosheniya Rossii i Germanii v svyazi s tamozhennym oblozheniyem. Petrograd: tip. Red. period. izd. M-va fin., 1915.
8. *Lyashchenko P.I.* Ocherki agrarnoy evolyutsii Rossii: V 3 t. T. 1: Razlozheniye natural'nogo stroya i usloviya obrazovaniya sel'skokhozyaystvennogo rynka. SPb.: tipografiya Redaktsii period. izd. Ministerstva finansov, 1908.
9. *Lyashchenko P.I.* Khlebnaya trgovlya na Vnutrennikh rynkakh Yevropeyskoy Rossii: Opisatel'no-statisticheskoye issledovaniye. SPb., 1912.
10. *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.). SPb., 1999.
11. *Mironov B.N.* Khlebnyye tseny v Rossii za dva stoletiya (XVIII—XIX vv.) / Pod red. A.G. Man'kova. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-niye, 1985.
12. *Nifontov A.S.* Zernovoye proizvodstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX veka. Po materialam yezhegod. statistiki urozhayev yevrop. Rossii. M.: Nauka, 1974.
13. *Obzory Vneshney Torgovli Rossii po Yevropeyskoy i Aziatskoy Granitsam za [1840—1915 gg.].* Sankt-Peterburg — Petrograd: Yezhegodnik Ministerstva finansov, 1842—1917.
14. *Oganovskiy N.P.* Populyarnyye ocherki ekonomicheskoy geografii SSSR v svyazi s mirovoy. Moskva: Ekon. zhizn', 1926. <https://istmat.org/node/24224> (data obrashcheniya: 21.01.2025).
15. *Ostrovskiy A.V.* Zernovoye proizvodstvo Yevropeyskoy Rossii v kontse XIX — nachale XX v.: monografiya. SPb.: OOO «PoltoraK», 2013.
16. *Polan'i K.* Samoreguliruyushchiysya rynok i fiktivnyye tovary: trud, zemlya i den'gi // THESIS. 1993. Vyp. 2. T. I. S. 10—17.
17. *Popov G.G., Chibisova YE.I.* Vneshnyaya trgovlya i khlebnyye tseny v Rossiyskoy imperii. Za ili protiv neoklassicheskikh teorem vneshney trgovli? Za ili protiv neoklassicheskikh teorem vneshney trgovli? // Terra Economicus. 2016. T. 14. № 3. S. 87—100.

18. Projekt «Dinamika ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya Rossii v XIX — nachale KHKH vv.» URL: https://www.hist.msu.ru/Dynamics/06_agr.htm (data obrashcheniya: 26.07.2024).

19. *Rafalovich A.L.* O polozhenii Rossii na mezhdunarodnom "khlebnom" rynke: Doklad A.L. Rafalovicha. Sov. S"yezdov predstaviteley birzhevoy trgovli i sel'sk. khoz. Petrograd: [b. i.], 1918 (Leshtukovsk. parovaya skoropechatnya «SvobodA»). S. 13—14.

20. Statisticheskiy yezhegodnik Rossii 1913 g. God desyatyy / Tsentral'nyy stat. kom. M. V. D. Petrograd: Tsentral'nyy stat. kom. M.V.D., 1914.

21. *Chistjakov Ju.F* Rossiya na mirovom prodovol'stvennom rynke: proshloye i nastoyashcheye. Yekaterinburg: In-t ekonomiki URO RAN, 2013.

22. *Bruckus B., Roth W.* Russia's Grain Exports and Their Future // Journal of Farm Economics. 1934. Vol. 16. No. 4. P. 662—679.

23. *Rozinskaya N., Sorokin A., Artamonov D.* Peasants' inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia // Scand. Econ. Hist. Rev. 2021. Vol. 69. No. 3. P. 253—277.

М.А. АРЗУМАНЯН

**Теоретические предпосылки развития системы
образовательных кредитов: в поиске баланса частных
и общественных интересов***

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты финансирования высшего образования и использование образовательных кредитов как одного из инструментов этого процесса. Выявлены тенденции сокращения бюджетного финансирования и роста доли платного обучения. Представлен анализ проблем, связанных с традиционными кредитными механизмами, включая рост долговой нагрузки выпускников и возможные макроэкономические риски.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Арзуманян М.А. Теоретические предпосылки развития системы образовательных кредитов: в поиске баланса частных и общественных интересов // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 186—198. DOI: 10.5281/zenodo.15424447.

Обоснована необходимость поиска новых решений, обеспечивающих баланс между индивидуальными и социальными выгодами образования. Особое внимание уделяется различным моделям образовательных кредитов, включая традиционные кредитные механизмы и альтернативные схемы, такие как доходно-долевые соглашения (ISA), предложенные Милтоном Фридманом. Рассмотрены перспективы внедрения альтернативных смешанных моделей финансирования, учитывающих участие всех заинтересованных сторон в развитии человеческого капитала в покрытии расходов на образование.

Ключевые слова: образовательные кредиты, инвестиции в образование, финансирование образования, государственные расходы, социальная и индивидуальная полезность образования.

Abstract. The article discusses the theoretical aspects of financing higher education and the use of educational loans as one of the tools of this process. The trends of reducing budget financing and increasing the share of paid tuition are identified. The analysis of problems related to traditional credit mechanisms, including the growing debt burden of graduates and possible macroeconomic risks, is presented. The necessity of searching for new solutions that ensure a balance between individual and social benefits of education is substantiated. Special attention is paid to various models of educational loans, including traditional credit mechanisms and alternative schemes such as income-equity agreements (ISA) proposed by Milton Friedman. The prospects of introducing alternative mixed financing models that take into account the participation of all stakeholders in the development of human capital in covering education costs are considered.

Keywords: educational loans, investments in education, financing education, government spending, social and individual benefits of education.

УДК 330.8+ 37.014.54

ББК 65.03 + 74.04к94

Введение

Финансирование высшего образования является ключевым элементом социальной и экономической политики, отражающим

приоритеты государства и общества. На мировой арене инвестиции в образование [23] остаются крайне недостаточными, особенно в странах с низким уровнем дохода, где ежегодный дефицит финансирования для достижения ЦУР № 4² к 2030 г. составляет 97 млрд долл. США. Наблюдается значительное неравенство: в бедных странах на одного ученика тратится всего 55 долл. в год, тогда как в богатых странах — 8532 долл. США. При этом многие страны с низким уровнем дохода тратят больше на обслуживание госдолга (в среднем 72% ВВП), чем на образование.

В СССР образование финансировалось преимущественно из государственного бюджета, что обеспечивало его массовую доступность. В последние десятилетия этот подход претерпел серьезные изменения [3]. Доля государственных расходов на образование снизилась с 7% ВВП в 1970-х гг. до 3,5—4% ВВП в настоящее время [10]. Следует отметить, что доля государственных расходов в РФ значительно отстает от стран с более развитыми социально ориентированными моделями, такими как Швеция или Норвегия, где расходы превышают 6% ВВП [16].

Недостаточное государственное финансирование российских вузов вынуждает их искать альтернативные источники доходов [9, 59—60], что, в свою очередь, приводит к увеличению доли платного приема — в настоящий момент на коммерческой основе обучается 54% студентов [8]. Наряду с этим наблюдается усиливающаяся дифференциация вузов по стратегиям набора студентов [5]. Селективные университеты³ не только стараются привлечь наиболее талантливых абитуриентов на бюджетные места, но и активно расширяют количество платных мест, нередко за счет студентов, которые

² Цели устойчивого развития (ЦУР) [24] (англ. — Sustainable Development Goals, SDGs) — 17 взаимосвязанных целей, принятых Генеральной ассамблеей ООН в 2015 г. Они представляют собой стратегический план, направленный на создание более благополучного и устойчивого будущего для всех. Одной из ключевых целей является ЦУР № 4 (Цель 4), которая предполагает обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.

³ Селективный университет — высшее учебное заведение, характеризующееся превышением спроса на обучение над предложением, что обуславливает жесткие критерии отбора абитуриентов [5].

могли бы поступить на бюджет в менее селективные вузы. В условиях хронического недофинансирования системы образования последние, имея ограниченные ресурсы и менее конкурентные условия, уступают в борьбе за качество студенческого контингента.

Несмотря на очевидную необходимость устойчивого финансирования образования, разработка подходов к его реализации остается сложной задачей. Ограниченность государственных ресурсов и финансовых возможностей домохозяйств обуславливает необходимость поиска оптимальных решений и формулирования фундаментальных вопросов: в каком соотношении государство и индивидуум должны участвовать в финансировании высшего образования? Эти ограничения в ресурсах требуют поиска дополнительных решений, позволяющих сохранить доступность высшего образования при данных условиях. В этом контексте одним из альтернативных инструментов финансирования становятся образовательные кредиты.

При этом использование образовательных кредитов сопряжено с рядом существенных рисков. Высокая задолженность может стать серьезным ограничением для финансовой свободы выпускников, снижая их платежеспособность и сдерживая потребительскую активность. Данная проблема становится особенно актуальной для молодых выпускников, вынужденных направлять значительную часть своих доходов на погашение кредитных обязательств. При этом важно учитывать, что непродуманные механизмы финансирования с использованием образовательных кредитов могут иметь долгосрочные негативные последствия как для экономики, так и для общества в целом. Экономисты подчеркивают [6] аналогии с кризисом субстандартного ипотечного кредитования 2008 г., что требует особого внимания к созданию устойчивых моделей финансирования.

Стоит помнить, образовательные кредиты не существуют в вакууме: их возникновение и распространение обусловлены общими закономерностями финансирования высшего образования. Они представляют собой не просто финансовый инструмент, а часть более широкой системы, в которой пересекаются государственные приоритеты, рыночные механизмы и индивидуальные предпочтения. Важно рассмотреть теоретические подходы, лежащие в основе интеграции образовательных кредитов в системы финансирования высшего образования.

С точки зрения экономической теории

Образование, будучи важнейшим фактором социального и экономического развития, обладает двойственной природой. С точки зрения частных интересов [13], финансирование высшего образования обусловлено стремлением граждан приобрести знания и навыки, необходимые для профессионального роста и расширения социальных возможностей, что требует значительных инвестиций. Но доступ к образованию во многом определяется не только потребностью в знаниях, но и финансовыми возможностями обучающихся, что ограничивает его доступность для значительной части населения. Вместе с тем образование оказывает значительное социальное воздействие [15]: оно приносит обществу не только прямые экономические выгоды, выражающиеся в росте доходов граждан, но и другие существенные эффекты, такие как технологическое развитие и повышение инвестиционной привлекательности страны за счет повышения отдачи от национального человеческого капитала. Учет как частных, так и социальных интересов в сфере образования подводит к дискуссии о соотношении индивидуальной платы за обучение и общественных расходов на него.

Согласно чистой теории общественных расходов Пола Самуэльсона [18; 19], образование — «общественное благо», поскольку оно обладает свойствами неисключаемости и неконкурентности в потреблении, т. е. его использование одним человеком не ограничивает возможность использования другими людьми того же блага. Государство восполняет дефицит в финансировании образования, поскольку индивидуальные рыночные решения не приводят к необходимому уровню инвестиций в сферу.

М. Блауг [1] рассматривает образование как «квазиобщественное благо» отмечая, что его экономические выгоды в значительной степени носят персональный и делимый характер. Но эти выгоды не ограничиваются только теми, кто непосредственно оплатил его получение: менее образованные члены общества также получают доступ к преимуществам, создаваемым более образованными индивидами. Поскольку образование приносит личные выгоды, наличие ин-

дивидуальной оплаты за его получение оправдано. Однако опора исключительно на рыночные механизмы в производстве данного блага может привести к его недоинвестированию.

Кроме того, дополнение индивидуальной платы за образование государственными расходами обосновывается концепцией «мериторных благ» Р. Масгрейва [14]. Мериторные блага (merit goods) — это блага, потребление которых приносит обществу положительные внешние эффекты, превышающие частные выгоды их потребителей. Примером таких благ является образование, которое способствует повышению квалификации, производительности труда и общему социально-экономическому развитию. При этом индивидуумы часто ориентированы на краткосрочные выгоды и могут не учитывать долгосрочные положительные эффекты от потребления мериторных благ, таких как образование. Это приводит к недостаточному спросу на них. В мериторной среде искажение спроса обусловлено неосознаваемой иррациональностью поведения индивидов. Речь идет о систематически возникающих ситуациях, таких как «патологический случай», «слабоволие Одиссея», «иррациональность неимущих» и «общие потребности», когда люди оказываются не способны действовать себе во благо. Но социальная ценность высшего образования требует его доступности, что побуждает государства субсидировать расходы студентов [7].

Переосмысление теоретических результатов Масгрейва, в частности его идеи о том, что общество, опираясь на этические принципы и ценностные суждения, может формировать спрос на определенные блага, превышающий совокупный спрос отдельных индивидуумов [14], а также модели Викселля—Линдаля [20] для анализа общественных благ и «чистой теории общественных расходов» Пола Самуэльсона, предложившего формальное обоснование этой модели [19], стало важным шагом в формировании концепции экономической социодинамики (КЭС), авторами которой являются российские ученые-экономисты Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн [2]. В рамках этой концепции образование трактуется как «опекаемое благо», обладающее одновременно индивидуальной и социальной полезностями. Индивидуальная полезность определяется предпочтениями потребителей и выявляется через рыночные механизмы, в то время как социальная полезность отражает нормативные интересы общества, которые не могут быть полностью учтены рынком. Государство

как автономный участник рынка направляет доступные ресурсы на обеспечение социальной полезности «опекаемых благ».

Образовательное благо имеет длительный цикл предоставления, создавая разрыв между началом обучения и его завершением. Взносы студентов за обучение, по сути, являются авансовыми платежами, что обуславливает необходимость использования кредитных ресурсов для обеспечения финансирования образовательного процесса в условиях отсутствия доступных средств у студентов для оплаты обучения [6]. Вместе с тем традиционные кредитные механизмы на практике не всегда эффективны из-за высокого уровня риска, который возникает для заемщиков, особенно при неопределенности будущего дохода выпускников. Система студенческих кредитов в США является одной из самых развитых в мире — тем не менее на 2024 г. общая задолженность по этим кредитам составляет 1,773 трлн долл. [11]. Экономисты сравнивают рост долгов с жилищным пузырем, который стал причиной рецессии 2007—2009 гг.

Снижение финансирования университетов со стороны государства и повышение стоимости образования за последние двадцать лет способствовали росту долговой нагрузки. Экономические кризисы, снижение доходов семей и высокие процентные ставки на студенческие кредиты усугубили данную ситуацию. В связи с этим растет интерес к альтернативным инструментам финансирования, таким как система доходно-долевых соглашений (ISA), которая предлагает иной подход к финансированию образования. Эта концепция была предложена Милтоном Фридманом в 1955 г. [12], когда он утверждал, что традиционные образовательные кредиты налагают чрезмерное финансовое бремя на студентов. Фридман отметил, что, в отличие от ипотечных или автокредитов, студенческие кредиты не обеспечены активами, что делает их более рискованными для кредиторов. В качестве варианта решения этой проблемы он предложил систему, в которой инвесторы могли бы предоставлять капитал для обучения в обмен на долю от будущих доходов студентов.

Первым экспериментом в этой области стал проект Йельского университета в 1970-х гг. [17] — программа «Tuition Postponement Program» («Отсрочка оплаты обучения»). В соответствии с условиями ISA студентам предлагалось выплачивать 0,4% будущего дохода на протяжении 35 лет. Финансирование осуществлялось на групповой основе, которое предусматривало возможность индивидуального

погашения задолженности по ставке 150% от номинальной стоимости либо коллективного выкупа долга всей группы на тех же условиях. Использование групповой модели финансирования, вероятно, было обусловлено стремлением университета распределить риски, связанные с непредсказуемостью доходов выпускников и возможными невозвратами средств. В ходе реализации программы многие студенты выразили недовольство тем, что суммарный объем выплат превышал расходы по банковским кредитам; кроме того, фиксировались случаи уклонения от платежей. В результате проект был частично приостановлен. Анализ программы показал, что низкая процентная ставка и длительный период возврата задолженности изначально воспринимаются как привлекательные параметры как для студентов, так и для инвесторов. Но избыточная продолжительность периода сопряжена с существенными рисками, обусловленными макроэкономической нестабильностью и изменениями в социально-политическом контексте.

Рост интереса к внедрению соглашений о разделе дохода (ISA) объясняется необходимостью привлечения частного капитала для финансирования высшего образования. Сегодня ISA продолжают развиваться, предлагая альтернативные формы финансирования для студентов. Многие учебные заведения и профессиональные школы начали использовать ISA для привлечения частных инвестиций и расширения доступа к образованию. В отличие от традиционных кредитов, ISA не требуют поручителей или проверки кредитной истории, что делает их более доступными для широкого круга студентов.

Принципы ISA стали основой для разработки новых моделей финансирования образования. В 2013 г. законодательство штата Орегон предложило схему «Pay It Forward» («Оплати за следующего») как способ финансирования колледжей [22]. Эта система перераспределяет финансовые обязательства между поколениями: студенты получают образование без предварительной оплаты, а после выпуска в течение 25 лет отчисляют часть дохода в бюджет штата, финансируя обучение следующих поколений. Сторонники идеи сравнивают ее с обратной версией системы социального обеспечения: если традиционно работающие граждане поддерживают пенсионеров и нуждающихся, то здесь бесплатное образование предоставляется молодежи, а затем они, став специалистами, выплачивают взносы для новых студентов.

В российской практике, опираясь на идеи М. Фридмана, А.Я. Рубинштейн [6] предлагает альтернативную концепцию финансирования высшего образования, принципы реализации которой значительно отличаются от существующих. Предлагаемая модель ориентирована на формирование сбалансированной системы в рамках принципа *«равенства в платности»*, учитывающей как социальные, так и индивидуальные выгоды от образования. В ней как задействованы государственные инвестиции и финансирование со стороны домохозяйств, так и отводится значительная роль работодателям.

Предлагается внедрение системы единой фиксированной ставки оплаты образовательных услуг для всех граждан России, поступивших в вуз на основе конкурсных экзаменов, составляющей примерно 30% от общей стоимости обучения, которая остается неизменной на протяжении всего периода учебы. В то же время, с учетом различий в профессорско-преподавательском составе, технической оснащенности, бытовых условиях и общем уровне качества образовательных услуг, включая традиции и репутацию учебных заведений, планируется введение дифференциации «возвратной платы», зависящей от категории вуза и уровня его расходов на обучение одного студента. Для реализации данной задачи предлагается разработать типологию высших учебных заведений России, подразделяя их на 4—5 групп, каждая из которых будет характеризоваться определенным интервалом нормативов годовых расходов на обучение одного студента и соответствующей «возвратной платой» [6].

Ключевым аспектом рассматриваемой концепции является сохранение значительной доли государственного финансирования. Рубинштейн утверждает, что государственные расходы на высшее образование должны составлять не менее 70%, что соответствует мировым тенденциям и позволяет университетам эффективно выполнять свои образовательные и научные функции независимо от рыночных механизмов.

Особое внимание уделяется участию работодателей в софинансировании образования. Их роль обоснована экономической заинтересованностью в квалифицированных кадрах, что предопределяет необходимость содействия в компенсации образовательных расходов. Работодатели задействованы в оплате через отчисления в специальный фонд высшего образования. Ставки налога и отчислений

дифференцируются в зависимости от дохода выпускника (подробнее — см. статью А.Я. Рубинштейна [17]).

Не менее важным элементом в этой концепции является введение квоты для лучших выпускников государственных вузов, освобождаемых от «возвратной платы» на конкурсной основе. Это решение основано на праве, закрепленном в Конституции Российской Федерации (ст. 43, п. 3) [4], согласно которому каждый гражданин имеет право на бесплатное высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении. В рамках этого права предлагается установить квоту, по которой 10—30% выпускников каждого факультета государственных вузов, набравших на экзаменах за все годы обучения наибольшее количество баллов, будут освобождены от «возвратной платы» [6].

Подводя итоги, еще раз подчеркнем — в последние десятилетия в России наблюдается отход от модели государственного финансирования высшего образования: участие государства сокращается, а число студентов, обучающихся на платной основе, ежегодно возрастает. В таких условиях образовательные кредиты становятся вынужденной мерой, компенсирующей недостаток бюджетных инвестиций. Однако, несмотря на широкое распространение, традиционные кредитные механизмы создают риски высокой долговой нагрузки для выпускников, ограничивая их финансовую свободу. В связи с этим разрабатываются альтернативные смешанные модели финансирования высшего образования, предусматривающие участие всех заинтересованных сторон в развитии человеческого капитала на макро- и микроуровнях: государства, работодателей, студентов, университетов и др. Необходимость финансирования в смешанных формах обусловлена дуализмом полезности образования, которая проявляется на двух уровнях: индивидуальном и социальном.

Литература

1. *Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе* / Пер. с англ. О.В. Буклемишева и др.; под науч. ред. Е.М. Майбурда, В.С. Автономова. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
2. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика*. М.: ИЭ РАН, 2008.

3. *Климова Е.К., Чернышева Т.Е., Миронов А.С.* Образовательная политика в постсоветской России // Вопросы политической экономики. 2022. № 4. С. 178—195. DOI: 10.5281/zenodo.7522163.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
5. НИУ ВШЭ. Результаты 14-го мониторинга качества приема на бюджетные и платные места российских вузов в 2024 году: URL: <https://www.hse.ru/ege2024/#3> (дата обращения: 24.02.2025).
6. *Рубинштейн А.Я.* Выгоды образования. Десять тезисов альтернативной концепции реформы высшей школы // Стратегия России. 2004. № 8. С. 23—31.
7. *Рубинштейн А.Я.* Методологический анализ теории опекаемых благ. М.: Институт экономики РАН, 2014. 64 с.
8. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 13.01.2025).
9. *Яковлева Н.Г.* Образовательный империализм: вызовы развитию человеческого потенциала // Вопросы политической экономики. 2022. № 3 (31). С. 58—75. DOI: 10.5281/zenodo.7278269.
10. *Яковлева Н.Г.* Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 1. С. 36—46.
11. Education Data Initiative. Student Loan Debt Statistics: URL: <https://educationdata.org/student-loan-debt-statistics> (дата обращения: 04.03.2025).
12. *Friedman M.* The role of government in education // Economics and the public interest / R.A. Solo (ed.). New Brunswick: Rutgers University Press, 1955.
13. *Heise M., Meyer W.* The benefits of education, training and skills from an individual life-course perspective with a particular focus on life-course and biographical research // Impact of education and training.

Third report on vocational training research in Europe: background report / P. Descy, M. Tessaring (eds.). Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2004. P. 322—381.

14. *Musgrave R.A.* A Multiple Theory of Budget Determination. *FinanzArchiv // Public Finance Analysis*. 1956. Vol. 17. No. 3. P. 333—343.

15. OECD. Education at a Glance 2024: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris: URL: <https://doi.org/10.1787/c00cad36-en> (дата обращения: 25.02.2025).

16. OECD. Stat. Educational Finance Indicators: URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EAG_FIN_RATIO (дата обращения: 22.02.2025).

17. *Putilov A., Baranova I., Myakota E.A.* Financial Simulation Model of the Income-Share Agreement // *Revista ESPACIOS*. 2018. Vol. 39. No. 20.

18. *Samuelson P.A.* Aspects of Public Expenditure Theories // *The Review of Economics and Statistics*. 1958. P. 332—338.

19. *Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // *The Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. No. 4. P. 387—389.

20. *Silvestre J.* Wicksell, Lindahl and the Theory of Public Goods // *Scandinavian Journal of Economics*. 2003. Vol. 105. P. 527—553.

21. *Tannenbaum S.* Student Loan Debt: A Bubble Ready to Burst? // *Cornell Journal of Law and Public Policy*. 2024. Vol. 33. P. 511—537.

22. The Politico. Pay It Forward: Oregon College Tuition, 2013: URL: <https://www.politico.com/story/2013/11/pay-it-forward-oregon-college-tuition-099695> (дата обращения: 25.02.2025).

23. UNESCO. Education Financing: URL: <https://www.unesco.org/sdg4education2030/en/knowledge-hub/education-financing> (дата обращения: 21.02.2025).

24. United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 6 July 2017: URL: <https://docs.un.org/en/A/RES/71/313> (дата обращения: 24.02.2025).

References

1. *Blaug M.* Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive / Per. s angl. O.V. Buklemisheva i dr.; pod nauch. red. E.M. Majburda, V.S. Avtonomova. M.: Delo Ltd, 1994. 720 s.

2. Grinberg R.S., Rubinshtejn A.Ya. Osnovaniya smeshannoj ekonomiki. Ekonomicheskaya sociodinamika. M.: IE RAN, 2008.
3. Klimova E.K., Chernysheva T.E., Mironov A.S. Obrazovatel'naya politika v postsovetsoj Rossii // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2022. № 4. С. 178—195. DOI: 10.5281/zenodo.7522163.
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020).
5. NIU VShE. Rezul'taty 14-go monitoringa kachestva priema na byudzhetye i platnye mesta rossijskih vuzov v 2024 godu: URL: <https://www.hse.ru/ege2024/#3> (data obrashcheniya: 24.02.2025).
6. Rubinshtejn A.Ya. Vygody obrazovaniya. Desyat' tezisov al'ternativnoj koncepcii reformy vysshej shkoly // Strategiya Rossii. 2004. № 8. S. 23—31.
7. Rubinshtejn A.Ya. Metodologicheskij analiz teorii opekaemyh blag. M.: Institut ekonomiki RAN, 2014. 64 s.
8. Forma № VPO-1 «Svedeniya ob organizacii, osushchestvlyayushchej obrazovatel'nuyu deyatel'nost' po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya — programmam bakalavriata, programmam specialiteta, programmam magistratury» // Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii: URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (data obrashcheniya: 13.01.2025).
9. Yakovleva N.G. Obrazovatel'nyj imperializm: vyzovy razvitiyu chelovecheskogo potentsiala // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2022. № 3 (31). С. 58—75. DOI: 10.5281/zenodo.7278269.
10. Yakovleva N.G. Rossijskoe obrazovanie: global'nye i nacional'nye vyzovy formirovaniyu chelovecheskogo potentsiala // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2023. T. 19. № 1. S. 36—46.

А.Ю. КОЗЛОВСКИЙ

**Древневосточные и античные представления
о социально-экономической типологии стран мира***

Аннотация. В рамках статьи автором предпринята попытка сформулировать древневосточные и античные представления о социально-экономической типологии стран мира. Информативной базой исследования послужили известные правовые, философские и экономико-прикладные источники, созданные в эпоху Древнего мира (Древний Восток и Античность) в Месопотамии, Индии, Китае, Греции и Риме. По результатам исследования сделан вывод о том, что древневосточные и античные мыслители заложили некоторые основы историко-экономического дискурса, постулирующего деление мира на группы стран, типологически отличающиеся друг от друга по уровню социально-экономического развития. Представления о социально-экономических типах стран тогдашнего мира формулировались такими выдающимися древними мыслителями, как Хаммурапи, Каутилья, Шан Ян, Кун-Цзы, Лао-Цзы, Ксенофонт, Платон, Аристотель, Марк Порций Катон, Марк Теренций Варрон, Юний Модерат Колумелла, Гай Плиний Старший, Корнелий Тацит, на основе их собственных правовых, метафизических, этических и хозяйственных доктрин, а также современной им практики социально-экономического развития.

Ключевые слова: Древний Восток, Античность, ранняя экономическая мысль, уровень социально-экономического развития, модель социально-экономической типологии стран мира, развитая страна, отсталая страна.

Abstract. Within this scientific paper the author attempted to formulate ancient East and antique ideas about world's countries social and economic typology. The famous legal, philosophic, and economic applied sources, created in ancient Mesopotamia, India, China, Greece and Rome,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Козловский А.Ю. Древневосточные и античные представления о социально-экономической типологии стран мира // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 199—210. DOI: 10.5281/zenodo.15424469.

served as an informative basis for this scientific research. Under the results of the provided research the author concluded that ancient East and antique thinkers laid some foundations of historic and economic discourse postulating the division of the world into groups of countries, which are typologically distinct from each under the levels of social and economic development. Such outstanding ancient thinkers as Hammurabi, Kautilya, Shang Yang, Kong Qiu, Lao Tzu, Xenophon, Plato, Aristotle, Marcus Porcius Cato, Marcus Terentius Varro, Junius Moderatus Columella, Gaius Pliny the Elder, Cornelius Tacitus formulated their ideas about social and economic types of the then world countries according to its own legal, metaphysical, ethical and economic doctrines, and economic practice they witnessed as well.

Keywords: Ancient East, Antiquity, early economic thought, level of social and economic development, model of world's countries social and economic typology, developed country, backward country.

УДК 330.811.1:316.323
ББК У02(0)31+У02(0)32

Научная правомочность сформулированной нами проблематики обусловлена тем, что даже самая ранняя экономическая мысль формировалась в свете косвенного и спорадического изучения уровней социально-экономического развития отдельных стран и народов (племен). Знаменитые мыслители Востока и Запада, жившие и творившие в эпоху Древнего мира, делали выводы исторического, экономического и философского характера о причинах достижения теми или иными странами большего или же меньшего уровня социально-экономического развития. Ценность их экономических наблюдений и умозаключений вовсе не нивелируется тем, что сами эти мыслители не принадлежали к известным экономико-теоретическим или экономико-прикладным школам, которые зарождались в позднем Средневековье (меркантилизм) или же в Новое время (физиократы, политэкономия).

Поэтому выдающиеся отечественные ученые-экономисты Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов и Ю.Я. Ольсевич отмечают: «Анализируя источники, приходишь к выводу, что *центральный экономиче-*

ский вопрос, который волновал человечество на протяжении его цивилизованной истории, — это вопрос о причинах скудости и богатства народов... (курсив мой. — А.К.)» [8, 5]. В данном утверждении непосредственно воспроизводится важный дискурс мировой экономической мысли, постулирующий давние, изначальные, тем или иным образом обусловленные типологически групповые отличия и сходства между странами мира по уровню их социально-экономического развития.

Так, если попытаться выявить *гипотетические древневосточные представления* о «развитой стране», включая, безусловно, и достаточно косвенное, лишь предполагаемое ее сравнение с некой «отсталой страной», то следует обратиться к известным древним законам, трактатам, сочинениям.

Соответствующими примерами могут служить Законы вавилонского царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.) и древнеиндийский трактат «Артхашастра» Каутильи (ум. ок. 283 г. до н. э.).

Необходимый нам предметно-содержательный, хотя и косвенный контекст первого из этих источников состоит, на наш взгляд, в том, что только строгое исполнение законодательных постановлений царя Хаммурапи, например, применение наказаний за совершение экономических преступлений, было призвано обеспечить «его стране» экономическое процветание, понимавшееся в морально-нравственных, религиозных и правовых категориях той далекой эпохи: «По велению Шамаша, великого судьи небес и земли, да воссияет в стране *моя справедливость* (курсив мой; и, таким образом, развитие, богатство. — А.К.); по слову Мардука, моего владыки, пусть мои указы не имеют нарушителя их» [8, 50—55].

Аналогичную роль играют и различные хозяйственные советы, предназначенные для царя Чандрагупты (340—297 гг. до н. э.), содержащиеся в «Артхашастре» Каутильи. Среди таковых советов, следование которым могло бы выгодно отличать хозяйство Империи Маурьев от хозяйства других тогдашних держав, важно выделить: «заселение области, как той, которая уже раньше была, так и той, которой раньше не было, путем привлечения жителей других стран или путем выселения избытков жителей своей страны», изъятие полей «у лиц, не занимающихся запашкой», «помощь им (землепашцам) зерном, скотом и деньгами», «устройство рудников, промыслов, рощ

ценных деревьев и рощ для слонов, пастбищ, торговых подворий, водных и сухопутных путей сообщения и торговых городов», сооружение оросительных систем [2, 52—53].

Заслуживающими внимания в рассматриваемом нами содержательном контексте представляются и экономические воззрения основателя древнекитайской школы «Фацзя» («Легисты»/«Законники»). Так, реформаторская доктрина Шан Яна (390—338 гг. до н. э.), правителя области Шан в Царстве Цинь, изложенная в его работе «Книга правителя области Шан», представляет собой синтез определенных рационально-правовых и производственно-экономических императивов. Причину социально-экономического кризиса Царства Цинь Шан Ян усматривал в упадке земледелия, вызванном, в свою очередь, следованием губительным конфуцианским патриархально-этическим представлениям о «человеколюбии», «ритуале», «Пути древних» и т. д. Напротив, не этическое воспитание народа и правителей в духе взаимоуважения, справедливости и доверия, а беспрекословное подчинение народа государственным законам, по мнению Шан Яна, было средством экономического и военно-политического возвышения Цинь над другими древнекитайскими царствами.

Приоритетным пунктом программы успешной социально-экономической «модернизации» Царства Цинь Шан Ян считал развитие интенсивного и экстенсивного земледелия, причем даже в ущерб торговле и ремеслу, развитие которых приводило лишь к оттоку рабочей силы из сельского хозяйства. Это предусматривало необходимость обработки как можно больших участков земли посредством привлечения, а точнее искусственного, насильственного обращения к земледелию самых широких масс народонаселения. Эта мера была призвана обеспечить приток значительных денежных поступлений в казну. Помимо этого, Шан Яна можно считать и одним из основоположников политики целенаправленного административного регулирования экономики в ущерб рыночно-спекулятивным механизмам. Он считал необходимым самое активное антиспекулятивное вмешательство государства в сферу спроса и предложения на продукты земледелия, прежде всего на зерновые культуры [8, 61—63].

Что же касается разработки Шан Яном некоторого подобия модели социально-экономической типологии древнекитайских царств,

то она представляла собой *двухсоставную модель экономически отсталых стран*, являвшихся таковыми по причине различной асимметрии между земельными площадями и наличными людскими ресурсами, необходимыми для их обработки. Так, в главе 6 «Измерение земель» Свитка Первого указывается: «...Встречаются [такие царства], где земли мало, а населения много, т. е. народа больше, чем земли; и [есть такие царства], где земли обширны, а населения мало, т. е. земли больше, чем народа (курсив мой. — А.К.). Если народа больше, чем земли, надлежит направить усилия [народа] на разработку пустоши; если же земли больше, чем народа, надлежит призвать поселенцев» [5, 167—168]. Поэтому царство Цинь, в котором были решены указанные проблемы, можно условно рассматривать в качестве *тогдашней «более развитой страны»*, однако в рамках, видимо, *некой гипотетически более широкой типологической модели древнекитайских царств*.

Представления же принципиальных идейных противников легистов, в данном случае конфуцианцев, о государствах, которым суждено экономическое процветание, зиждились на том, что залогом хозяйственного развития и общественной стабильности являются «доверие, соблюдение экономии, забота о людях, использование народа в соответствующее время» [3, 141]. На основе данного ценностно-хозяйственного императива сам Кун-Цзы (551—479 гг. до н. э.) выделял *два диаметрально противоположных групповых типа древнекитайских царств: «государства, которые управляются правильно», и, напротив, «государства, управляемые неправильно»* [3, 155]. Так, например, в «правильно управляемом государстве», т. е. в условно «развитом», «должно быть достаточно пищи, должно быть достаточно оружия и народ должен доверять [правителю]» [3, 160].

В свою очередь, даосская идеальная социально-экономическая политика, враждебная и конфуцианству, и легизму, состоит в следующем («Дао дэ цзин», § 3): «Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа. Поэтому, управляя [страной], совершенномудрый делает сердца [подданных] пустыми, а желудки — полными» [3, 115—116]. Лао-Цзы (604 г. — V в. до н. э.) строго осуждал материальные излишества, роскошь:

«Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками и хлебохранилища совершенно пусты. [Знать] одевается в роскошные ткани, носит острые мечи, не удовлетворяется [обычной] пищей и накапливает излишние богатства. Все это называется разбоем и бахвальством. Оно является нарушением дао» («Дао дэ цзин», § 53) [3, 130]. Не менее важной составляющей даосских воззрений на развитие государственного хозяйства является отрицание необходимости применения тогдашних производственных и транспортных средств, причем не только во избежание в народе конкуренции за обладание ими, но и с целью пресечения какого-либо, в том числе торгового общения между жителями древнекитайских царств («Дао дэ цзин», § 80): «Если [в государстве] имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко [от своих мест]. Если [в государстве] имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять» [3, 138].

Таким образом, в «Дао дэ цзин» выделяется, обсуждается и порицается социально-экономический тип страны, олицетворяющий собой якобы губительное стремление к «развитию». Ему противопоставляется «идеальный», причем... «неразвивающийся», «застывший» тип, устремленный в прошлое, соответствующий «Дао». Важно отметить, что в «Дао дэ цзин» изложен и простой методологический подход к выделению типов стран, представляющий собой аналогию и обобщение («Дао дэ цзин», § 54): «...по одному царству можно познать другие; по одной стране можно познать всю Поднебесную» [3, 131].

Древнегреческая экономическая мысль, наряду с древнекитайской, также постулировала приоритетность развития земледелия перед развитием ремесленных занятий, торговли и ростовщичества, открыто выражая свое достаточно отрицательное отношение к ним.

Так, например, в известном диалогическом сочинении Ксенофонта (430—356 гг. до н. э.) «Домострой» можно обнаружить косвенное, условное выделение и противопоставление друг другу двух групповых типов древнегреческих полисов: тех, в которых земледелие имеет место наряду с ремесленным производством и торговлей, и тех, якобы «более правильных» и, таким образом, видимо, «более развитых», в которых земледельческий труд преобладает, совершенно вытесняя два других вида экономической деятельности:

«Действительно, занятие так называемыми ремеслами зазорно и, естественно, пользуется очень дурной славой в городах. Ведь ремесло вредит телу и рабочим, и надсмотрщикам, заставляя их вести сидячий образ жизни, без солнца, а при некоторых ремеслах приходится проводить целый день у огня. А когда тело изнеживается, то и душа становится гораздо слабее. К тому же ремесло оставляет очень мало свободного времени для заботы еще о друзьях и родном городе. Поэтому ремесленники считаются непригодными для дружеского общества и плохими защитниками Отечества. А в некоторых городах, особенно в тех, которые славятся военным делом, даже и не дозволяется никому из граждан заниматься ремеслами» [7, 263].

«Идеальное государство» Платона (428/427—348/347 гг. до н. э.) представляет собой *желаемый тип страны, противоположный остальным типам полисов, существовавшим в Древней Элладе* [9, 818—820]. В его экономической доктрине, не отрицавшей необходимости развития ремесла и торговли, также отдается предпочтение земледелию. Право же свободно заниматься ремеслом и торговлей предоставлялось только иностранцам и «варварам».

Помимо Ксенофонта и Платона, Аристотель в своем известном сочинении «Политика» также указывает на земледелие как на довлеющий, причем сугубо «экономический» («домохозяйственный») способ добывания средств к жизни [1, 388]. Несмотря на то, что многие античные эллины не гнушались и «хрематистики» («искусства наживать состояние»), земледелие все-таки преобладало, воспроизводя тогдашний, собственно *земледельческий и, таким образом, буквально, «экономический» (!) тип древнегреческих полисов.*

Однако, несмотря на отрицательное отношение Аристотеля к «искусству наживать состояние», важно отметить следующее. С точки зрения истории всемирного экономического развития хрематистика, обуславливая развитие денежной торговли, превращение в товар всех античных средств производства, продукции и самих денег, содействовала экономическому росту, воспроизводя *экономически более развитый тип древнегреческого полиса.* В целом же, аристотелевское учение о хрематистике как «искусстве беспрдельно накапливать богатство», являющемся самоцелью, можно считать своего рода предтечей экономического учения меркантилистов.

Достаточно косвенное обращение *древнеримской экономической мысли* к проблематике социально-экономической типологии Италии и других римских провинций можно обнаружить в трудах Марка Порция Катона (234—149 гг. до н.э.), Марка Теренция Варрона (116—27 гг. до н.э.), Юния Модерата Колумеллы (4—70 гг. н.э.) и Гая Плиния Старшего (прим. 23—79 гг. н.э.). Древнеримская экономическая мысль унаследовала от древнегреческой ее этическое неприятие «искусства наживать состояние» [4, 89].

Той системообразующей константой, которая придавала экономике всей Античной Италии определенную типологическую характеристику, являлись основные хозяйственно-производственные единицы — частные рабовладельческие виллы (поместья, имения). Как и в случае с содержанием древнеиндийской «Артхашастры», указанные древнеримские мыслители в своих сочинениях излагали собственное видение того, как наиболее рационально использовать средства производства той эпохи: землю, скот, рабов и т. д. Эти вопросы были достаточно актуальными в условиях тогдашнего общего кризиса рабовладения, порожденного как относительно низкой доходностью рабовладельческих вилл, так и восстаниями рабов.

Такие сочинения, как «О земледелии» Марка Порция Катона, «О сельском хозяйстве» Марка Теренция Варрона, «О сельском хозяйстве» Юния Модерата Колумеллы и «Естественная история» Гая Плиния Старшего, содержат более или менее подробные советы по рациональному обустройству и максимизации прибыльности виллы. Необходимо было учитывать ее площадь, характер местности и климата, количество и качество производственных инструментов, численность рабов и особенности обращения с ними, условия взаимодействия с товарными рынками, потребность в эксплуатации не только рабского, но и наемного труда, перспективы отказа от рабского труда в пользу колоната [8, 101—105].

Упомянутый кризис древнеримского рабовладельческого строя, все более усугублявшийся со второй половины II в. н.э., способствовал вынужденному отказу владельцев вилл от применения ими труда рабов и широкому распространению колоната. Колонат представлял собой сдачу в аренду земли, скота, рабов и производственного инвентаря свободным земледельцам, отпущенным на

волю рабам, а также представителям варварских народов в обмен на получение от них денежной или же натуральной арендной платы.

На наш взгляд, именно колонат и воспроизводил условную принадлежность европейских, североафриканских, ближневосточных провинций Поздней Римской империи *к тому типу стран, которые принято именовать «странами с переходной экономикой»*. Конечно, сказанное необходимо понимать не «вульгарно-аналогично», т. е. не «буквально» и, таким образом, не волюнтаристски, а в свете объективного, постепенного, хотя и дискретного исторического перехода от рабовладельческих отношений к феодальным.

Несмотря на дальнейшее закрепощение колонов, обусловившее их некоторое приравнение к рабам, колонат был более прогрессивной формой социально-экономических отношений. Он превращал тогдашние средства производства в товар и источник ренты, способствуя развитию и натурального, и денежного обмена. Антирабовладельческие социально-экономические трансформации получали частичную поддержку со стороны Юния Модерата Колумеллы и, напротив, полную — со стороны Гая Плиния Старшего [8, 105—106].

Увы, сочинения всех данных древнеримских мыслителей не содержат сравнений уровней социально-экономического развития тех или иных стран. В них лишь указываются различные типы почв, способы их обработки и удобрения, а также климатические особенности, имевшие место в римских провинциях (Италия, Фракия, Сирия, Африка, Египет, Галлия, Британия, Иудея). Эти факторы влияли на урожайность тамошних сельскохозяйственных культур [4, 192, 241].

В свою очередь, живой интерес к познанию отличавшихся уровней социально-экономического развития не только римских провинций, но и соседних с римлянами и не покоренных ими «нецивилизованных» народов проявляли и выдающиеся древнеримские историки.

Так, Публий Корнелий Тацит (55—120 гг. н. э.) в своем известном историко-страноведческом сочинении «О происхождении германцев и местоположении Германии» отмечает *следующие хозяйственные и технологические факторы, свидетельствовавшие об экономическом отставании всех тогдашних германских племен от*

народов развитой греко-римской цивилизации. Например, им отмечается, что древние германцы «не живут в городах и даже не терпят, чтобы их жилища примыкали вплотную друг к другу»; они не владеют технологией обработки каменного строительного материала: «строят же они, не употребляя ни камня, ни черепицы; все, что им нужно, они сооружают из дерева»; им совершенно неизвестно рабовладение [6, 360, 364].

Однако и среди самих тогдашних германских племен имела место *определенная, хотя далеко не контрастно-разительная типологическая дифференциация по уровню социально-экономического развития.* Она обуславливалась лишь некоторым межплеменным различием в степени преобладания ранних и последующих способов добычи средств к жизни. Это являлось отражением известной, исторически обусловленной стадийности приобщения человека к различным видам хозяйственного освоения окружающего мира. Поэтому Тацит отмечал: «Относительный уровень цивилизованности разных германских племен зависит от той степени, в которой сельское хозяйство и пастушество преобладают в их способе добычи пропитания над охотой» [10, 95].

Таким образом, некоторые первоосновы научного знания о социально-экономической типологии стран мира можно обнаружить во всех вышеприведенных правовых, философских и экономико-прикладных источниках, созданных в эпоху Древнего мира в Месопотамии, Индии, Китае, Греции и Риме. Их авторы, опираясь на собственные правовые, метафизические, этические и хозяйственные представления, обращаясь как к прошлому, так и современному им опыту хозяйственного развития тогдашних стран, формулировали прообразы экономически развитых и, напротив, экономически отсталых стран.

Критерием условного отнесения ими той или иной конкретной страны к одному из этих двух типов, в частности в свете перспективы ее экономического благополучия или же бедствования, являлась не только проводившаяся там хозяйственная политика, но и господствовавшие в ней ценностно-мировоззренческие представления о добре и зле, истине и невежестве, правильных и неправильных отношениях между правителем и народом.

Так или иначе, но уже древними мыслителями выдвигался дискурс, постулирующий существование стран мира, типологически отличающихся друг от друга по уровню социально-экономического развития. Их представления о проблемах хозяйственного развития древних стран и путей их решения, формировали первые условные межстрановые модели социально-экономической типологии. Очевидная типологическая ограниченность таковых моделей, являвшихся преимущественно двухсоставными, обуславливалась преобладанием в странах Древнего мира сельского хозяйства, основанного в значительной мере на использовании рабского труда. Как консервативные, так и новаторские пути развития сельского хозяйства, прежде всего земледелия, в условиях рабовладения и его позднеантичного кризиса и представляли собой ту «историческую магистраль», которая была призвана, по мнению древних мыслителей, возвысить экономику одной страны над экономикой другой. В частности, это было актуально в свете неизбежного перехода от рабовладения к феодализму, что имело место в позднем греко-римском античном мире.

Литература

1. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. *Артхашастра, или Наука политики*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 793 с.
3. *Древнекитайская философия: Собрание текстов*: В 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1972. 363 с.
4. *Катон, Варрон, Колумелла, Плиний*. О сельском хозяйстве / Под ред. М.И. Бурского. М.; Л.: ОГИЗ—СЕЛЬХОЗГИЗ, 1937. 301 с.
5. *Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу)*. Изд. 2-е, доп. / Пер. с кит., вступ. ст., коммент., послесл. Л.С. Переломова. М.: Ладомир, 1993. 391 с.
6. *Корнелий Тацит*. Соч.: В 2 т. Т. 1. *Анналы*. Малые произведения. Л.: Наука, 1969. 443 с.
7. *Ксенофонт Афинский*. Сократические сочинения / Под ред. Д.А. Горбова, В.О. Нилендера, П.Ф. Преображенского; пер., статьи и ком. С.И. Соболевского. М.; Л.: Academia, 1935. 417 с.

8. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. I. От зари цивилизации до капитализма / Под ред. Г.Г. Фетисова. М.: Мысль, 2004. 718 с.

9. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2016. 1311 с.

10. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автомова. М.: Издат. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. 384 с.

References

1. Aristotel'. Soch.: V 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1983. 830 s.
2. Arthashastra, ili Nauka politiki. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. 793 s.
3. Drevnekitajskaya filosofiya: Sobranie tekstov: V 2 t. T. I. M.: Mysl', 1972. 363 s.
4. Katon, Varron, Kolumella, Plinij. O sel'skom hozyajstve / Pod red. M.I. Burskogo. M.; L.: OGIZ—SEL'HOZGIZ, 1937. 301 s.
5. Kniga pravitelya oblasti SHan (SHan czyun' shu). Izd. 2-e, dop. / Per. s kit., vstup. st., komment., poslesl. L.S. Perelomova. M.: Ladomir, 1993. 391 s.
6. Kornelij Tacit. Soch.: V 2 t. T. 1. Annaly. Malye proizvedeniya. L.: Nauka, 1969. 443 s.
7. Ksenofont Afinskij. Sokraticheskie sochineniya / Pod red. D.A. Gorbova, V.O. Nilendera, P.F. Preobrazhenskogo; per., stat'i i kom. S.I. Sobolevskogo. M.; L.: Academia, 1935. 417 s.
8. Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov: V 5 t. / T. I. Ot zari civilizacii do kapitalizma / Pod red. G.G. Fetisova. M.: Mysl', 2004. 718 s.
9. Platon. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome. M.: Izd-vo AL'FA-KNIGA, 2016. 1311 s.
10. Rajnert E.S. Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi / Per. s angl. N. Avtonomovoj; pod red. V. Avtonomova. M.: Izdat. dom Gos. un-ta — Vysšej shkoly ekonomiki, 2011. 384 s.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Информация в поисках отчего мира*

Аннотация. Исследуются предметно-категориальные связи информации — концепции — смысла. Информация создает контексты, преобразующие факты в базы данных, устанавливая шаблоны их сбора, классификации и отбора. В рамках и посредством контекстов факты-данные превращаются в факты-информанты, в информацию, в ментальные полуфабрикаты концептуального знания. Концепция требует дальнейшего преобразования информации, создания идеальной или абстрактной системы, в которой есть основания-аксиомы, методологические правила-алгоритмы работы причин в сфере фактов-информантов, логически доказанные и проверенные выводы. Концепция идеально представляет работающий причинный алгоритм вещи, дела, мысли, со-знания. Смысл требует выявления целевых причин, которые служат субстанцией, определяющей целостность предмета и субъекта.

Ключевые слова: факты, информация, концепция, смысл.

Abstract. The article investigates categorical relationship of information as a concept and meaning. Information represents facts (data) in context together with templates, programs, algorithms for their collection, classification and selection. Within and through contexts, facts and data turns into facts and informants, into information, into mental semiproducts of conceptual knowledge. The concept requires further transformation of information, the creation of an ideal or abstract system in which there are grounds and axioms, methodological rules and algorithms for the work of causes in the field of facts and informants, logically proven and proven conclusions. The concept perfectly represents a working causal algorithm of things, deeds, thoughts, co-knowledge. The meaning requires the identification of target reasons that serve as a substance that determines the integrity of an item and a subject. The meaning is the highest life-giving

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Информация в поисках отчего мира // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 213—228. DOI: 10.5281/zenodo.15424531.

value uniting the organics of knowledge, light and love. Semantic understanding is perceived and valued as wisdom.

Keywords: facts, information, concept, meaning.

УДК 101; 16

ББК 87

«Тексты», подтексты, контексты информации

Актуальны зловещие мысли Гераклита: «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей, что все возникает через вражду... Война — отец всех вещей и всего царь» [5, 201, 202]. Сегодня этот «отец» и «царь» возводит очередную «вещь» — новый миропорядок, призванный увековечить рабство большинства. Основным орудием этой военной стройки является *информация*. Данный фактор управляет технологиями, оружием, людьми, через него промысел вершит свои планы. Информация преобразует образы мира и судьбы, обещая улучшить мир именем нового бога, ему единому давая ключи нового слова и жизни.

Однако сущность и телеология этого фактора остаются неясными. Какая реальность высказывается посредством информации? Какой мир формируется в лоне информации? Чем грозит человечеству информационный соблазн? Чего желают ее князья, ангелы и демоны? Что таит в себе волшебная информационная сила, вызванная человеком в бытие?

Превращение информации в крикливого гегемона современной истории требует идейно-метафизического и смыслового анализа ее бытийного статуса. Информация — один из таинственных деспотов нынешнего человеческого мира. Трудно постижимый феномен. Информация детерминирует, формирует облик, цивилизационные алгоритмы современного мира, укрывая в своих технологиях его судьбу. Ключи нашей эпохи находятся в руках этого рокового агента, ускользающего из смысловых сетей Духа в созданный ею искусственный интеллект. Информация — демиург, конструктор, диктатор, соблазнитель, судья, палач современного мира, его апофатический и апокалиптический наркотик, вестник последних времен, криптоконцепт разума, последняя Вавилонская башня [6]. Хватит! Да нет! Мы в обиде оттого, что в ответ на почитание информации она

изгоняет из человека человека, превращая его в биофлешку, в неведомого монстра.

Рассмотрим общий контекст, в котором работает информация. С этой целью познание представим в виде структуры, которую образуют связи-взаимодействия *фактов — баз данных — информации — концепции (теории) — Духа (смысла)*. Знание — термин, выражающий семейно-родовое сходство этих феноменов ментального мира, хотя информация ведет сражение за право быть родовым качеством и определителем и самого знания.

Факты — это любые реалии, зафиксированные в числе, знаке, слове, образе, символе, помещенные на любом носителе. Факты представляют реальность как совокупность атомарных элементов, которые используются в познании, управлении, практике. Например, 33 — это факт сам по себе в качестве элемента некоторого количественного множества.

Преображение фактов в контексты баз данных придает им качество информации, создавая шаблоны их поиска, сбора, классификации. Так, число 33 являет контекст в русском фольклоре. Старик, поймавший золотую рыбку, до этого рыбачил 33 года; Илья Муромец лежал на печи 33 года, пока волхвы не раскрыли ему его богатырскую силу. 33 обозначает количество богатырей, охраняющих Иное царство. В контексте христианства 33 — это возраст Спасителя. В антропологическом контексте число 33 символизирует возраст, в котором у человека формируются (должны!) все его силы. Контекст число русского языка охватывает 33 буквы. В плане ориентации эта цифра может быть паролем, номером квартиры, маршрута. Число 33, как и любое число, является ключом для входа в *контекстное содержание* безмерного количества реалий и ситуаций.

В контекстах баз данных факты превращаются в факты-информанты, в информацию, в знаниевые полуфабрикаты, которые используются при последующем решении различных задач.

Концепция совершает дальнейшее преобразование фактов, баз данных, информации, создавая абстрактную систему, в которой есть основания-аксиомы, методологические правила-алгоритмы, логически доказанные выводы. Число-информация 33 в зависимости от концептуальных контекстов становится сюжетом сказки, сакральным

текстом, мемориальным домом, паролем, этажом и др. Концепция абстрактно представляет *работающий причинный алгоритм вещи, дела, мысли, со-знания*.

Дух опирается на знание *целевых, смысловых причин* изучаемых предметов, событий, жизненных ситуаций и действий. Такие причины служат субстанцией, определяющей целостность предмета, субъекта, сохраняющей их идентичность, выступая творящей силой бытия и человека. В Духе знания не только раскрывают тайны вещей, но и сами творят тайну, становятся работающей тайной, действенным сакральным архетипом.

Еще пример. Для возведения здания нужны *материалы* — камни, цемент, металл, стекло, дерево, краски. Но в природе нет этих субстанций в нужном виде. Поэтому нужна стройиндустрия, превращающая материю в строительные *полуфабрикаты*. Так материя становится базами данных, *стройматериалами-информацией*. Она становится *концептуальным знанием* при наличии проекта, субъекта и технологий возведения зданий (основания-фундамент, строительные алгоритмы-операции). Знание становится *Духом, мудростью*, когда устанавливаются смысловые причины, по которым стройматериалы становятся то храмом, то университетом, то жилым домом, то детским садом, то тюрьмой. Дух ищет истоки этих зданий в архетипах исторических времен, которые содержат в себе архитектурные тайны бытия.

Но представим ситуацию, когда весь строительный цикл завершается лишь стройматериалами без постройки зданий. Или остановим познание лишь на указание контекстов, в которых работает число 33, не превращая их в концептуальные знания. Во всех этих случаях информация, ставшая базовой детерминантой познания и жизни, превращается в безмерное накопление средств без их преобразования в концепции, цели и смыслы, т. е. становится информационным потоком, Смысл всегда имеет патронов больше, чем информация и материя. И эти патроны всегда находятся в стволе Духа и всегда готовы выстрелить в демонов хаоса.

Итак, информация ищет, собирает, формирует, выбирает, собирает, упорядочивает факты в *базах данных*. (Попутно, она еще и фабрикует квазифакты, факты-фейки.) Концепция ищет причины, законы фактов. Дух раскрывает идейные, смысловые детерминанты

фактов, объясняет их, управляет ими. В этой знаниевой цепи информация абсолютно необходима, но она должна регулироваться целями, смыслами субъекта, концепций и Духа. Иначе она станет дезинформацией, фейками и потопом.

Таким образом, информация, как, скажем, и вода, — необходимое благо. Недостаток информации, как и воды, порождает угрожающие проблемы. Но и избыток информации, как и воды, заливают знание и смыслы, становится потопом¹, так как сама информация не имеет в себе внутренней регулирующей меры. Вода создает реки, озера, моря, океаны, но берега создает не вода, а другие силы. Реальные, управленческие, ментальные и экзистенциальные «тексты», контексты, подтексты, методы, алгоритмы информации создаются концепциями и Духом.

Информация есть незаконченная, посредствующая реалья, а потому она постоянно стремится к повторению одного и того же, к самоумножению, замыкаясь в сфере баз данных, не стремясь к переходу в высшие формы. Информация не воспринимает концептуальные, идейные и духовно-смысловые измерения фактов, которые не ограничиваются сферой баз данных, а вопиют к Духу, к идеям, к своим смысловым архетипам.

Своими методологическими нормами она организует факты, превращая их в базы данных. В этом плане информация противопоставляет хаосу и энтропии, созидая некие хаосмосные реалии, знаниевые полуфабрикаты концептов и смыслов.

Долгое время разум успешно работал на основе взаимодействия теории и фактов. Но сегодня работа с эмпирией технологизируется, а взаимодействие с фактами расщепляется на три уровня: *факты, базы данных — информация, теория*. Информация в этом плане выступает неким *полуфабрикатом* для концептуального знания.

Возникновение *баз данных*, их оформления в качестве информационного посредника между фактами, концепциями и смысловым

¹ Библейский потоп есть символическое изображение информации, перешедшей в режим сверхизбытка, разрушающего разум и сознание. Языком, глаголами потопной информации высказывается бездна, превращающая все сложные, организованные реалии во множества элементов, в элементные состояния.

пониманием обусловлено развитием рыночной экономики, достигшей уровня глобального империализма. Рынок прямо и непосредственно вмешался в познание, в гносеологию, создав в ней свою институциональную и технологическую инфраструктуру. Информация превращает познавательные проблемы в рыночные, финансовые операции. Информация в строгом смысле слова есть знание фактов (= баз данных) в качестве товара.

Рынок преобразует факты в базы данных и посредством информации превращает их в производительные и коммерческие силы. А информация в этом контексте стала формой капитала, его когнитивным императором. Если деньги — всеобщий товар, то информация — всеобщая абстракция, представляющая все реалии и знания в качестве баз данных. И как деньги не могут заменить реальные товары, так и информация не может заменить концептуально-смысловое знание. И как империализм есть паразитический, загнивающий капитализм (Ленин), так и информационный гегемонизм есть паразитический, загнивающий вид гносеологии.

В этом плане рынок, преобразуя факты в базы данных, создает для субъекта роковой информационный тупик, в котором его ожидает гибель в информационном потоке от избытка информации. Рынок блокирует возможные переходы от фактов к концептуальным гипотезам и далее — к идейному, духовно-смысловому пониманию. А ведь в самих фактах, в их подборе, в базах данных скрыто содержится указание, как их следует концептуально осмыслять и понимать.

Сегодня разворачивается экономическая и политическая борьба за право собственности на базы данных. Кто может и должен быть собственником баз данных? Индивиды? Государство? Корпорации? Наука? Кому должна принадлежать информация о человеке? Ведь она может использоваться как во благо человека, так и в античеловеческих целях.

Информация — силовая компонента знания

Информации присуща некая неотвратимая сила. Факты — упрямая вещь, но это упрямство им придает содержащаяся в них информация, представляющая директивную, силовую константу зна-

ния, о чем гласит афоризм Ф. Бэкона: «Знание — сила»². Информация есть идеократическая сила, властно принуждающая человека корректировать направление, характер своего мышления, изменять или приостанавливать свои действия. Любая информация и знание скрыто вызывают к аргументам административного или уголовного кодекса, даже к аргументации костра. И лишь Дух вызывает к правде сакральной троицы света, смысла и любви.

Ж. Бодрийяр точно описал этот силовой императив информации: «Информация переводит все наши категории в эру неестественного, где речь идет не о желании, но о том, чтобы заставить желать, не о действии, но о том, чтобы заставить делать, не о стоимости, но о том, чтобы заставить стоять (как это видно на примере любой рекламы), не о познании, но о том, чтобы заставить знать. И, наконец, последнее по порядку, но не по значению — не столько о наслаждении, сколько о том, чтобы заставить наслаждаться». Ведь «информация — не знание, а то, что заставляет знать» [1, 68, 69].

Нет, информация — это знание, но знание-полуфабрикат, взявшее из фактов силу, но еще не ставшее концепцией. Однако здесь важен другой вопрос. Кто же является кошмарным субъектом информационного насилия, принуждающего знание работать диктатором и «силовиком», неволящим, заставляющим даже наслаждения вкушать вопреки желанию субъекта [6]?

Сам разум является объективно-идеальным диктатором, навязывающим свою логическую необходимость человеку. В сакральном мире *силы* являются ангельскими чинами, проводящими в мире благодатные энергии Духа. Но есть и падшие *силы*. Видимо, в грехопадении возникают и первые молекулы смерти, действующие посредством абстракций, которые исправно служат не только науке, но и смерти. Воланд страшен своим точным знанием, которое действует как роковая, карающая сила смерти.

² Поговорка «Сила есть — ума не надо» вызывает сомнение: без ума сила становится жертвой своей слепоты. Могучего циклопа Полифема одолел хитроумный Одиссей. Все фольклорные чудовища сильны в телесном плане, но слабы в ментальном и в моральном плане. Информация твердит: «Сила есть факт, а ума ему не надо», а философия исправляет: «Сила факта в его скрытом уме и смысле».

Формулу абстрактной смертотворности информационного знания нашел В.И. Ленин: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движение, не прервав непрерывного, *не упростив, не огрубив, не разделив, не омертвив живого*. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, *омертвление*, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия» [4, 233].

А чья воля действует в этих абстракциях, придавая им революционную силу? Увы, это воля ничто, бездны, дьявола. Эта воля становится анонимной силой смерти, жестко принуждая человека не сворачивать с тропы греха. *Но в то же время эта сила вопреки своей программе вместе с большим злом невольно творит и малое добро*. Смерть приходит в мир вместе с информацией о смерти, сокрытой в абстракциях³. Вместе с информацией о добре и зле Адам обрел и реальность смерти [6].

В этом плане информация выступает в качестве зловещего демона, умножающего не только скорбь, но и запускающего апокалиптическое ненастье [6]. Рост информации становится ростом омертвления жизни. Поэтому фантастический рост информации не ведет к росту безопасности, осмысленности и ценности жизни, а приближает ее к какому-то безрадостному финишу. Благостная информация — островок в океане ее inferнальной стихии. А Дух благодатно исцеляет информацию через световые и смысловые силы любви к истине, хотя *истина и любовь могут вместе с большим благом невольно открывать двери и малому злу*.

³ Ф. Бэкон умолчал о концовке своего афоризма «Знание — сила». Чья это сила? В знании действует сила смерти, поражающей своими абстракциями. Поэтому следует сказать так: «Знание — сила смерти». Первую абстракцию придумал дьявол и это была абстракция смерти, которая принесла и саму смерть в человеческую жизнь. В мифах и фольклоре не умирают, а превращаются в другие формы. В древнейших мифах царят превращения, преображения, а не смерть. Сократ, знавший благодаря мистериям о смерти больше других эллинов, просил после своей кончины принести в жертву Асклепию (божеству здоровья) белого петуха, т. е. признал, что жизнь есть неизлечимая болезнь, называемая несправедливостью, и эту болезнь врачует своей справедливостью лишь смерть. Познавшие смысловые разрешения смерти теряют желание продолжать жизнь, так как правда смерти превосходит жизнь.

С одной стороны, в информации действуют силы ничто, атакующие реакциями распада смыслы, концепты⁴. Но информация порождает собственный хаосмос, блокируя движение мысли по пути преобразования фактов и данных в понятийные и смысловые структуры теорий и Духа. Информация представляет промежуточное состояние между знанием и пониманием. Она отталкивается от фактов, но не дотягивает до концепций и смыслов, застревая на уровне баз данных, разрабатывая шаблоны и средства своего умножения. С другой стороны, в информации есть элементы, вопиющие к идейно-смысловой методологии Духа, который требует собрать все «непонятки» в одном месте, создать из них систему, и тогда в непонятном зажжется смысловой свет идей и понимания.

Доминирование информационно-силового компонента ведет к разрушению смыслового основания знания, превращает его в чистую информацию, беспредельный рост которой порождает ментальную катастрофу, переводит разум и сознание в режим потопа, когда есть масса ненужных знаний, в которых тонут знания нужные. Избыток силы в знании превращает знание в *догмы*, не брезгующие и внешним насилием.

Информация создает искусственную энтропию, гипертолерантную к смыслу, уравнивая все данные на уровне количественной бессмысленности. Сто слов из желтой прессы, из текста геометрии Эвклида, поэмы А.С. Пушкина и теоремы А.Н. Колмогорова имеют одинаковое количество информации. Имеет ли информация смысл, ценность, фиксирует сущность или же является мусорной, фейковой — для таких различий она не имеет критериев. Поэтому силовое начало знания в облике информации нужно держать под жестким контролем, как огонь и воду, дабы эти стихии не перешли в режим

⁴ Разъяснение информации можно проиллюстрировать таким примером. Возьмем деньги, самую крупную купюру. Ее можно разменять на самые мелкие монеты. Но тогда денежный оборот остановится из-за обилия денежной массы. Информация и есть размен знаний и смыслов на совокупности элементов-фактов, знаков, чисел, делающих невозможным функционирование смыслов и концепций. Информация позволяет крупную купюру перевести в массу мелких монет, но вот из мелких монет создать крупные купюры она не может. Это делает концептуальная финансово-экономическая стратегия государства. Крупное, сложное возникает не из мелкого, простого, а из концептуально-смысловых решений и творений Духа, «Высшего».

всесокрушающего потока, изгоняющего смыслы, да и самого человека из человеческого мира, устанавливая диктатуру расчеловечивания.

Информация — царство фактократии и даннаизма

Информация культивирует *эмпиризм*, доводя его до эмпириототалитаризма, отрицающего посредством цифровых технологий концептуальное мышление и смыслы Духа, созидającego контексты для фактов, информации, теорий [6].

Но любая теория (концепция), даже религиозная и утопическая, по своей смысловой ценности стоит выше фактов-информантов, так как теория работает с законами фактов, а в атомарных фактах-информантах что-то бессвязное складывает торопливо бегущее время. *И не концепции опровергаются фактами (информацией), а информация и факты, вне поддержки теории, теряют свою объективную и когнитивную значимость* [6].

Информация есть нечто большее, чем факты, данные, так как она упорядочивает их количественными алгоритмами и шаблонами. Но информация есть нечто меньшее, чем концептуальное знание, так как она не выявляет законов и причин, движущих ее материей. Поэтому вне концептуальной защиты она становится добычей хаоса, произвола. Помимо фактов-информантов есть факты-паразиты, факты-симулякры, факты-фейки, факты-трансгендеры, факты-суицидники, гибнущие за новизну, факты-агрессоры, атакующие своей дезинформацией понятия и смыслы [6].

В работе с информацией имеет место не понятийное мышление, а механическая комбинаторика в формах клипов, матриц, шаблонов. Информации нужна не истина, а правильность, ибо главное в ней не согласие мысли и реальности, а соответствие мысли правилам, шаблонам, матрицам. Истины, смыслы тонут в океане сведений о фактах, ставших информацией [6].

А.А. Зиновьев в этой связи пишет: «Сейчас мне приходится иметь дело с такой информацией, из которой видно, что человечество в лице его самых выдающихся представителей перестает вообще что-либо понимать в происходящем. Очевидный бред и идиотизм начинают вытеснять всякий здравый смысл. Тексты, в которых просто,

без словесных выкрутасов говорилось бы о самых обычных явлениях, стали исключительной редкостью. Перепроизводство информации достигло чудовищных размеров. Возможности оперировать с нею превзошли самые фантастичные предположения. Стремление сказать хоть что-то оригинальное, новое толкает гигантскую армию паразитов, живущих за счет болтовни, на всяческие словесные извращения, вполне сопоставимые с сексуальными» [2, 141].

Человеку нужны не все факты, которые предлагает услужливая информация, а лишь жизненно значимые факты, в которых наиболее полно проявляются их причины. Много фактов званных, но мало концептуально избранных; мало избранных, но истину ведают лишь духоносные факты. Да и концепции нужны не все факты-информанты, а факты *типичные*, в которых скрываются законы, и факты аномальные, в которых действуют мутации самой реальности. Информация оперирует программами сбора фактов в базы данных, а теория выявляет системные контексты причин. В этом плане теория обогащает информацию, выявляя ее концептуальные перспективы, и в то же время она ценит когнитивные плоды, которые ворочаются в ее чреве, требуя перехода в состав концепции.

Важно помнить, что не только человек работает с информацией, но и информация даже больше работает с человеком, использует его как средство возрастания действующего в ней насилия и эмпириототалитаризма. Есть «хитрость информации», превращающая ее в самоцель, а человека и вещи в средства умножения ее сил, реализации ее тупикового проекта [6].

Вавилонская башня информации

Информация и ее технологический органон в форме ИИ — очередная Вавилонская башня человечества [6]. И не строить ее люди не могут, но и ее постройка грозит завершиться «как всегда». Видимо, все основные открытия уже сделаны человечеством, и сегодня оно пытается закрыть их, растворяя их в безмерной стихии информации и дезинформации, насаждая диктатуру рекламы, пиара, симулякров, спама, заменяя смыслы искусственными критериями вампирных рейтингов, уничтожающих смысловые константы вещей и людей.

Информация сама по себе ведет беззаботное, беспроблемное существование, незаметно превращая все предметные и субъектные реалии в свой ресурс. Она стала формой и способом узаконенного и веселого бездумья. Информация не считает себя частью, средством и функцией бытия, человека, а понуждает их быть своей частью, средством и функцией.

Без информации невозможно решение предметных и человеческих уравнений бытия: но и информационные технологии эти уравнения тоже не решают, так как в автономном состоянии информация растворяет решаемые проблемы вместе с их субъектами в своих беспредельных потоках. Информация заменяет естественную, спонтанную активность человека технологизированными процессами.

Информация служит материалом, сырьем умственной, управленческой, производственной работы, орудием принятия решений во всех сферах жизнедеятельности человека. Однако абсолютизация информации, ее превращение в гегемона жизни порождает ментальный потоп, который превращает информацию в дезинформацию, в безмерные потоки фейков, рекламы, пиара, подрывает концептуальные и смысловые корни разума и сознания, делая их неспособными выполнять свои когнитивные функции, превращая их в суицидные инструменты, не видящие опасностей, а если и видящие, то не умеющие противодействовать им.

Информация как полуфабрикат мысли — вне контроля со стороны концепций и смыслов, она становится дезинформацией, искусственной реальностью. Любой полуфабрикат без качественного фактосырья и без надежных концептуальных потребителей подменяется фальсификатом или разлагается.

А информационные технологии не только транслируют информацию о мире, они служат мегафабриками, которые превращают предметы, людей, познание в бесконтрольные информационные потоки, размывающие любую идентичность. Превращение всех смысловых, предметных, живых, культурных, субъектных реалий в информационные стихии упраздняет различие живого и неживого, хаоса и организации, личного и безличного, благого и пагубного. Информация упраздняет различия разумного и неразумно-безумного,

незаметно растворяя в пене своего потопа человеческий мир, который на всех парах, не сознавая этой пагубы, мчится к беде, вкладывая все свои ресурсы в прогресс информационных технологий. Рост информационной мощи не умножает блага и безопасности, а увеличивает угрозу тотального холокоста человеческого мира. Развитие информационных технологий, ИИ парадоксально превращается в сознательный проект небытия и безмыслия.

Но «информация, как раз в силу своей беспредельной объемности, трудно поддается контролю, вызывает головокружение и в конечном итоге сама себя уничтожает, потому что переизбыток информации убивает информацию» [3, 216]. Информационное общество становится мегамеханизмом, заменяющим реальность информацией, которая превращается не в концепции и смыслы Духа, а взращивает проекты, уничтожающие саму же информацию. Получив в свое владение технологии, информация начала тотальную деструкцию концептуального и духовно-смыслового мышления. Сегодня информация запустила нейросетевой технопроект, пытаясь заменить все творческие и смысловые потенции культуры механической ментальной комбинаторикой.

Диктатура информации расчеловечивает человека, превращая его в знаниевый полуфабрикат, в информационного Голема, не позволяя ему стать субъектом. А субъект не переводится на язык информации, не может стать когнитивным полуфабрикатом. Соблазняя человека иллюзией легкости, простоты, доступности всезнания, играми, развлечениями, симулякрами всевластия над миром, информация с роковой предопределенностью уничтожает память, рефлекссию, смысловые координаты, алгоритмы разума, сознания и языка, внимание, твердость и сосредоточенность воли, характер, вмняемость личности и когнитивную импровизацию экзистенции.

На фоне роста потребляемой информации идет необратимое снижение духовно-смыслового, нравственного уровня человечества, особенно его культурных, научных и управленческих страт. Становится реальной угроза потери человечеством элементарных навыков субъектности, культуры. Стратегические интересы информации и человека расходятся. Информационное цунами своим потоком сокращает саму человечность [6].

Информация стирает субъектность человека, сама становясь квазисубъектом, симулякр пустого и бесцельного субъекта. Информационному обществу нужны не субъекты, не творцы, не креативщики, а программисты, операторы, создающие матрицы и алгоритмы, которые отучают от творчества, ответственности, мысли, принуждая к бездумности, сервизму, аморальности и бесцельности [6]. Чем совершеннее техника передачи информации, тем более заурядным, скудным, серым и пошлым становится ее концептуальное и смысловое содержание. Вся ответственность ложится на программы, информационных роботов.

«Информационного человека» давно взвесила народная мудрость, определив его так: «Ни Богу свечка, ни черту кочерга». Этот человек теряет контроль («кочергу») над фактами и базами данных и не обретает концептуальных пониманий («свечи»). Ибо понимать, объяснять может лишь тот, кто владеет духовно-смысловыми ресурсами концепции, которая обуславливает, детерминирует факты.

Информация перемалывает человечность в сумму защитных, хотя и бессильных, а потому бесполезных стрессовых реакций. От избытка информации человечность в людях «выгорает», а от недостатка — обращается в нигилистическую, рабскую пассионарность. Параллельно с ростом информации возрастает угроза культурного концептуального, идейно-смыслового одичания. Вместе с ростом информации растет непонимание человеком того, что он творит и вытворяет, непонимание следствий своего хозяйствования, своего знания техноэкономической активности. Информационная медиократия деформирует людей, превращая их в своих доноров, вассалов, забывающих о понимании и смыслах ради служения информации, растворяясь в интернет-преисподней, становясь информационным кодом, номером-числом.

Информация — реалья и сложная, и простая. Это — полуфабрикат смысла и понимания. Но его нужно довести до ума, т. е. до концепции, раскрывающей причину, и далее до духовного знания, раскрывающего смыслы, цели, для которых информреалии есть, существуют.

Информация не совпадает с материей, культурой, социальной, знанием: информация о вещах, идеях, деньгах не совпадает с этими реалиями, хотя она и связана с ними. Поскольку информация

не выражается, не разъясняется в категориях естествознания, культуры, познания и обществоведения, вообще не говорит языком человеческим и божественным, то остается лишь одно сакрально-инфернальное допущение. Информация является инфернальной альтернативой Духа, минимально упорядочивая хаос, пытаясь вытеснить бытие, мысль, знание, смысл, заменить их абстракциями, симулякрами, искусственными реалиями, квазиобъектами. Информация — материя, форма, знание, смысл дьявольской «виртуальной реалии».

Информация становится доминирующим фактором ментального мира в эпоху торжествующего инфернализма (сатанизма). Информация сама по себе не имеет смысла, вернее, она сама является искусственным смыслом, со своим началом, концом и бездным продолжением. Информацию, как и дьявола, нельзя понять без Бога, т. е. без смыслового контекста, как фото непознаваемо без своего оригинала.

Информация — непознанный логос и гнозис инфернального, дьявольского мира. В той мере, насколько человек понимает информацию, она становится полезным, ментальным, техногенным и властным сырьем. В той мере, в какой человек не понимает информацию, подчиняется ей, она становится пагубным, смертельно опасным ментальным и виртуальным ядом. А потому «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Матф. 10:17). Информацией (как и дьяволом!?) не нужно пренебрегать, недооценивать ее роль. Нет, информацией, как и ее технологиями — ИИ, нужно профессионально владеть, но использовать во благо реального, концептуального и духовно-смыслового понимания жизни, во благо ее расширения и углубления. Дьявольский логос тоже нужно знать и понимать, дабы использовать его как средство бытия.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
2. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М., 2003.
3. Ларше Ж.К. Обратная сторона современных медиа. М., 2023.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 29.
5. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989.

6. Шулевский Н.Б. Философия хозяйства: мировоззрение, метафизика, методология // Философия хозяйства. 2023. № 6. С. 17—33.

References

1. Bodriyyar Zh. Prozrachnost` zla. M., 2000.
2. Zinov`ev A.A. Global`ny`j chelovejnik. M., 2003.
3. Larshe Zh.K. Obratnaya storona sovremenny`x media. M., 2023.
4. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 29.
5. Fragmenty` rannix grecheskix filosofov. Ch. I. M., 1989.
6. SHulevskij N.B. Filosofiya hozyajstva: mirovozzrenie, metafizika, metodologiya // Filosofiya hozyajstva. 2023. № 6. S. 17—33.

Н.Н. РОСТОВА

Русские смыслы в сказке П. Ершова «Конек-Горбунок»*

Аннотация. В статье представлена попытка провести археологию сознания русского человека на примере сказки П. Ершова «Конек-Горбунок». Автор показывает, что в главном герое сказки воплощен идеал русской культуры — чаяние преображения, которое связывается в нашем понимании с мистической пассивностью. Сопоставляя главного героя с другими культурными феноменами (литературными, религиозными), автор показывает, что для русской культуры центральной является идея двойственности ума. В отличие от западной культуры в русской культуре уму противостоит не безумие, а заумь, то, что за умом.

*Во время подготовки текущего выпуска журнала без уведомления автора статья была опубликована на сайте: https://ruskline.ru/analitika/2025/03/06/petr_ershov__narodnyi_pisatel?ysclid=m81xoz91xs717718738.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростова Н.Н. Русские смыслы в сказке П. Ершова «Конек-Горбунок» // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 228—237. DOI: 10.5281/zenodo.15424550.

Ключевые слова: искусство, русская душа, русская культура, ум, безумие, сказка, юродство Христа ради, мистерия.

Abstract. The article presents an attempt to conduct an archaeology of the consciousness of a Russian person using the example of P. Ershov's fairy tale «The Hunchback Horse». The author shows that the main character of the fairy tale embodies the ideal of Russian culture — the desire for transformation, which is associated in our understanding with mystical passivity. Comparing the main character with other cultural phenomena (literary, religious), the author shows that the idea of duality of mind is central to Russian culture. Unlike Western culture, in Russian culture, the mind is opposed not by madness, but by what is behind the mind.

Keywords: art, Russian soul, Russian culture, mind, madness, fairy tale, foolishness for Christ's sake, mystery.

УДК 80
ББК 85

В этом году исполняется 210 лет со дня рождения Петра Павловича Ершова — автора любимой народной сказки «Конек-Горбунок». На могиле писателя так и выгравировано: «Автора Народной сказки». Но разве это не оксюморон? Разве у народной сказки может быть автор? Разве авторская сказка может быть народной?

Но противоречия здесь нет, ибо искусство в пределе своем — не след оригинальности автора, но, напротив, обнаруженная «банальность», определяющее нас присутствие, которому дали слово. Оттого мы и любим искусство, что оно рассказывает нам о нас самих, а не о субъективности творца. Искусство позволяет нам прожить нами переживаемое, продумать нами вопрошаемое, оно дает нам форму собеседования с самими собой, составляя наш внутренний опыт. Автор должен отказаться от «я», преодолеть его с тем, чтобы предоставить себя тому, что его превышает. Он должен позволить через себя сказать соборному духу. Мы называем классической ту литературу, которая возвысилась до этого идеала. Она на века, потому что она о том, что близко каждому.

Эпитет «народная» к сказке Ершова — это награда автору, высшее признание его творчества. Его сказка народная не потому

что, как признавался сам Ершов, составлена по мотивам живых рассказов, а потому, что гений Ершова вернул народу у него же взятое, позволил нам услышать самих себя, узнать свои же смыслы, восхититься красотой и богатством нашей культуры. Он подарил нам «бытие собой».

Как говорил Ершов, «мне удалось попасть в народную жилку»⁵. Что же откликнулось в нас?

С первых строк автор погружает нас в пространства, безграничность которых соизмерима с широтой русской души.

«За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле
Жил старик в одном селе», — дает зачин рассказчик.

Можно сказать, что Россия такая большая, потому что пространства потребовала наша душа. Как говорит Ф. Гиренок, русские шли к Богу, а вышли к Тихому океану.

Наши шири заданы лесами и полями, наши вертикали измерены небом бездонным. Наши думы уводят в невозможное. Невозможное — не то, чего нет и быть не может, но то, что присутствует по иным законам, нежели мир земной. Перед нашим сознанием вечно брезжит эта мысль о невозможном.

В главном герое сказки воплотилась наша мечта. О чем мечтает русский народ? О райской жизни, о мире преображенном, ином, нежели здешний. Мы знаем, что правда на небе. У Бога. Впитанное нами христианство зовет нас в Царствие Небесное. Легенды повествуют о Граде Китеже. Художники и поэты пророчествуют об «Инонии». Народный быт наглядно воплощает мечту о преображенном мире в орнаментах и декоративных элементах, ритуалах и духовных стихах. Доминанта нашего сознания — отношение к вечности. Мы чувствуем себя кочевниками на этой земле. Отсюда у нас такая страсть к странничеству. Наша бродячая Русь представлена обилием

⁵ Из письма П. Ершова В. Стефановскому от января 1865 г.: «На Коньке-Горбунке воочью сбывается русская пословица: не родись ни умен, ни пригож, а родись счастлив. Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилку. — Зазвенела родная — и русское сердце отозвалось от хладных финских скал до стен недвижного Китая» [1, 580].

антропологических типов. С. Максимов различил среди них прошаков и запрощиков, кубраков, побирушек, богомолков и богомольцев, скрытников, христорожцев, калик перехожих, калунов, лаборей и нищеводов. Богомолье и паломничества были настолько распространены в нашем народе, что само духовенство предпринимало меры по их сдерживанию. От этой же безудержной страсти к невозможному утверждает наш народный обычай венчать свой дом коньком. Как говорил С. Есенин, один только русский мужик додумался посадить себе на крышу коня, уподобляя свой дом колеснице, стремящейся в небо. Мы одержимы «мистерией вечного кочевья». Нас томит тоска по новому небу.

Русское сознание говорит нам о том, что путь к *иному* лежит через зачарованную пассивность, а не мирскую активность. Потому мы и православные. Потому наш любимый герой — Иван-дурак. А главный святой, определивший нерв нашей культуры, — юродивый Христа ради. Именно святого юродивого художник Нестеров поместил в центр картины «Душа народа». Весь мир нас знает по чуду Собора Василия Блаженного, хотя именно народное сознание наделило центральным для нас Собор Покрова именем юродивого.

Кто такой Иван-дурак? Тот, кто идет туда, сам не зная куда. Ищет то, сам не зная что. Кто отказывается от своего ума. Он прост, но вместе с тем непростой. Вот Иван в сказке Ершова. Он, к примеру, может чудо-кобылицу обуздать. Непростым его и сам автор называет:

Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела...
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Может Иван справиться и с чудо-дэвицей, усыпляющей своими сладкими песнями, может и приврать братьям или царю, сокрыв своим «глупым умом» от них чудеса. Приврать, не чтобы социально преуспеть, а чтобы тайну сохранить в ее таинственности. Иван хоть

и дурак, да не глупый. С хитрецей, как скажет народ. А в чем его хитрость? В том, что он умеет главное отличить от неглавного.

Чем занят Иван? Ничем. Лежит на печи и песни поет: «Из всей дурацкой мочи: “Распрекрасные вы очи!”». Старшие братья, что поумнее, устраиваются в жизни, продают, покупают, обманывают, женятся, разживаются. А Иван к миру равнодушен. Он мечтает. Отец, чтоб с печи его согнать, обещает ему купить лубков, гороху и бобов. А что такое лубок? Народная картинка, игра для воображения. Ивану не нужно богатства, ему нужно пребывать в своем мечтательном мире. А почему он может отличить главное от неглавного? Потому что у него ум иной, не свой.

Об этом раздваивании ума говорит вся наша культура. Христианство различает ум мирской и ум Христов. Христианин — тот, кто стяжает сокровища небесные, а не земные, кто жертвует своим умом ради ума Божьего. Пределом самоотдачи является путь святости. А наглядным выражением — подвиг юродства Христа ради. В самом названии подвига заключена его суть. Юродивый — тот, кто подвизается Христа ради, достигая нищеты духовной. Кто всецело предоставляет себя Христу. Кто отрекся от всего мирского — не только от имущества, тела, страстей, но и от своего ума. Кто заплатил своим умом ради небесной мудрости. Он нищ, но в этой нищете обретается подлинное богатство. Он — человек обратной перспективы. Человек-икона. Тот, кто смотрит на мир не своими глазами, а глазами Бога. Чье поведение отсчитывается не от «я», но от Христовой истины. А потому миру оно кажется непозволительным, непонятым, предосудительным. Мир смеется над юродивым, бьет его, изгоняет. Но подлинно смеется именно юродивый, ибо смотрит на мир из божественной перспективы. Как говорит христианство, юродивый ругается миру.

В литературе о том же рассуждали Н. Лесков и Ф. Достоевский. Герои Лескова — Божьи праведники, чьи действия и слова недоступны для мирского ума. Они непостижимы даже для Церкви, как в истории с фантастическим героем Фигурой, простившим, подобно Христу, оскорбившего его казака и поплатившимся за то своей должностью, да и всей своей социальной жизнью. Мне, говорил герой, важнее всего «моя воля, возможность жить по одному завету, а не по нескольким», т. е. по Христову закону. Мир говорит ему: накажи

обидчика, защиты поруганную дворянскую честь, живи на две правды, — а он слышит Бога, правду единственную. Бога били, и Он простил. И, если ты с Ним, ты тоже простишь, хотя бы миру это и не было угодно. Так думает он, желая быть *своим* для Христа, не быть чужим Ему. Фигуру, конечно, прогоняют вон со службы, недоумевая, что перед ними за человек.

Достоевский в романе «Идиот» различает два ума — главный и не главный. Как говорит Аглая Мышкину, хоть он и болен умом, зато главный ум его таков, что другим и не снилось. Что значит «главный ум»? Можно быть умным в мире, приводить себя в соответствии с ним, соображать, ловчить, быть своевременным. А можно отвернуться от мира, оборотиться к себе в поисках правды. И стать неуместным, неугодным, «идиотом». Ведь князь Мышкин в романе Достоевского «идиот» только потому, что пытается не лгать, следовать одной правде. Он многих сбивает с толку своей вдумчивостью, точными замечаниями. Он не глуп, хотя и «идиот». Он умен, хотя его ум противен миру.

Для обозначения особого ума обзриуты придумали слово «заумь». Заумь — не отклонение от ума, не его повреждение, но то, что буквально *за* умом ум определяет. Европейская культура противопоставляет ум и безумие, норму и патологию. Ее логика горизонтальна. Она помещает человека в культуру, во внутренний конфликт с социумом. Русская культура говорит об истоке ума, что ему внеположен. Ее логика вертикальна. Человек описывается на языке мистерии, отношения к запредельному. Для нас безумец не тот, чье поведение строится вокруг бессознательного «Оно», но тот, кто обращен к невозможному. Даже братья в сказке Ершова называли Ивана не просто «дурак», а «благый дурак», т. е. блаженненький, кто при Боге.

Главный ум видит главное. Главный ум не придает значения неглавному. Старшие братья Ивана в сказке Ершова способны увидеть в редких конях, что достались Ивану, наживу — деньги, которые они выручат за их продажу. Но они не способны увидеть их красоты. Глядя на коней, они «чуть-чуть не окривели» от своих житейских фантазий на их счет. Они не способны разглядеть своим суетливым мирским умом Конька-Горбунка, кто «на земле и под землей» будет верным товарищем. Ослепленные миром, братья не могут принять

его «службу», отдаться этой службе. Для них он только «чудная зверушка», предмет праздного разговора. В огоньке, что забрезжил перед ними по дороге в город, они видят повод избавиться от Ивана. «Чтоб тебя там задавило!» — коварно про себя думает один из братьев, отправляя на разведку Ивана. Для их ума непостижимо, что то светит перо волшебной Жар-птицы.

В Иване они видят дурня. А он умнее умных. Он был последним, а стал первым. Положившись на мудрость конька, из деревенского парня он превратился в царского слугу, коновода. Его оклеветали в царских палатах, а он стал стремянным. Царь устроил ему смертное испытание с кипящими котлами, а он преобразился в красавца, взял в невесты Царь-девицу и сам сделался царем.

Почему последний стал первым? Потому что Иван не искал для себя наживы. Не держался своего «я». Он доверился чуду. Братья испугались сторожить ночное поле. На одного «боязнь напала, и со страхов наш мужик закопался под сени», у другого от ужаса «зубы начали плясать; он ударился бежать — и всю ночь ходил дозором у соседки под забором». Чего испугались братья, разве на них кто напал? Ночи ненастной они убоялись, т. е. собственных страхов. А почему? Потому что тот, кто одержим «я», всего боится. Христианство различает два страха — страх психологический и страх Божий. Кто уповает на себя, тот боится даже тени своей, как говорят учителя Церкви. А тот, кто уповает на Бога, ничего не боится. Один страх исключает другой. Иван послушно идет стеречь поле, как велел отец, он не ловчит, как его братья, не обманывает и в награду за свое послушание зрит то, что не видел никто. Невидимое становится для него видимым.

Когда нужно пройти последнее испытание, конек предупреждает его:

Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котел с водой вареной,
А оттудова в студеной.

А теперича молись
Да спокойно спать ложись.

Конек говорит ему «не зевай», т. е. не раздумывай, не держись своего ума, отвергни его, поверь в чудо. Не планируй, а «молись да спокойно спать ложись». Иван так и сделал. Когда конек совершил перед котлами все, что обещал:

На конька Иван взглянул
И в котел тотчас нырнул.

Он нырнул «тотчас», положившись не на себя, а на ум конька. Чудо никогда не соизмеримо с ожидаемым. Чудо всегда превыше. Оно немислимо. Иван хотел бы остаться живым, да не только чудесно спастись от смерти, но был одарен высшей наградой. Он повенчался с самой красотой и небесной мудростью.

Сказка расставила все на свои места: красота и добро восторжествовали, хитрые братья остались ни с чем, т. е. лишь со своим убогим мирским, неумный в своих желаниях царь от них же и погиб, повинившегося кита простили, ослушавшийся раз конька Иван, взявший вопреки предупреждениям перо Жар-птицы, прошел до конца все испытания. В сказке несложно проследить структуру мистерии — отказ от относительного, продвижение к абсолютному, встречу с абсолютным. А также усмотреть в чудо-коньке проводника в иной мир, а в невесте — благодать, ведь, скорее, это она его в женихи взяла, нежели он ее активно добился. Но хотя сказка и христианизирована, Ершов показывает и оборотную сторону женственности нашей культуры.

Автор венчает небесный мир, в котором побывал Иван, православным русским крестом из звезд. В этом путешествии Ивана он поселяет в нашем сердце щемящую тоску о небе. Как пишет Ершов:

Тут Иван с землей простился,
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
«Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво, —
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян, —
А как с небом-то сравнится,

Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..».

И мы хотим обрести голубую землю под ногами, пролететь над лазоревыми полянами. Но, отправляя нас с героем туда, где «небо сходится с землею, где крестьянки лен прядут, прялки на небо кладут», вместе с тем автор обнаруживает в нас беспечность, наше упование на то, что все как-то само образумится и мир превратится в молочные реки с кисельными берегами. Как говорит Ершов в эпиграфе к третьей части:

Доселева Макар огороды копал,
А нынче Макар в воеводы попал (sic!).

Нам хочется верить, что «Макар» чудесным образом воеводой станет, никто обернется кем-то. Нам близки несложные соображения Ивана, попавшего к царю на службу и требующего от него, чтоб тот высыпаться ему давал:

Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красном платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься...
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить...
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!

За наш идеал внутреннего человека, зрящего на мир периферическим зрением и грезящего о высшей истине, мы платим обратной стороной мистической пассивности. Мы не только носим в себе своего внутреннего «Обломова», но, как сказал бы Е. Трубецкой, в сладком, мистическом сне оказываемся открытыми для темных, разрушительных сил.

Но только в этой предельной самоотдаче стяжается высшая истина. Мы верим в провидение, прочитывая свою историю как необъяснимые, чудесные превращения птицы Феникс, всякий раз возрождающейся к новой, блистательной жизни.

Литература

1. *Ершов П.П.* Конек-Горбунук. Избранные произведения и письма. М.: Парад; Бибком, 2005. 627 с.

References

1. *Ershov P.P.* Konek-Gorbunok. Izbrannye proizvedeniya i pis'ma. M.: Parad; Bibkom, 2005. 627 s.

И.Г. МОРОЗОВ

Философские основания догматики Карла Барта. Бог как имманентная трансценденция*

Аннотация. В статье представлен анализ opus magnum К. Барата — швейцарского теолога середины XX в. — «Церковной догматики». Автор статьи полагает, что метод бартовской диалектики, частично почерпнутый у С. Кьеркегора, не снимает проблему трансценденции Божественного откровения. Более того, бартовские «возвещение», «христология» и «сказывание», наоборот, указывают, что человеческое бытие здесь-и-сейчас не обладают собственной «личностью», что человек во всем зависим от Бога и что «снять» Божественную «сокрытость», отдаленность и трансцендентность невозможно.

Ключевые слова: К. Барт, А. Ричль, С. Кьеркегор, Г.Ф.В. Гегель, философия религии, экзистенциализм, диалектика, догматика.

Abstract. The article presents an analysis of the opus magnum of K. Barat, a Swiss theologian of the mid-twentieth century, «Church dogmatics». The author of the article believes that the method of Barthes' dialectics, partially learned from S. Kierkegaard, does not solve the problem of the transcendence of Divine revelation. Moreover, Barthes' «gospel»,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Морозов И.Г. Философские основания догматики Карла Барта. Бог как имманентная трансценденция // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 237—262. DOI: 10.5281/zenodo.15424570.

«Christology» and «οι λόγους», on the contrary, indicate that human existence here and now does not have its own «personality», that man is dependent on God in everything and that it is impossible to «remove» the Divine «concealment», remoteness and transcendence.

Keywords: K. Barth, A. Richl, S. Kierkegaard, G.F.V. Hegel, philosophy of religion, existentialism, dialectics, dogmatics.

УДК 101
ББК 87

В нашей прошлой статье мы много говорили о догматике в экзистенциальной философии С. Кьеркегора (см.: [4]). Учение Кьеркегора, вне всяких сомнений, оказалось очень важным для К. Барта. О факте влияния Кьеркегора на Барта в работе «Теология К. Барта» писал Х.У. Бальтазар: «Любой исследователь, знакомый с идеализмом Гегеля и Кьеркегора, увидит, что Барт наследует их мировоззрение». И уточнил: «Его (К. Барта. — *И.М.*) трепет перед священным был очень похож на “трепет” в философии религии Кьеркегора» [8, 24]. Сравнительно недавно об этом высказался М. Пылаев: в монографии «Категория “священное” в феноменологии религии, теологии и философии XX века» он отмечает, что «в “Церковной догматике” К. Барта без труда угадываются элементы экзистенциально-философского дискурса» [5, 184]. Согласно Пылаеву, Барт заимствует многие термины из дискурса Кьеркегора, к примеру способ говорения о «Времени Бога». «“Время Бога” не должно зависеть от исторического времени. Этот момент К. Барт назвал мгновением, заимствуя термин “Augenblick” у С. Кьеркегора», — пишет Пылаев [5, 186]. Факт влияния также отмечают в предисловиях от переводчиков супруги Исаевы: например, в предисловии к «Страху и трепету» читаем: «...к Кьеркегору непосредственно обращается К. Барт (вначале в своем журнале “Междувременье”, а затем и в знаменитой монографии “Послание к Римлянам”)...» [3, 17]. Именно Исаевы в своих предисловиях нередко называют Кьеркегора «основателем “диалектической теологии”», той самой, которую Пылаев в монографии выделяет как ключевой теологический метод Барта [5, 192].

Исходя из этих исследований, подчеркнем, что основная интенция бартовской философии религии — трансцендирование Бога

— есть продолжение кьеркегоровской экзистенциальной дилеммы, ведущей к его же пониманию догматики — «движению веры». Ранее мы говорили, что Кьеркегор принципиально отдалял свою систему мысли от гегелевской именно тогда, когда говорил о возможности личной со-экзистенции человека с Богом. Мы подчеркнули, что этот синтез был принципиально антигегелевским, хотя формулировался посредством гегелевской терминологии. Он был направлен против Гегеля как раз потому, что Кьеркегор считал полный синтез невозможным, датский философ полагал, что единственный способ приблизиться к «истине» Бога состоит в постоянном преодолении себя, постоянном движении, настолько тонком и искусном, что Кьеркегор назвал это движение танцем⁶. Следует ли К. Барт за Кьеркегором и мотивами популярной (во времена Барта) экзистенциальной философии и проблематики или пользуется какими-то иными, более актуальными, на взгляд Барта, принципами? Является ли бартовская концепция новой в контексте проблематики философии религии его времени или это возвращение к Гегелю, только сформулированное другими терминами? Определяет ли Барт догматику, «снимает» ли его рассуждение проблему терминологических границ понятия «христианство»? На все эти вопросы мы постараемся ответить в этой статье. Напомним, что наше исследование не ориентируется на полный свод бартовской догматики. «Церковную догматику» Барт писал до 1963 г., можно сказать до дня своей смерти, здесь мы будем говорить о тех томах этого *opus magnum* К. Барта, которые непосредственно предшествовали таким работам К.С. Льюиса, как «Чудеса» (1942) и «Просто христианство» (1953), т. е. только о первых четырех томах «Церковной догматики».

Апологетический аспект философской теологии Карла Барта

Карл Барт — швейцарский теолог Кальвинистской школы, один из отцов современной кальвинистской догматической теологии. Работы К. Барта, посвященные вопросам теологии, были широко известны, в частности, благодаря тому, что Барт постоянно участвовал в полемических спорах, о чем нам, к примеру, сообщает исследова-

⁶ Подробнее см.: [4].

тель бартовского корпуса текстов Х. Бальтазар: «В 1927 г. Барт читает лекцию “Концепция церкви”, она вызвала бурную дискуссию в теологическом сообществе. Затем, в 1928 г., Барт читает еще одну лекцию “Римский католицизм и его вопросы к протестантским церквям”...» [8, 4—5]. Кроме того что Барт постоянно участвовал в дебатах, его работы зачастую содержали острую критику современной ему теологической мысли. Так, в работе «Послание к Римлянам» Барт критикует своего учителя Адольфа фон Гарнака, а в «Церковной догматике» — своих бывших соратников П. Тиллиха и А. Ричля.

Тут необходимо указать, что «Церковная догматика» вовсе не является бартовским оригинальным проектом: до него проблема консолидации догматических положений христианской церкви ставилась в «Догматиках» Э. Бёля (1887), А.Е. Бидермана (1869), Р. Зиберга (1924), Х. Людемана (1926) и многих других⁷. Тем не менее, именно бартовская «Догматика...» стала одной из самых цитируемых теологических работ XX в. Мы считаем, это потому, что Барт в каком-то смысле умудрился встать на краю протестантского модернизма, там, где сквозь взаимозакрытые концепции «догматики» мерцала «открытость» кьеркегоровской «экзистенции».

В «Церковной догматике» К. Барт, описывая возвешение, утверждает: «Церковному возвешению должно соответствовать и помогать церковное богословие, и в особенности догматика. Богословие, и в особенности догматика, есть, в отличие от всех разрозненных ответов на непредметные вопросы, концентрированная озабоченность церкви своей главнейшей ответственностью <догматика есть> единственное, что ей (церкви. — *И.М.*) необходимо, единственное, что она может делать в отношении наглядного средоточия ее жизни...» [1, 47—48]. Здесь Барт говорит о возвешении⁸ как о единственном виде догматики, а о догматике как о единственном способе говорения о Боге. Мы же считаем необходимым уточнить следующий аспект: утверждают, что догматика не вопрошает о своих основаниях и говорит о том, *что* есть истинно Бог, тогда как апологетика,

⁷ Важно, что Барт отнюдь не отрицает свою принадлежность к этой традиции, так, например, в «Церковной догматике» он активно цитирует Бёля.

⁸ Пока позволим себе умолчать о сущности «возвешения». Подробнее о «возвешении» см. далее.

скорее, предполагает ответ на вопрос, *как* Он есть. Однако К. Барта сложно назвать как апологетом христианской морали, так и ее «отцом». В работах швейцарского теолога мерцает желание утвердить свое понимание ключевых догматических аспектов, таких как, например, непорочное зачатие или генеалогия чудес, творимых Христом. Соответственно, как и «Послание к Римлянам», «Церковная догматика» является апологией бартовской теологической позиции, что мы и попытаемся доказать далее.

В отечественной философии религии бартовский проект рассматривался как апологетический в работах М.А. Пылаева. Пылаев предлагает начать с характеристики основной интенции всей бартовской теологии. В статье «Философия и теология в “неоортодоксии” Карла Барта» он описывает эту интенцию так: «Используя различные формы философских дискурсов, К. Барт реализует свою собственную задачу построить христианскую теологию вне метафизики, истории и человеческой экзистенции» [6, 24]. На взгляд Пылаева, эта интенция бартовской теологической мысли принципиально неосуществима. «...Попытка создания чистой теологии неизбежно рождает новую форму философии», — пишет он в монографии «Категория “священное” в феноменологии религии, теологии и философии XX в.» [5, 186]. Остановимся на этом, чуть ли не диалектическом понимании интенции Барта. Почему Пылаев прибегает к диаметрально противоположным формулировкам именно тогда, когда речь идет о философии религии внутри теологической рецепции К. Барта?

Мы считаем, что Пылаев точно определяет бартовское направление мысли, когда пишет: «...на примере К. Барта можно поставить как вопрос о разграничении предметной сферы и понятийности теологии с философией, о рефлексии по поводу самоопределения философии и теологии, так и вопрос об эксплицировании христианской догматики в связи с учетом открытий немецкой классической философии...» [6, 25]. Здесь для нас будет важно следующее: «Церковную догматику» (а также другие сочинения) К. Барта *нельзя* однозначно характеризовать либо как философию религии, либо как теологию. Вслед за Пылаевым мы считаем такую постановку вопроса некорректной.

Однако как все это связано с вопросом о том, является ли позиция Барта чисто догматической или апологетической? Для ответа

на него мы воспользуемся характеристикой Хейле, которую он дал теологической концепции Шлейермахера: «...он <выступает> как современный человек, следовательно, как мыслитель, стало быть, как этик, стало быть, как философ религии, стало быть, как философствующий теолог, стало быть, как *апологет*, наконец, как *догматик*...»⁹. Заметим, в этой характеристике Хейле такие качества, как «философ религии», «теолог», «догматик» и «апологет» (мы даже позволили себе выделить два последних), перечисляются через запятую как тождественные по значительности. Подчеркнем: Пылаев считает *абсолютно легитимным ходом* распространить эту характеристику на философскую теологию Барта.

С нашей точки зрения, некорректно ставить вопрос «или—или», схематизирующий бартовскую мысль как принадлежащую какому-либо из вышеперечисленных течений. Этому есть еще одно подтверждение. В своей монографии Пылаев пишет о Барте следующее: «Событийная природа Слова (имени) Бога у К. Барта в интерпретации доказательства Ансельма так или иначе отсылает нас к хайдеггеровской концепции *Da-sein*», и далее: «Речь <идет> о феноменологическом прояснении смысла Слова “Бог”» [5, 183]. Отвлечемся на некоторое время от проблемы корректности воспроизведения Пылаевым бартовских формулировок и обратим внимание на следующее: Пылаев считает, что К. Барт пользуется феноменологическим методом. Обратим внимание на «классическое» понимание феноменологической редукции в первой книге «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерля, на то, какова сущность метода, чем он выделяется среди прочих: «...тезис (естественной установки. — *И.М.*) претерпевает известную модификацию, — он в себе самом каким был, таким и остается, между тем как мы как бы переводим его в состояние бездействия — мы “выключаем” его, мы “вводим его в скобки”. Он по-прежнему все еще остается здесь: подобно поставленному в скобки внутри таковых, подобно выключенному вне пределов включенности» [2, 67].

Обратим внимание, Пылаев говорит нам следующее: «...все использованные <Бартом> философские дискурсы более или менее удачно служат одной цели — построению христианской теологии

⁹ Цит. по: [5, 192].

вне категорий метафизики (философии как таковой), истории и человеческой экзистенции...» [5, 178]. Этой формулировкой специфики бартовской мысли Пылаев подчеркивает, что К. Барт пользуется феноменологическим методом «введения в скобки», однако он заключает в скобки именно человеческий опыт и «тварный мир». Почему это так важно для нас? Потому что, казалось бы, в этом и состоит бартовский решительный отказ от апологетики: человек не может сам достичь феномена священного, священное *снисходит до* него. Однако в процессе своей работы Барт сталкивается с проблемой: оказывается, что феноменологическое (в смысле Барта) изучение Божественной природы невозможно без самого прояснения сущности этого феномена внутри человеческого сознания. Поскольку (и мы еще скажем об этом подробнее далее) философская теология Барта принципиально христоцентрична, его мысль так или иначе сосредоточивается на христианстве как на феномене социальной природы человека. Вернемся к нашей изначальной формулировке: исследуя христианство как феномен, Барт неизбежно говорит не только о том, *что* есть Бог (т. е. как Бог *может* являться для самого себя), но и *как* Он есть (т. е. как Бог является перед человеком). Обратим внимание, что и сам Барт понимает Бога следующим образом: «Мы можем определять бытие Божье не иначе, как имея в виду то, где Бог дает нам увидеть себя, а значит, имея в виду Его дела <...>, когда речь идет об этих делах, то одновременно речь идет и о Нем самом, о Его бытии как Бога» [1, 208], здесь «что-бытие» Бога Бартом напрямую связывается с Его «как-бытием». Подчеркнем: Барт считает, что *о Боге мы узнаем только по Его делам*. Действительно, бытие Бога Барт как бы предпосылает Его деятельности, однако это не отменяет того, что изучение К. Бартом Божественной природы носит как догматический, так и апологетический характер.

Подводя итоги, скажем: известное высказывание автора введения к «Церковной догматике» К.Р. Саирсингха: «“Церковная догматика” может послужить прекрасным источником для глубокого и не сводящегося к апологетике изложения сути христианской веры в мире, утратившем веру, надежду и любовь» [7, XXII] — вслед за Пылаевым мы полагаем верным лишь наполовину. Сущность бартовской теологии действительно несводима к апологетике. Однако не

потому, что Барт не использует эти мотивы, скорее, «Церковную догматику»¹⁰ Барта нельзя схематизировать ни как апологетику, ни как догматику.

Христологический проект «Церковной догматики» К. Барта

Характеризуя бартовский проект как то, что нельзя описать через апелляцию к дихотомии «догматика — апологетика», мы сказали, что христология, в понимании К. Барта, принципиально более важный предмет рассмотрения, нежели христианство. Казалось бы, догматическое множество обязательно следует за религиозным, однако мы считаем, что для Барта это не так. Мы же надеемся показать, почему «церковная догматика» Барта в его работе всегда предшествует понимаю как «видимой», так и «невидимой» церкви.

Х. Бальтазар характеризовал позицию швейцарского теолога следующим образом: «...он выбрал путь, обходящий римское католичество и неопротестантизм так, чтобы его точка зрения <оставалась> радикально христоцентрической; <для Барта> даже секулярные отношения существуют в контексте откровения Слова Божьего в Иисусе Христе» [8, 25]. Такая характеристика создает маргинальный образ бартовской христологии сразу по двум причинам: во-первых, утверждается, что римско-католическая христология и неопротестантизм пошли по неверному пути; во-вторых, Бальтазар интерпретирует бартовский логоцентризм как универсальную общественную модель коммуникации. Мы предлагаем свою интерпретацию бартовской христологии по следующему порядку вопросов: почему Бальтазар назвал «Догматику» «радикально христоцентрической»; как Барт обходит (критикует) римско-католическую христологию; как Барт минует (критикует) неопротестантизм?

«Христология должна мыслить и говорить о том, кто такой Иисус Христос, осуществляющий Божью власть над людьми в откровении», — пишет К. Барт [1, 69]. Отсюда ясно, что исключительный предмет христологии Барта — Христос. Но, как утверждает Барт в параграфе «Проблема христологии», Христос — это не только Хри-

¹⁰ Повторимся: согласно Пылаеву, это утверждение можно распространить и на другие работы Барта.

стос Писания, но и Христос экзегезы Писания. Что это для нас значит? Это значит, что христология, которая, по Барту, «должна быть господствующей в церковной догматике и узнаваемой в ней в целом» [1, 67], не только определяет догматику, но и является определяемой, сильно зависящей от нашего (условно «догматического») прочтения Библии. В конечном итоге, если попробовать схематизировать процесс возникновения догматики, как его описывает Барт, то получится примерно следующее: жизнь Христа определяет христологию, последняя является основой для догматики, которая определяет экзегезу, согласно которой мы вообще можем что-то сказать о жизни Христа. В результате, догматика — вечное стояние на одних и тех же положениях, изменить которые невозможно, поскольку догматика как бы определяет сама себя, самовоспроизводится посредством интерпретации Священного Писания различными теологами (т. е. людьми). Попытки решить эту проблему догматики в основном мистическими путями были и до К. Барта: в предыдущей статье мы говорили о самых ярких представителях, определивших метод решения проблемы для современного мира — Гегеле и Кьеркегоре. Однако фраза Бальтазара «обходящий римское католичество и неопротестантизм...» [8, 25] как раз подчеркивает, что Барт, пытаясь решить эту проблему, также пытается избежать Гегеля, Кьеркегора, Шлейермахера и мистическое вообще (в самом расширительном его понимании). Фигура Христа, его жизнь, следуя метафоре Бальтазара, оказывается между упомянутых выше двух фракций, которые Барт никак не мог обойти, не раскритиковав.

Разногласия с римским католичеством (как, впрочем, и с некоторыми положениями протестантских общин) Барта упираются в его интерпретацию фигуры Христа, в значение, которое придается различным экзегетическим моментам «догматической теологии». Барт здесь, на наш взгляд, поднимает очень важную проблему: насколько релевантно выделять отдельные положения «догматической теологии», упуская при этом прочие, не менее важные? Как справедливо отмечает Бальтазар, «в первом томе “Церковной догматики” Барт говорит нам, что этот труд по своей сути — опасный путь, проходящий меж двух неверных теологических концепций: рационалистическим модернизмом и римским католичеством. Этот путь не является по-

пыткой примирить их, он — попытка их оспорить» [8, 25]. Своей интерпретацией К. Барта как теолога, стоящего между протестантизмом и католицизмом, Бальтазар приоткрывает для нас пространство большей проблемы, поднимаемой «Церковной догматикой»: насколько текущий свод экзегезы является (условно) «догматическим», соответствующим, говоря по-бартовски, серьезному подходу к предмету христологии? Прежде чем отвечать на эти сложные вопросы, мы предлагаем углубиться в самые недра бартовской мысли, посмотреть на его критику мариологии и поговорить о том, какими в «Догматике» Барта предстают пред нами Бог отец и Христос, в котором Бог отец решил явить свое откровение.

Начнем с того, что конфессионально ближе Бальтазару, — с римского католицизма. Самое грозное, формальное обвинение Барта в сторону католиков — обвинение в мариологии. Другое, более серьезное, состоит в католическом догматическом разделении в Сыне Божьем его физической и духовной природ, а также в злоупотреблении католической церковью принципами догматической *teologia gloria*. Обвинения Бальтазара (в работе «Теология К. Барта») заметно опираются на вторую, субстанциальную часть бартовской апологетики, но скромно умалчивают о первой, обходясь лишь парой слов. Мы же предлагаем разобраться в сущности претензий К. Барта и Х. Бальтазара. Нам кажется, что таким образом мы сможем не только добраться до того, что именно значит для Барта христология, но и в целом определить ее место в бартовском проекте «Догматики».

«Мариология есть некий нарост, то есть болезненное образование на богословском мышлении, <она> остается одним из характерных предприятий римско-католической церкви», — заявляет Барт [1, 93—94]. Мариология, в его понимании, — католическое догматическое учение об изначальной софийности, благодатности Марии. На взгляд Барта, догматизация мариологии Пием IX была основана на неверном понимании Богоматери как Божественной супруги. Эта фатальная ошибка, согласно Барту, породила культ Марии, превратив Богоматерь в идола. Далее К. Барт подробнейшим образом рассматривает историю теологической мысли Европы до догматизации этого положения. Делает он это с тем, чтобы показать, каким именно образом католическая теологическая мысль ступила на неверный, ерети-

ческий, с точки зрения швейцарского теолога, путь. Проблема мариологии состоит как раз в том, что те, кто ее придерживается, пытаются таким образом избежать парадоксальной проблематичности *vere homo, vere Deus*¹¹. К. Барт пишет, что эта проблематичность возникает сразу же, как кто-то начинает всерьез рассуждать о жизни Христа. Фактически, многими теологами¹² воспринимается только одно событие из жизни Христа — его жертва, а не менее важное, с точки зрения Барта, чудо рождения рассматривается сквозь призму сразу двух неверных, игнорирующих характер события позиций: мариологию (католиками) и *teologia crucis* (лютеранами и протестантами в целом). Барт пишет, что для того, чтобы понять Христа и его учение, необходимо прежде серьезно воспринять высказывание древнецерковной христологии: «Иисус Христос, “истинный Бог и истинный человек”, с Его описанием через *qui conceptus de Spiritu Sancto, natus ex Maria Virgine*»¹³ [1, 70]. Заметим, что разделение Бартом христологических учений на древнецерковное, схоластическое и протестантско-модернистское содержит большую часть расставляемых им акцентов: христология Барта — возвращение к древнецерковной, догматической, истинной христологии. Теология внутри бартовского корпуса превращается в науку о догматическом описании жизни Христа. Это описание, с точки зрения К. Барта, должно говорить о тайне откровения Бога, не раскрывая ее: сокрытие тайны и есть ее сущность. То есть мариология для Барта — попытка раскрыть тайну и метафизически указать на чудо рождения как на что-то, *не обладающее чудесным характером*. Мария в «Церковной догматике» выступает как Богородица, но не как Божественная супруга, К. Барт подчеркивает, что вознесение Марии — событие историческое, т. е. временное, наделение Марии априорной (и даже посмертной) благодатью совершенно неверно, поскольку она есть не больше чем человек, хоть и совершивший нечто, выходящее за рамки человеческой природы. Здесь, в бартовских рассуждениях о мариологии, мы впервые

¹¹ «Истинно человек, истинно Бог».

¹² Отметим, что так Барт критикует не только католическую схоластическую теологию, но и отцов-реформаторов (см.: [1, 92—93]).

¹³ «Тот, кто зачат Духом Святым, рожден от Девы Марии непорочной».

замечаем проявление его понимания «основного требования» христианства, чуда и христианина.

Таким образом, через критику мариологии Барт приходит к более значимой для нас области — пониманию соотношения природ Христа, чудесного характера откровения и чуда самого по себе. В конечном итоге, «Церковная догматика» ставит во главу угла христологию как науку «серьезного» говорения о чуде и о Боге.

Обратимся теперь к ранее упомянутой нами критике протестантизма и неопротестантизма. Коротко претензию Барта выражает следующая цитата: «Распад церковной догматики, произошедший в Новое время под опустошительным наплывом естественного богословия, был бы невозможен, если бы еще во времена ортодоксии¹⁴, а отчасти уже в средневековой схоластике и у отцов церкви не были бы заложены основы этого распада...» [1, 66]. Барт здесь снова подчеркивает, что христология «Церковной догматики» обращена к исключительной фигуре Христа, хотя она так легко поддается интерпретации, что даже отцы церкви (!) не сумели верно изложить всю ее сущность. Конечно, эта оговорка нужна Барту для того, чтобы с ней пойти против Лютера и Цвингли. Барт подчеркнет, что отцы-реформаторы не смогли верно (т. е. догматически) интерпретировать некоторые высказывания отцов церкви как раз потому, что в экзегезе последних было пространство для тайны, ее сокрытия. Барт подчеркивает, что если мариология минует *vere homo, vere Deus* посредством концепции «Божественной супруги», то протестантизм абсолютизирует одну из природ Христа и ставит ее выше другой. В «Церковной догматике» Барт упрекает Лютера в етихианстве, а Цвингли (и Кальвина) — в несторианстве: «...за реформатской¹⁵ христологией можно увидеть несторианскую ересь с ее разделением двух природ, а за лютеранской — евтихианскую ересь с ее отождествлением их» [1, 134].

Словом, Барт утверждает, что Лютер в своем учении слишком сильно акцентирует жертву и страдания Христа. Мы говорили об этом ранее, когда писали, что К.К. Хинксон характеризует *teologia*

¹⁴ «Ортодоксией» К. Барт называет вовсе не православие, он говорит о лютеранской ортодоксии. На это указывает следующая цитата: «Впоследствии лютеранская и реформатская ортодоксия...» [1, 93].

¹⁵ «Реформатской церковью» Барт называет кальвинизм: «Кальвин и старая реформатская церковь...», — обобщает он [1, 359].

crucis как апофатическую *teologia gloria* (см.: [4]). С точки зрения К. Барта, такая характеристика более чем верна, он, как мы видим, считает, что Лютер игнорирует и отвергает *vere homo*, предпочитая масштаб жертвы ее локальному значению для человечества. Цвингли же (несмотря на оговорки Барта, в этом ключе также легко критикуется кальвинистская доктрина), наоборот, выделяет *vere homo* и, фактически, отказывается от *vere Deus*. Делает он это посредством апелляции к доктрине предопределения, подчеркивая через нее локальное значение деяний Христа для жизни христианской общины.

Разгромив таким образом отцов-реформаторов и римских католиков, Барт направил свой взор в сторону протестантского модернизма. Мы уже заметили, что вся критика добартовской христологии обращена на одно — неверное, с точки зрения Барта, понимание соотношения природ во Христе. Правильное понимание должно, следовательно, опираться на верную интерпретацию чудес и «существенно» говорить о тайне, не раскрывая ее. «Христология говорит об откровении Божьем как о тайне. Она должна, во-первых, знать эту тайну как таковую, а во-вторых, признавать ее как таковую. Она должна занять свое место там, где отдернута завеса Ветхого Завета и таким образом стало и продолжает быть видимым присутствие Сына Божьего во плоти как событие — но видимо, как то событие, в котором посреди времен, в доступном обычной датировке событии существования Иисуса, “такого же человека, как мы”, Господь Бог стал непосредственно и навсегда действующим субъектом. Он был здесь человеком: Бог без всяких оговорок и человек без всяких оговорок», — пишет он [1, 181]. Таким образом, сказывание Бога в истории — предмет бартовской христологии, на который мы должны обратить пристальное внимание.

Диалектика К. Барта.

Бартовское понимание зависимости человека от Бога

Мы много сказали о негативном тезисе бартовской христологии, и почти ничего не было сказано о позитивном. Все потому, что ее позитивный тезис во многом зависит от метода, которым данная наука пользуется. Барт называет методом своей христологии диалектику, однако та же ли это диалектика, что и гегелевская? Если нет, то

пользуется ли Барт экзистенциальной диалектикой Кьеркегора? В работе «Теология К. Барта» Х. Бальтазар утвердительно отвечает на оба вопроса с одной оговоркой: влияние гегелевского концепта диалектического развития абсолютного духа можно заметить в первом издании «Послания к Римлянам» К. Барта, а влияние экзистенциальной диалектики С. Кьеркегора прослеживается в третьем издании. Конечно, как верно отмечает Бальтазар, «...любая попытка интерпретации “Церковной догматики” <...> через то, что написано Бартом в “Послании к Римлянам” иррациональна <...>». Барт в предисловии к 5-му изданию (1926) говорит, что он ушел от написанного им в “Послании к Римлянам”» [8, 45]. Соответственно, Бартом отмечается и диалектика, но тогда о какой диалектике идет речь в «Церковной догматике»?

Безусловно, бытие, становление (*ἐγένετο*), сказывание Бога в Иисусе Христе для Барта — предмет, нуждающийся в подробном рассмотрении. Во-первых, потому, что (как мы уже сказали) личность и жизнь Христа — исключительный предмет откровения, а во-вторых, потому, что от интерпретации откровения (что тоже было сказано ранее) зависит догматика. Для Барта, прежде всего, важна четырнадцатая строфа первого стиха Евангелия от Иоанна. «‘Ο λόγος, “Слово”, о котором говорит Ин. 1:14, есть божественное творческое, примиряющее, спасительное Слово, неограниченно причастное божественной сущности и бытию, — вечный Сын Божий», — говорит он в параграфе «Проблема христологии» [1, 82]. Забегая вперед, надо сказать, что масштаб ‘ο λόγος в «Догматике» Барта огромен, Бог для человека предстает как действующее сказывание, определяющееся из постоянного взаимодействия с Ним в человеческой истории. К. Барт описывает Бога как Его событие, однако он же описывает Бога как Его внесобытийность, т. е. Барт деконструирует историчность Бога, при этом описывая Его исходя из исторического воплощения и откровения. Это противоречащее само себе описание порождает множество вопросов.

Во-первых, вспомним предыдущий параграф: если человек (Адам) согрешил против Бога и пошел против Него, то как Бог мог выбрать стать человеком? Как мы уже говорили, все попытки «старой теологии» (и не только) ответить на этот вопрос Барт отмечает, следовательно, у него есть какой-то иной ответ на него. Такой ответ,

безусловно, будет включать и критику идеализма, поскольку разрешение парадокса богочеловечества идеализмом Барт удовлетворительным не считает.

Во-вторых, неясно, как же именно сказывание, становление и движение в бартовской «Догматике» сочетаются с тем, что: 1) сказано, стало, было в Священном Писании и Предании как событие Бога; 2) говорит, делает, есть Бог здесь и сейчас в его откровении. Все эти разные для человечества времена создают несколько парадоксов, таких как вопрос о вознесении Христа во плоти, проблема продолжения страданий Христа, вопрос об окончательной спасенности примкнувших к Его церкви, проблема сказывания Бога для тех, кто не может поведать об откровении (например, для животных), и другие подобные.

Таким образом, здесь и далее мы не только посмотрим, сочетается ли Барт несочетаемое, но еще и попробуем сказать, отвечает ли бартовская «Догматика...» на все эти вопросы, и если отвечает, то как. Итак, Христос — *vere homo, vere Deus* — Богочеловек, невозможный синтез двух природ. Гегелевский ли этот синтез? Безусловно, нет, однако мы все еще не сказали почему. Действуя подобно Барту, предлагаем сначала проанализировать и описать каждую из частей данной конъюнкции, а затем уже попытаться сказать о типе синтеза. Поскольку ранее мы уже кое-что сказали о *vere homo*, начнем с того, что, согласно Барту, означает *vere Deus*.

Мы помним, что в Евангелии от Иоанна Барт выделяет *‘ο λόγος* — Слово Бога, которое, согласно Иоанну же, и есть сам Бог. Возникает вопрос: каким образом воплощенный Бог у Барта отождествляется с его откровением? Говорит же Барт, что «Плоть <...> не только не могла бы быть Словом без Слова, но и вообще не имела бы бытия без Слова, не говоря уже о том, чтобы говорить, действовать, побеждать, давать откровение, примирять» [1, 88]. Выходит, что воплощенное Слово для Барта — нечто невозможное? Ответ на этот вопрос кроется в том, как Барт понимает чудо. Мы уже говорили, что для Барта чудом является рождение Христа от Девы Марии, но не сказали, почему это именно так. Автор «Церковной догматики» считает, что Бог милостив и предстает перед человеком любящим (*sic!*), однако, поскольку человек обрек себя на историчность и смертность,

Бог, существующий вне времени, казалось бы, никак не может сказываться в мире временном. Как раз это противоречие, на взгляд Барта, порождает множественные «отклонения от догматики», которые возникают, когда пытаются избежать самой проблематичности того, что раскрывается через сокрытие. То есть чудо для Барта — то, что нарушает природный порядок, то, что раскрывается через сокрытие уникального случая — события рождества. Итак, Христос — истинно Бог, воплощение сказывания, сказывающий и сказываемый, именно так, поскольку Барт в чуде рождества выделяет еще одно чудо, а именно — нахождение Бога вне и во времени «одновременно». Для К. Барта Христос в истории и Бог отец вне ее — два нисколько не противоречащих (и способных существовать «одновременно») события. Внимательно присмотревшись к этому тезису, можно понять, что так Барт дистанцируется от Гегеля, делает он это с тем, чтобы в дальнейшем критиковать «абсолютный дух» гегелевского (впрочем, как и любого другого) идеализма. Каким именно образом этот тезис существенно разделяет не только Барта и Гегеля, но и, к примеру, Барта и Кьеркегора? В «Догматике...» Барта мы находим ответ на этот вопрос: швейцарский теолог полагает, что его философия религии кардинально отличается от модернистской по двум причинам.

Во-первых, на протяжении всего нашего рассказа о бартовской «Догматике» мы подчеркивали континуальность действия (и бытия) Бога в ней. Делали мы это не случайно, действительно, «Догматика...» говорит только о «Бытии Божьем в действии», т. е. о таком существовании Бога, о котором известно исходя из факта откровения. Бог «Церковной догматики» существует (подчеркнем) *в со-бытии с человеком*. Однако это со-бытие понимается Бартом немного более специфически, нежели, например, у М. Хайдеггера¹⁶. О характере этой специфики мы попробуем сказать позже, сейчас обратим внимание на то, что было сказано нами еще ранее: гегелевская философия религии предполагает принципиальное возвеличивание эсхатологического мотива. Здесь К. Барт подчеркивает эту характеристику, утверждая, что гегелевская философия религии породила в теологии XIX в. «внедогматическую» традицию «смешения идеи

¹⁶ На заимствование термина указывает М. Пылаев (см.: [5, 183]).

Бога и всеобщей идеи духа...» [1, 253]. В предыдущей нашей работе мы неоднократно подчеркивали, что кьеркегоровская экзистенциальная философия наследует эту черту гегелевской философии религии, Кьеркегор также помещает вне истории некий Абсолют, отличие только в том, что у Кьеркегора есть попытка выбраться за пределы требования универсальности (см.: [4]).

Во-вторых, событие сказывания Бога для Барта уникально, поскольку именно благодаря этому человек знает о Боге как о *личности*. «В соответствии с событием откровения мы должны, оставив, с одной стороны, ложный спиритуализм, а с другой — ложный реализм, понять бытие Божье как “бытие личное”», — пишет К. Барт [1, 219]. Именно личностный аспект его теологии напрямую конфликтует не только с Гегелем и, к примеру, Шлейермахером¹⁷, но и с некоторыми положениями церквей (причем как римско-католической, так и православной). Предлагаем разобраться по порядку и для начала, попробуем показать, как личностное понимание Бога у Барта сталкивается с гегелевским абсолютным духом. Барт буквально понимает словосочетание «личность Бога», так, он, к примеру, пишет: «Нужно <...> помнить о том, что Священное Писание говорит не только о гневе Бога, Его милосердии и т. д., но <...> в нем вполне естественно и прямо упоминаются Его лицо, глаза, рот, уши, даже нос, а также спина, рука, ладонь, десница, палец, ноги» [1, 217]. «Личность Бога» выражает бартовский ультиматум Гегелю и идеализму в целом: Бог не некий абстрактный принцип исторической неумолимости и предопределенности, Он — свободная личность. Точнее будет сказать, что только Бог, согласно Барту, и есть *личность*: «Не человек, но *Бог* есть личность в прямом смысле. В *переносном* же смысле личностью следует называть не Бога, но нас. Бог

¹⁷ «Христос означает для Шлейермахера просто продолжение и завершение начавшегося с сотворения человека развития в направлении усиления его сознания Бога, причем грех остается реальностью, поскольку он есть сдерживающий момент пока еще тяготеющего над всем несовершенства, но Христос выполняет лишь ту функцию, что Он представляет и утверждает континуальность изначально доброго, то есть непрерывного в своем сознании Бога, человеческого существа», — пишет Барт [1, 85], из чего мы делаем вывод, что точка зрения Шлейермахера для Барта по своей сути антитетична гегелевской, но она должна критиковаться ничуть не менее.

есть в своем действии. Бог есть Его собственное решение. Бог живет из самого себя и самим собою», — пишет он [1, 225]. Здесь же К. Барт выдвигает против Гегеля и другое возражение: изображение Бога как Абсолюта создает некий постижимый для человека концепт, создает Бога за богом: «...будто Его единство диалектически ограничивается или дополняется Его абсолютностью, будто мы, для того чтобы обозначить Бога, вынуждены указать поверх Его личности и Его абсолютности в некое пустое пространство, как если бы Бог только там, после диалектического преодоления этого противоречия, становился бы подлинно и истинно Богом» [1, 249—250]. На протяжении трех (!) параграфов Барт в различных формах повторяет этот тезис, акцентируя одно: все человеческие определения Бога будут недостаточными Его определениями¹⁸. Согласно Барту, свобода Бога *определяется* именно из его свободы *личностной*, т. е. свободы от всякого определения. Этот пафос и есть то, что мы называем «бартовской диалектикой», К. Барт сталкивает две противоположные (с точки зрения логики) сущности, однако, в отличие от Гегеля, он совсем не подразумевает, что они должны прийти к эсхатологическому, универсальному единству. Суть его догматики такова, что Бог в своем личностном Троиединстве — единственное «...бытие, *движимое само собою*» [1, 220], и именно потому моменты единства Бога и мира показывают нам Его милосердие, любовь, всемогущество, абсолютность и вообще все то, что мы можем о Нем сказать. Бог, согласно бартовской «Догматике», является в истории и как Бог Отец (творец и буквально *отец* мира), и как Дух Святой (в диалоге с человеком), и как Бог Сын (*во плоти*) — все это формы сказывания Бога. Конечно, такая интерпретация направлена и против спора о филиокве (в частности), поскольку, как несложно догадаться, согласно Барту, данный

¹⁸ Так, только в начале параграфа «Бытие Божье в действии» находим три случая: «...наш предмет — *Бог*, а не бытие, а бытие — только как бытие Божье...» [1, 208]; «То, что делает Бога Богом — божественную самость и истинность, *essentia* или “сущность” Бога, — мы встретим либо там, где Бог действует по отношению к нам как Господь и Спаситель, либо мы вовсе не встретим этого» [1, 209]; «...мы обязательно понимаем Бога на основе Его откровения как событие, как акт, как жизнь, но это вовсе не значит, что мы отождествляем Его с суммой или с квинтэссенцией события, акта, жизни вообще» [1, 213].

спор не имеет смысла: «В том пустом пространстве, в котором оказывалось в результате богословие, невозможно было реализовать что-то иное, кроме общих рассуждений о том, чем мог бы быть Бог, рассуждений, исходящих из определенных человеческих представлений и понятий как из неоспоримых данностей, к чему затем добавлялись разного рода библейские реминисценции, не отличавшиеся убедительностью. Таким образом, было создано такое учение о Боге, которое, если и могло иметь для догматики какое-либо значение, то разве что только роковое» [1, 209].

Бог действует в мире различно (К. Барт даже не употребляет слова «способ» и «метод»), и в этих различных действиях Бог сказывается о себе по-разному, так же, подобно ему, сказывается о себе в своих действиях человек. Так, Барт разбирается не только с идеализмом, но и пытается избежать тех ошибок, которые разделили церковь Христа (во всех возможных ее смыслах).

Вернемся к *vere homo*, ранее мы говорили, что Барт постоянно подчеркивает служебную роль Марии, делает он это сразу в трех параграфах: «Проблема Христологии», «Истинный Бог и истинный человек» и «Чудо рождения». Также мы говорили, что рождение по-тому и мыслится К. Бартом как чудо, что нарушает три порядка: рождение прерывает цепочку грехопадения, поскольку «Мария — не больше чем человек», но все же Божье милосердие сошло именно на нее и в ее лице — на человечество, рождение нарушает природный порядок, поскольку в природе девственное рождение невозможно, и оно же подразумевает обнаружение факта Троицизма. Барт полагает, что все эти три порядка нарушаются Богом в его *диалоге* с человеком, что Бог в своем сказывании добровольно становится (*éveneto* — слово, которое Барт заимствует из Иоанна) плотью, ограничивает себя: «В предложении “Слово стало плотью” подлежащим, субъектом является *Слово*. С ним не происходит нечто, но оно действует в высказанном о нем становлении», — пишет он [1, 84]. Слово в своем становлении, ограничении принципиально оказывается свободно не только от порядка человеческого (поскольку Христос — «Царь царей»), но и от установленного, сказанного порядка, ведь пишет же Барт, что «Бог действует, когда Его Слово становится плотью...» [1, 86]. Это заявление напрямую противоречит всему, что К. Барт напишет далее, ведь парой строк ниже он добавляет: «Его

Слово в не меньшей степени было бы этим Словом и без такого становления, подобно тому как Отец, Сын и Дух Святой не в меньшей степени были бы вечным Богом, если бы мир не был сотворен. Чудо этого становления не следует необходимо из того или иного качества Бога» [1, 86]. Повторимся: для Барта становление слова плотью — чудо, и мы полагаем, что в «Церковной догматике» это единственное чудо, определяющее чудесный характер и остальных деяний Христа, и сказывание Святого Духа, и творение мира, ведь «...если Слово становится плотью, то речь идет о чудесном деянии, о милосердном деянии Божьем; тут в сотворенном мире происходит непредвиденное, что нельзя сконструировать или постулировать ни исходя из мира, ни из Бога, происходит то дело любви Божьей к отличному, и даже отделенному от Него миру, к творению, в котором Он не нуждается, ничего Ему не дающему, но, напротив, Ему всем обязанному и по собственной вине утратившему пред Ним право на существование» [1, 87].

Таким образом, уже в параграфе «Истинный Бог и истинный человек» К. Барт пунктиром обозначает свою генеральную линию: человек подобен Богу, но не является ни равным Ему, ни способным лично этого Бога достичь. Только из милосердия и любви к человеку Бог сказывается в откровении, в Писании и в Предании. Даже логос, речь человек заимствует у Бога. Согласно Барту, такое заимствование без понимания человеком факта заимствования является греховным, поскольку само *ὁ λόγος* не является принадлежащим человечеству и даровано Богом, прежде всего, для диалога с ним. М. Пылаев пишет об этом диалоге так: «<В “Церковной догматике”> речь идет о божественно-сущностном соответствии и родстве между бытием человека Иисуса для Бога и его бытием для других людей. Аналогия для К. Барта отталкивается от событийной природы Слова-Речи Бога, призывающего в своем “да” творение. В свою очередь, творение отвечает “да” на призыв Бога» [5, 184]. В целом мы согласны с данной характеристикой, однако, как представляется, говоря о Христе как об истинном человеке, Барт постоянно подчеркивает зависимость человеческого «да». Этому служат и критика мариологии, и «догматическая» интерпретация чуда рождения, и «догматическое» понимание действия, сказывания, любования Бога во всех последующих параграфах.

Мы считаем, что «Церковная догматика» Барта абсолютизирует «основное требование», Христос — невозможный, чудесный синтез дарителя-творца и твари. М. Пылаев так характеризует бартовский метод: «В диалектике Барта речь идет об <...> преодолении двойственного, которое под силу только Богу. Теологическая диалектика Барта существенно отличается от диалектики двух видов сознания (сознания Бога как непосредственного самосознания) и сознания мира (как опосредованного, предметного самосознания)» [5, 192]. В результате, бартовская диалектика так и остается синтезом без синтеза, методом, специализированно заточенным под «сокрытие раскрытия» Бога в Его откровении.

Для нас остается не решенным один вопрос: если человек занимает у Бога все, то как тогда возможна Церковь Господня без его прямого вмешательства? Ведь не считает же Барт, что Христос присутствует на проповеди, при крещении, причастии и других таинствах (на необходимости которых Барт настаивает) во плоти?

Чудесный характер возвещения в «Церковной догматике» К. Барта

Открывая монографию «Категория священного...» М. Пылаева, читаем: «Слово Бога у К. Барта существует в диалектике трех его образов. Возвещенное Слово Бога (“das Verkündigte Wort Gottes”) <...> составляет событие церкви <...>. Записанное Слово Бога (“das Geschriebene Wort Gottes”) <...>. Третий, или первый, образ Слова Бога — Иисус Христос. Это открытое Слово Бога (“das Offenbarte Wort Gottes”)...» [5, 179]. Мы уже много сказали о том, как Барт мыслит догматику двух последних способов сказывания Бога, много было сказано и о методе, который призван «раскрыть сокрытие», однако мы почти ничего не сказали о самом важном для нас элементе «Догматики...» — бартовском понимании церкви. Действительно, К. Барт считает, что Бог сказывался для человека в истории различными способами, однако как он мыслит Его сказывание здесь и сейчас?

Вспомним предыдущий параграф, где мы говорили, что Бог здесь и сейчас сказывается о себе как о Святом Духе, «именуя» (если это слово вообще применимо к бартовскому дискурсу) себя таким образом, Бог производит «возвещение» откровения. Однако поскольку «возвещение» Слова происходит в тварном мире конечных

существ, то оно является, по сути, диалогом Бога с ними. Остановимся на этом моменте и спросим: со всеми ли тварными конечными существами Бог вступает в такой диалог? К. Барт отвечает на этот вопрос отрицательно: согласно «Догматике...», только наиболее подобный Богу человек, наделенный *несобственным* логосом, может вступать в диалог с Богом. Барт пишет: «...человек в его отношении к Богу должен всегда позволять сказать себе нечто и должен всегда нечто слышать, чего он еще до сих пор не знал и чего он ни при каких обстоятельствах и ни в каком смысле не может сказать себе сам» [1, 24]. Уже здесь мы замечаем следы той *teologia gloria*, которую он так яростно критиковал ровно до того момента, как сам начал рассуждать о диалоге с Богом. Далее, в параграфах «Речь о Боге и церковное возвешение» и «Догматика и церковное возвешение», К. Барт еще сильнее сужает круг избранных Богом для диалога с Ним.

Сначала Барт ограничивает понятие церкви, фактически сужая его до религиозного института. Так, он пишет: «Не всякие человеческие слова говорят о Боге <...>. Бог действует в отношении людей. Впрочем, лишь в вере это событие проявляется как *это* событие, а церковное бытие как *божественное* избрание и освящение <...>, действующее лицо Бога, освящает человеческое бытие в зримом пространстве человеческих событий для церковного бытия <...>. Он освящает и человеческую речь в этом церковном бытии, превращая ее в речь о Боге, создающуюся в церкви» [1, 3—6]. «Возвешение» Слова, таким образом, возможно только в рамках церковного богослужения, т. е. для Барта «возвещает» Слово Бога человек. Следом он пишет: «Не всякое высказывание, произносимое во время церковного богослужения, желает быть возвешением» [1, 6], из чего мы заключаем, что «возвешение» Слова Бога, диалог с ним производятся во время двух (условно говоря) ритуалов: проповеди и молитвы. К. Барт полагает, что во время проповеди Святой Дух сходит на проповедника, который обязан отдать свои уста и тело Слову Бога, дабы «возвешение» свершилось: «Возвешение есть человеческая речь, в которой и через которую говорит сам Бог, как делает это царь устами своего глашатая, и она желает быть услышана и принята как речь, в которой и через которую говорит сам Бог» [1, 9]. Затем Барт многократно повторяет, что любая деятельность человека, обращенная к

Богу вне рамок Церкви, ее таинств и ритуалов, называться возвещением не может¹⁹. Полагаем, что так Барт ограждает себя от всякого мистицизма и уж тем более от того, что пишет Шлейермахер в «Речах о религии». На взгляд Барта, никакой индивидуальной религии нет и быть не может, религия и вера существуют *только* в рамках церковного возвещения, и *только* милостью Бога они возможны.

Вспомним ту характеристику, которую давал чуду Барт, — невозможное событие, нарушающее природный, установленный Богом порядок. На наш взгляд, «возвещение» Барта является чудом сразу по двум причинам: во-первых, «возвещение» нарушает порядок грехопадения человека, так как в рамках возвещения служитель Бога не только отпускает грехи (через таинство исповеди), но и транслирует Божью милость, поскольку, как мы уже не раз отметили, «возвещение» — активный диалог Бога с человеком. Этот диалог был невозможен, поскольку Адам выбрал покинуть Бога, однако жертвою и милостью Бога в его воплощении (т. е. жертвой Христа) человек обрел возможность иметь диалог с Богом практически «напрямую». Остановимся здесь и скажем еще несколько слов о следах «старой теологии» в «Церковной догматике». Ясно, что здесь Барт ведет речь о так называемом «учении об избрании», которое включает в себя множество следов схоластики, однако являются ли эти следы необходимыми как «догматике», так и теологии? Мы считаем, что нет. Барт неоднократно и справедливо критикует схоластическую теологию, говорит, что та обращает слишком много внимания на человека и слишком много рассуждает об «атрибутах» Бога. На наш взгляд, подчеркнутая «церковность» «Догматики...» Барта полностью уничтожает весь смысл сказанного Бартом о Боге. Однако вернемся к нашей проблеме. Во-вторых, нарушается природный порядок, согласно которому человек волен в своих деяниях, отдавая свой логос

¹⁹ Например, о теологии (в русском переводе — богословии) Барт пишет следующее: «...богословие не должно стремиться к тому, чтобы быть возвещением. Богословие — это тоже речь о Боге, обращенная к людям. Но возвещение — это основание, материал и практическая цель богословия, но не его содержание и не его задача. Богословие рефлексировало над возвещением. Оно является по отношению к возвещению критической инстанцией» [1, 8].

Богу, священнослужитель обязан следовать Его Духу. «Возвешение», таким образом, происходит по милости Божьей и из нее определяется.

Здесь, как ни странно, против К. Барта выступает Х. Бальтазар, который пишет: «...фактически, мы вынуждены признать, идея Церкви противоречит ее реальному, институализированному воплощению» [8, 2]. Казалось бы, с точки зрения наивного платонизма это констатация факта: физическая природа объекта отличается от его эйдоса, однако Бальтазар говорит о другом. Мы считаем, что здесь Х. Бальтазар подчеркивает диалектическую (в смысле Барта) природу «основного требования» христианства. Наша интерпретация подтверждается, когда мы смотрим на дальнейшее развитие этой мысли у Бальтазара: «Совершенно невозможным оказывается осуществить переход от “видимой” церкви к “невидимой”» [8, 3]. Так, Бальтазар не только критикует (вслед за Бартом) концепцию невидимой церкви, но и еще раз подчеркивает: Церковь человечества не есть то же, что и Церковь Бога. Фактически, Бальтазар заостряет центральную для нас мысль К. Барта, это заострение прекрасно показывает самое слабое место бартовской «Церковной догматики» — антропологию. Человек у Барта никак не связан с Богом, максимально от него отдален. Пытаясь решить проблему догматики, обращенной к человеку и, что важнее для нас, на саму себя, Барт разворачивает отношения «Бог — Человек» только через чудо: лишь чудом возможно возвешение слова Божьего, лишь чудом это возвешение становится и остается догматическим, лишь чудом возможно спасение человечества.

В конечном итоге теоцентрическая концепция К. Барта остается в рамках доктрины предопределения, которую Барт так яростно критикует. «Церковная догматика» не решает главной для нас проблемы, она не избегает догматизма, она им оперирует, превращает его в столь нелюбимый Бартом Абсолют. Диалектика К. Барта позволяет выделить сказывание и действие Бога как феномены, однако именно такой постановкой вопроса Барт максимально отделяет истинного христианина (т. е. Христа) от христианства. Более того, Барт считает, что истинный христианин невозможен, поскольку Христос был, есть и будет единственный в своем роде буквально Сын

Божий. Бальтазар подчеркивает этот аспект бартовской теологии, когда пишет, что «для Барта факт столкновения в человеке “Я” и “Ты” порождает два различных вывода: во-первых, “Я” — субъект, который не может подлинно проникнуть в свою собственную сущность; во-вторых, “Я” — действующий объект бесконечных попыток взаимопроникновения “Я” и “Ты” Бога, которому “Я” подобно» [8, 76]. Ясно, что для К. Барта значение «Я» как объекта Божественной благодати намного выше, чем экзистенциальные попытки «Я» «проникнуть в свою собственную сущность». Вспомним, что С. Кьеркегор связывал экзистенциальный уровень самоопределения с «религиозным» напрямую: в философии Кьеркегора человек стремился к Богу в силу своей природы²⁰. Барт же снова отдаляет все человеческое от всего Божественного: да, «“Я” подобно “Ты” Бога», но Барт, в отличие от Кьеркегора, никогда не даст человеку место субъекта в этих отношениях. Бальтазар указывает на это двумя способами: во-первых, отличая бартовское разделение экзистенциального: уровень человека и уровень взаимодействия с Богом; во-вторых, описывая человека «Церковной догматики» во взаимодействии с Богом как принимающего. Таким образом, человек в «Церковной догматике» оказывается закрыт в самом себе, закрыт своим грехом, по Божьей милости одной прийти к Иисусу может он. В результате характеристика, которую Бальтазар дает «Посланию к Римлянам» оказывается верной и для «Церковной догматики»: «На самом деле, в этой работе <Барт> предал свой собственный тезис и не говорит о Боге, а говорит лишь о самом себе» [8, 72]. «Церковная догматика», на наш взгляд, не только не решает поставленных перед ней задач — в погоне за «чистотой» она создает новую, отдельную религиозную институцию, которую можно кратко обозначить как «Церковь имени К. Барта».

Литература

1. *Барт К.* Церковная догматика: В 4 т. Т. 1. М.: ББИ Св. апостола Андрея, 2007.
2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009.

²⁰ Подробнее см.: [4].

3. *Исаева Н., Исаев С.* Авраамов нож, или Рождение веры // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Академический проект, 2018. С. 5—19.
4. *Морозов И.Г.* Догматический аспект философии религии С. Кьеркегора // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 201—228.
5. *Пылаев М.А.* Философия и теология в «неоортодоксии» Карла Барта // Вестник ПСТГУ. Сер. 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. № 6 (68). С. 26—40.
6. *Пылаев М.А.* Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX века. 2-е изд., доп. и перераб. М.: РГГУ, 2017.
7. *Саурсингх К.Р.* Предисловие к русскому изданию // Барт К. Церковная догматика: В 4 т. Т. 1. М.: ББИ Св. апостола Андрея, 2007. С. VII—XXIII.
8. *Balthasar H.U. von.* The theology of Karl Barth. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1971.

References

1. *Barth K.* Church Dogmatics: In 4 v. Vol. 1. M.: BBI of St. Andrew the Apostle, 2007.
2. *Husserl E.* Ideas of Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. M.: Academical Project, 2009.
3. *Isaeva N., Isaev S.* The Abraham knife, or the Birth of faith // Kierkegaard S. Fear and trembling. M.: Academical Project, 2018. P. 5—19.
4. *Morozov I.G.* The Dogmatic Aspect of S. Kierkegaard's Philosophy of Religion // Philosophy of Economy. 2022. № 4. P. 201—228.
5. *Pylaev M.A.* The category of «sacred» in the phenomenology of religion, theology and philosophy of the XX century. 2nd ed., ad. and rev. M.: RGGU, 2017.
6. *Pylaev M.A.* Philosophy and theology of Karl Barth's «Neo-Orthodoxy» // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Ser. 1. Theology. Philosophy. Religious studies. 2016. № 6 (68). P. 26—40.
7. *Sairsingh K.R.* Preface to the Russian edition // Barth K. Church Dogmatics: In 4 v. Vol. 1. M.: BBI of St. Andrew the Apostle, 2007. P. VII—XXIII.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Ю.М. ОСИПОВ

МИР и ПЕРЕМЕНА: кто кого?*

Аннотация. Представлено предисловие к монографии «Мир и перемена: геополитика, экономика, техногенез», выходящей в свет по итогам международной научной конференции, состоявшейся на экономическом факультете МГУ 4—6 декабря 2024 г.

Ключевые слова: мир, мир-перемена, философия хозяйства, софиасофия.

Abstract. The article presents a preface to the monograph «World and Changes: Geopolitics, Economics, Technogenesis» published as a result of an international scientific conference held at Faculty of Economics of Moscow State University on December 4—6, 2024.

Keywords: world, world-changes, philosophy of economy, sophiasophy.

УДК 330, 101
ББК 65в

Тот факт, что нынешний мир радикально меняется, уже ни у кого не вызывает сомнения, причем он *так* меняется, что одного постмодернизма вкупе с постгуманизмом или с той же постправдой вовсе не достаточно, чтобы составить какое-то удовлетворительное суждение не то что о ближайшем будущем-небудущем земно-космического мира, а и о самом блудливо текущем вокруг и вполне вроде бы доступном для обозрения реально-ирреальном мире: ни хваленая наука, прежде всего гуманитарная, ни остаточная глубоко-де мысленная философия, в особенности оксюморонная «научная», ни даже

*К выходу в свет: Мир на переломе: геополитика, экономика, техногенез. По итогам международной научной конференции (4—6 декабря 2024 г., экономический факультет МГУ) / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Тамбов, 2025.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. МИР и ПЕРЕМЕНА: кто кого? // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 265—267. DOI: 10.5281/zenodo.15424601.

вроде бы вновь поднявшее свою седую от пепла голову загадочно-запретное богословие (все равно какое!) ничего, кроме бойкой словесно-циферной путаницы или же благонамеренного умолчания о самом-самом, не выкажут, что означает только одно: «Приехали, господа, все на выход, однако без чемоданов, коробок и собачонок!».

Никто из бессильно сильных или, кому как больше нравится, сильно бессильных мира сего ничего из того, *что* происходит, а уж тем более, *что* им делать, не знает, прежде всего более не знает сам завлекательно-отталкивающий политэкошоумен Трамп, хоть с ним на текущий момент и связано прежде и более всего кипение нынешнего мирового земно-космического котла, однако у Трампа есть хоть то преимущество, что он ныне из первых в роли отчаянно-безумного кочегара, готовый и сам первым прыгнуть в кипящий мировой котел то ли аки Иван-дурак в волшебном бурлящий чан, то ли как куда более близкий Трампу его соотечественник Форрестол, однако уже не в чан с кипящей волшебной водой, а на твердый американский асфальт.

Что ж, посмотрим, коли Бог даст, на что-то *такое*, а может, и на совсем что-то *иное*, чего и многомудрым китайцам ныне не снится, а время-то, которое теперь никакая не длительность, даже и не мгновение, уже ведь не летит, как бывало еще совсем недавно, а попросту... отсутствует, вдруг-невдруг улетев в космосферу, да отсутствует не на часах, конечно, которые крутятся себе вхолостую и крутятся, а в реальной жизни, которая вовсе уже и не жизнь, а так... *нежить*, для которой время совсем и не время, хоть при этом и не вечность, а так... заполненная тщетной суетой пустота!

Да, теперь вокруг МИР-ПЕРЕМЕНА! Факт! Однако более он все-таки... ПЕРЕМЕНА-МИР, когда незнамо какая, зачем и куда ПЕРЕМЕНА вроде бы есть, а МИРА-то как бы при этом и нет!

Вот уж задача для ловко скроенных застаревшим Просвещением интеллектуалов!

Бред, конечно, все это, да вот что вокруг в земно-космических окомах не бред, а-а?

И что бы бредового ни происходило на Земле и в ближайшем космосе, что бы столь же бредового ни вытворял тут то ли человек, то ли какой-то уже «иновек», но кое-какие не слишком просвещенные замшелым Просвещением, но кое во что свое посвященные гу-

манитарии все-таки еще есть, и они пока еще думу думают, в частности... нет, не по треку вовсе, а всего лишь в русле *философии хозяйства* и в лучах *софиасофии*, родившихся аккурат в расцвет просвещенческой апокалиптики, пожалуй что, и в Последние очеловеченные времена, что то же самое — в уже концевое Безвременье.

На том и порешим, издавая цифрозфирно свои тексты, родившиеся на подмостках незаурядной конференции, смысловó продержавшие и ее наперед продолжившие.

Г.С.ШИРОКАЛОВА

Совместные думы: какой быть семье (в) России...*

Аннотация. Национальный проект «Демография», принятый 2018 г., не решил поставленных задач, поскольку не учитывал сложившихся в России экономических, политических, социальных отношений. Дискурс о создании крепкой, многодетной российской семьи остается наиболее популярным на научных конференциях и в различных СМИ, подводящих итог 2024 году – Году семьи. Автор статьи приглашает читателей вместе поразмышлять над рецептами, предложенными докладчиками на секции «Жизнестратегия против вымирания и депопуляции. Русский ответ на демографический вызов» IX Московского экономического форума (МЭФ) «Демография: традиции и индустриализация».

Ключевые слова: дифференциация и интеграция семей, многодетность, практический опыт создания демографических поселений.

Abstract. The national project «Demography», adopted in 2018, did not solve the tasks set, as it did not take into account the prevailing

* Размышления после IX Московского экономического форума.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Широкалова Г.С. Совместные думы: какой быть семье (в) России... // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 267—280. DOI: 10.5281/zenodo.15424601.

economic, political, and social relations in Russia. The discourse on creating a strong, large Russian family remains the most popular at scientific conferences and in various media outlets summarizing the Year 2024 – the Year of the Family. The author of the article invites readers to reflect on the recipes proposed by the speakers at the section «Life strategy against extinction and depopulation. The Russian response to the Demographic Challenge» of the IX Moscow Economic Forum (IEF) «Demography: Traditions and Industrialization».

Keywords: differentiation and integration of families, large families, practical experience in creating demographic settlements.

УДК 316.36
ББК 60.542

1—2 апреля в Москве под председательством главы Ассоциации «Росспецмаш» К.А. Бабкина прошел IX МЭФ «Демография: традиции и индустриализация» [4]. В названии отразились важнейшие для современной России вопросы: выбор цивилизационного кода и какие кадры нужны новой (ре?) индустриализации¹. Только организаторы МЭФ могут сказать: был ли их первый форум задуман как альтернатива Гайдаровскому форуму с его печально знаменитой Стратегией 2020, но те, кто отслеживал работу обоих, фиксировали принципиальные отличия в оценках настоящего, прогнозах на будущее и программах преобразования настоящего. Экспертные оценки и рекомендации МЭФ игнорировались, и только СВО заставила воплотить некоторые из идей в жизнь. «Капля камень точит» — гласит пословица, но если позади/впереди столетия. У России их нет, поэтому срочно нужен ответ на вопрос: что делать? Но для этого надо разобраться в причинах: кто виноват?

Участникам форума был предложен выбор из нескольких тематических направлений: новая индустриализация и умножение народа; пора ли национализировать Центробанк России; продовольственная безопасность; роль России в мире; машиностроение 2025 — что год текущий нам готовит: вызовы или их преодоление; мягкая

¹ В 2025 г. исполняется 100 лет съезду XIV съезду ВКП(б), давшему поручение разработать первый пятилетний план, поставивший целью индустриализацию аграрной России.

сила России, в чем она; новое блоковое разделение мира; стратегия России. Каждое из них заслуживает обсуждения, но мы выберем секцию «Жизнестратегия против вымирания и депопуляции. Русский ответ на демографический вызов». Модератор секции - председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю.В. Крупнов напомнил, что прогнозы перенаселения планеты, строившиеся на линейном продолжении тренда на рождаемость, целенаправленно разрушала либеральная идеология, внедрившая во все сферы жизни «потребление во славу удовольствия». И как итог — мировая статистика обещает начало скольжения к «демографической яме» через 10 лет.

На наш взгляд, эта информация важна для прогнозов мирового развития в перспективе: во-первых, уменьшение доли молодежи в популяции означает снижение агрессивности в мире в целом; во-вторых, увеличение контактов между поколениями; в-третьих, вырастет уровень жизни за счет уменьшения доли нетрудоспособного (детского) населения, что снизит риски социального расслоения. Но... лидер по снижению рождаемости становится проигравшим, предоставляя шанс отстающим ассимилировать сокращающиеся этносы. Образно говоря, тенденция не отменяет вероятность Великого Турана. Поэтому общемировой тренд не снижает актуальности преодоления кризиса семьи в России.

В РСФСР процесс «угасания» рождаемости начался в 1964 г. Причины не анализировались докладчиками, возможно, предполагалось, что достаточно зафиксировать идеологию либерализма. Но без такого анализа неизбежны рекомендации в виде «бриллиантового дыма под потолком» (читаем «12 стульев» Ильфа и Петрова). К примеру, в последние годы модно предлагать решение любых социальных/экономических проблем через воспитательную работу в виде многочисленных форумов, выставок, праздников, мастер-классов, школьных уроков о главном и не только... Как заклинание повторяется мантра: «Надо восстановить воспитательную работу в школах», оправдывая невозможность устранения перво причин и игнорируя то, что «советская мораль», в рамках которой воспитывалось несколько поколений, на рубеже 1990-х была отброшена как только законодательно были внедрены отношения «купли-продажи» во всех сферах — от производства до образования и здравоохранения.

Сторонников преодоления социальных катастроф через воспитание привлекает «простота решения»: можно переложить ответственность на родителей/детсады/школы... Отличается лишь содержательное наполнение «волшебного рецепта» по формированию семейных ценностей. К примеру, на секции прозвучал призыв В.П. Кашековой (telegram-канал «Царская семья») взять за образец Российскую империю с ее высокой рождаемостью. Обоснованием служит то, что браков в Российской империи заключалось больше, чем в других странах. Но могло ли быть иначе, если только в Европейской части России жило 120 млн человек, в то время как, например, в самой многочисленной стране Европы Германии — 64,9 млн, а в остальных — в разы меньше [6]? Не убедительна ссылка и на самый низкий показатель разводов. Причина не в счастливых браках, а в законодательных запретах, основанных на православной идеологии. К месту напомнить докладчику и о смертности детей, особенно до года, снохачестве, которое оправдывалось сроком выделения надела земли, а потому не вело к разводам родительских и молодых семей, о «заспанных» детях, непригодных для сельскохозяйственных работ... Наказание за их смерть — всего лишь епитимья: священник знал причину, но представлял, какой обузой будет инвалид для крестьянской семьи и общины в целом.

Мифологизация семьи Николая II нужна РПЦ для обоснования закрепления через идеалы царизма сословного общества, к которому движется Россия. Докладчик заявила, что уже реализуются два проекта: 1 — курс «Святая царская семья» в общеобразовательных и воскресных школах (1 час в неделю), 2 — распространение фотовыставок о жертвенной жизни царской семьи. Попытки найти российскую идентичность через династию Романовых воспроизводятся регулярно в форме передвижных выставок типа «Православная Русь. Моя история. Романовы» [2], православных ярмарок, ТВ- и радиопередач, интернет-каналов.

Романтизация среди сторонников кого-либо/чего-либо — обычная практика, но основанную на основе фальсификации истории идею опасно превращать в часть государственной политики. В эпоху компьютеризации резко возрастают возможности тотального управления сознанием, но и разочарование, переходящее в негативизм, наступает гораздо быстрее. Можно, конечно, устроить костры из

книг, но невозможно сжечь всю информацию о дореволюционной России. Вероятно поэтому, Н.В. Поклонская, в прошлом прокурор Республики Крым, депутат Госдумы, носившая портрет Николая II во время акции «Бессмертный полк» (!), ныне пропагандирует язычество [7].

Означает ли сказанное, что в принципе не должно быть идеала в основе семейной политики? Конечно, нет. Ю.В. Громыко (доктор психол. наук, профессор АНО «Институт опережающих исследований»), разделяя позицию модератора, противопоставил танатополитике проект жизнестратегии, увеличивающей пространство жизни через соответствующую политику государства. В частности, продуктивными были названы такие идеи Ю.В. Крупнова, как: 1 — формирование культа/культуры модельной семьи с 3—4 детьми; 2 — повышение роли отцов для преодоления безотцовщины; 3 — строительство демографических городков; 4 — преодоление бездетности/малодетности как элементов стратегии смерти и вымирания. Плюс подобных установок в том, что здесь нет идеологически заостренных рецептов: каждой семье дается право выбора приоритета и места жительства, но поддерживаются, прежде всего, соответствующие модельной семье. Такие практики, как увидим далее, уже реализуются в локальных масштабах. Однако идеи требуют программ их реализации. Налог на бездетность? 100 тысячам студенток среднее профессиональное образование? Или сокращение пенсионного возраста для тех, у кого появляются внуки? Но решают ли подобные меры основную проблему — замены философии жизни как игры на жизнь как служение ближнему? На наш взгляд — нет, ибо это невозможно в рыночных отношениях в принципе.

Итак, первый подход к преодолению кризиса семьи: либеральную идеологию потребления надо затмить пропагандой семейных ценностей, взяв «идеалы» из прошлого. Второй путь — первичное создание материальных условий для семьи. И здесь без краткого исторического экскурса нам не обойтись. И первая, и вторая позиция может быть обоснована ссылками на историю Российской империи, СССР, РФ при условии, что факты будут подбираться под нужный дискурс. Например, от желающих сократить расходы на помощь семьям все чаще слышится: в дореволюционной России рожали много, несмотря на бедность.

Обсудим причины, по которым снизилась рождаемость в СССР в середине XX в. В 1960-х гг. фертильного возраста достигли дети, родившиеся в начале 1940-х, и эта «волна войны» сказывается до сих пор, но она стала «длиннее», поскольку увеличился возраст мам первого ребенка. Конечно, к концу XX в. появились и другие факторы, отразившиеся, как метко подметил Ю.В. Крупнов, в сатирической песне 1981 г. ансамбля «Верасы»: «У меня сестренки нет, у меня братишки нет». Минздрав СССР послал ансамблю и ее авторам официальную благодарность за «повышение рождаемости в стране» [1]. Но всплеск рождаемости больше простимулировало введение в 1981 г. частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года работающим матерям, имеющим общий трудовой стаж не менее одного года, и женщинам, обучающимся с отрывом от производства.

Любая «мода» не появляется на пустом месте. И «мода» на детей, и отказ от детей, с которыми «хлопот невпроворот», имеют вполне объективные причины. Разберем причины ориентации на детность/однодетность/бездетность в стабильное брежневское время. С одной стороны, послевоенная разруха преодолена, Конституция провозглашает обязанность трудиться, которая обеспечивается правом на рабочие места с гарантированной зарплатой, при расчете минимума которой учитываются потребности по иной методике, чем сегодняшний (не)прожиточный МРОТ. Идет массовое жилищное строительство благоустроенных квартир, в которых освобождается время от бытовых работ. Уровень дохода заметно повысился через зарплату и пенсии, стипендии, а также декретные выплаты и помощь многодетным семьям. Пенсионный возраст в 55 и 60 лет и достойный у многих уровень пенсий освобождает «бабушек/дедушек» для ухода за внуками, а молодые семьи — для профессионального роста.

Но! С другой стороны... Резко увеличивается доля лиц с высшим образованием: Римский клуб провозглашает, что вся молодежь должна получать его, поскольку будущий век — век науки и высоких технологий. СССР увеличивает доступность высшего образования: созданы подготовительные отделения на учебный год и более для детей из крестьянских и рабочих семей, в некоторых с общежитием для иногородних. Общественные фонды потребления (забытое сегодня выражение) обеспечивают бесплатность лечения, образования, в том

числе внеурочного, дешевизну летнего отдыха. Студенты на Урале, в Нижегородской области в бутылку из-под шампанского каждый день бросают 15 копеек: так к лету можно накопить на поездку к морю. Все это создавало новые возможности для социального старта из любой социальной группы в соответствии с личными потребностями. Социальная стабильность страны давала уверенность в реализации личных целей: настолько резко отличались жизненные стратегии в сословном обществе поколения «прадедов» и в советском у «внуков». Увеличение доли работающих женщин, стремящихся к самореализации за пределами семьи в соответствии с идеологией равноправия полов и потребностями государства. Новый технологический уклад создал сферы деятельности, где не нужна физическая сила, но меньшая оплата труда. Двойственность отношения к трудовой занятости женщин отразилась в том, что в 1960-х гг. в провинции женихи все еще обещали: «Если не хочешь работать, я семью прокормлю», что свидетельствует о сохранении/одобрении установки «жена должна заниматься домашним хозяйством...», а отцы говорили дочерям: «Женщина должна иметь высшее образование, чтобы не зависеть от мужа».

Растет доля молодежи с высшим образованием, нацеленной на профессиональный рост и среди «физиков», и среди «лириков». Идут дискуссии в школах и вузах «Кто, если не ты, когда, если не теперь?». Массовая миграция молодежи по распределению после вузов/техникумов разрушает межпоколенные отношения (как и комсомольские стройки). Родители гордятся социальной активностью детей, но бум новых профессий, нового образа жизни снижает значимость социального опыта предков: нет общего дела — нет понимания друг друга. В фильмах тех лет на вопрос родителей «Как дела?», все чаще дети отвечают: «Нормально». Масштабное строительство жилья создало не только транспортные/временные трудности для ухода за внуками, но и «расслоило» межпоколенные отношения. Главный герой фильма «Большая семья» Илья Матвеевич Журбин (1954 г.) мудро замечает: «Нечего со старого гнезда подыматься. Рассуют по этажам, разобьют семью». «Многоэтажность» ускорила переход от многопоколенной к нуклеарной семье.

Одновременно формировалось представление о возможности иного образа жизни через актуализацию интереса к Серебряному

веку отечественной истории, отражением морали которой стал «Черный квадрат», зарубежным детективам и фильмам. «Гостевой этикет» для советских туристов, доступность пропагандистских передач западных радиостанций на отечественных приемниках, работающих на волнах КВ-диапазона [3] — все это усиливало противоречие между традицией и повседневностью. Результат — синдром «разбитого окна».

Перечисленные процессы были объективны, противостоять им с помощью пропаганды не удалось даже во время единой государственной установки на «крепкую семью», реализацию которой поддерживали законодательство, КПСС, ВЛКСМ, пионерская организация, Моральный кодекс строителя коммунизма, товарищеские суды, разноцветье плакатов... Оправдывая однодетность, интеллигенция, сформировавшая идеал иного качества жизни, заявляла: «Не хотим плодить нищету», вкладывая в эту фразу сомнения в возможности создания условий для желанного социального/профессионального старта для себя и детей. Тогда же появляется установка: «Пока молоды, надо пожить для себя. Родить успеем». А как только в результате политики М.С. Горбачева по построению «социализма с человеческим лицом» через насаждение рыночных отношений начали рушиться все социальные институты и резко ухудшились условия удовлетворения базовых потребностей, идеологические ценности дедов и отцов были отторгнуты как анахронизм.

Сохранилось ли социальное расслоение по критериям, названным выше? Да, и усилилось по новым. В этих условиях предлагать решить демографическую проблему через пропаганду крепкой семьи на основе традиционных (религиозных) ценностей или пугая утратой российских территорий в будущем — это ли не показатель социального идеализма как реакции на непреодолимость общемировой тенденции?

Вокруг форм поддержки также возможны дискуссии. Напомним, при обсуждении пенсионной реформы пропагандировалась идея отмены пенсии: стариков должны кормить их дети, в частности, через законодательство о принудительном изъятии части дохода работающих детей на содержание родителей, что заставит рожать и восстановит многодетность. Сейчас о такой «пенсии» нет официального дискурса, что не означает его окончательного забвения.

Основные дискуссии сегодня — о формах экономической поддержки семей, их ожидаемых и неожиданных последствиях. Выбор стратегии зависит от конечной цели: Россия будущего — страна открытой или закрытой вертикальной мобильности для своих граждан? Открытость — это не возможность переезда в другие страны, а вертикальная мобильность для имеющих способности независимо от происхождения.

Если предпочтителен первый вариант, то продуктивнее подход д.э.н., профессора И.А. Буданова (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН), поднявшего проблему зависимости РФ от финансовых институтов Запада. Только имея реальный суверенитет, Россия сможет решить проблему наращивания социального капитала, уменьшающегося в России уже 30 лет, особенно с 2010 г. Но любая гуманитарная задача достижима, если есть для этого экономическая база. Нужны инвестиционные вложения в увеличение доступа к социальным благам семьям после рождения ребенка. Это обеспечит возможность семье наращивать человеческий капитал, который экономически выгоден обществу.

Такой подход, на наш взгляд, заслуживает поддержки. Не задача пособий «направо и налево», а вложения в детство, которые окупятся в будущем не только соответствующей квалификацией рабочей силы, но и социальными связями с социумом. Выявление способностей/интересов ребенка через бесплатность дополнительного образования должно быть первостепенной задачей. Попытка в данном направлении сделана, казалось бы, через Пушкинскую карту, однако реализация этой программы с 14 лет вызывает сомнения в истинных целях ее лоббистов. Народная мудрость гласит, что ребенка воспитывают, пока он лежит поперек лавки, а психологи утверждают, что круг интересов формируется в начальной школе. Каждый видел, как пришедшие в музей с классным руководителем старшеклассники пробегали по залам, «отбывая повинность», не умея «ни читать, ни смотреть».

Есть ли современная социальная база для реализации на практике идеи многодетной семьи? Это третий путь — политика малых дел: мы уже делаем для возрождения традиционной семьи все, что в наших силах, поэтому тиражируйте наш опыт. Конечно, это удел

меньшинства, на который они имеют право и возможности. «Исюминкой» секции стали доклады о практике создания сельских поселений, объединяющих единомышленников. Многоукладность страны дает возможности поиска разных форм семейных объединений.

В Новосибирской области недалеко от Академгородка создан поселок для многодетных семей, представленный М.Т. Савицкой. В отличие от поселков семей с приемными детьми, он состоялся благодаря тому, что в течение четырех лет до выделения земли в 2011 г. велась подготовительная работа по созданию сообщества единомышленников. На сайте читаем: выделения участков ассоциация добивалась 5 лет, «так что не стоит удивляться тому, что в России поселки многодетных так и не выросли. А ведь в каждом регионе землю таким семьям под строительство жилья должны давать бесплатно, это вообще-то федеральная норма, Земельный кодекс. Но закон есть, а поселков нет» [5]. Несмотря на то, что в 2016—2017 гг. государство отказалось от обещаний по проведению коммуникаций к поселениям, они сумели выстоять. В основном на волонтерских началах решены проблемы с электроснабжением, водой, газом, транспортом. Есть детские и спортивные площадки, беседки, аллея памяти Великой Отечественной войны с портретами родственников, летняя веранда с садом лекарственных и чайных трав; малые арт-объекты... В поселении 300 детей, поэтому вопрос о воспитании перво-степенный: созданы Совет отцов, Совет матерей и Молодежный совет, работает около 20 кружков.

А.А. Горнаев (Калужская обл., ПРП «Ковчег») познакомил с опытом реализации проектов «Родовое поместье», созданных после публикации серии книг В.Н. Мегре «Звонящие кедры России». За 20 лет единомышленники из разных социальных, профессиональных групп 121 га бесхозных земель превратили в ботанический сад, построили 100 домов, родили 80 детей.

Социокультурный фактор «Родовые поместья» мало известен в России, хотя в стране уже более 300 поселений. Не удается реализовать сторонникам и ряд законодательных инициатив. Одна из причин: приписывание основателям поселений «сектантства». Наше личное знакомство с некоторыми из них опровергает эту версию; но

есть проблема социальной адаптации выросших в условиях доверительности отношений в общине детей в «большом социуме».

Возможность онлайн-занятости увеличивает интерес к жизни в сельской местности, «уберегающей семьи от соблазнов мегаполисов», но научных исследований таких поселений недостаточно, чтобы оценить их функциональную перспективность в ряду других форм организации сельских сообществ. Одна из них реализуется в селе Успенское в Ульяновской области. 18 лет назад оно было территорией заброшенного женского монастыря, которую выкупил С.Г. Лаковский, — 400 га в 60 км от города. Сегодня он занимается многофункциональными проектами АО «Брикс-парк», «Русский берег», «Работай и отдыхай». Частная собственность на землю и воцерковленность организатора дают большую свободу в осуществлении планов, но и предполагают строгие моральные ограничения, позволяющие создать новую модель образа жизни, альтернативную городским и сельским форматам. В ее основе — экологичная, полноценная и безопасная среда для работы, отдыха, развития инноваций, комфортности для международного общения. Как пример: для семейного отдыха разработан Кодекс поведения туристов. Туристско-рекреационный кластер имеет и агитационное значение: познакомившись с новыми моделями жизни, в том числе через сельский и агротуризм, по-иному оцениваются семья и дети. Параллельно создается Международный город-парк — IT-долина с целевой аудиторией — «цифровики-кочевники», которых около 40 млн в мире. Предполагается, что их ресурсы помогут развитию территории.

Второе направление — кооператив «Русский берег», который будет создаваться на принципиально иных основах потребительского кооператива. Ошибка в политике выделения земли многодетным семьям состоит, по мнению организатора, в том, что участки выделяются индивидуально, а нужны сообщества близких по духу людей. «Русский берег», стартующий в мае 2025 г., будет строиться на общинных основах. В капиталистической системе ребенок — это издержки, и демографическую проблему по этой причине в ней не решить. В кооперативе, основанном, прежде всего, на сельхозпроизводстве, будет подушевое распределение общественных благ: чем больше детей, тем больше благ у семьи. Такая форма организации не позволит войти в кооператив «чужим». Докладчик подчеркнул, что в

какой-то степени эта модель воспроизводит на земле Ленина элементы социализма в новой форме, предполагающей общественный договор.

Возможно ли общебытие/общежитие в современной России на таких основах? Скептицизм оправдан, но есть единичные примеры реализации идеи. Среди них — община «Коммуна» около г. Донецка Ростовской области [8]. Притягательность такой формы жизни мною проанализирована на основе студенческих эссе после просмотра фильма: доброта отношений подкупает, но лично мне это не подходит

Подведем итоги. МЭФ — форум патриотического дискурса. Его участники, говоря возвышенным слогом, уместным в этом случае, за «Сильную Россию», но вкладывают разный смысл в образ ее будущего. Поэтому и глобальные (теоретические), и локальные («от земли») проекты требуют критического осмысления. Организаторы правы: Россия богата талантами, ресурсами, традициями созидания. Значит, в дискуссиях надо искать пути решения проблем.

Литература

1. Верасы — история песен «Малиновка» (1980), «Я у бабушки живу» (1981) и «Белый снег» («Завіруха») (1982) // КУР.С.ИВ.ом — сайт Курия Сергея Ивановича: URL: <https://www.kursivom.ru/верасы-история-песен-малиновка-1980-я/> (дата обращения: 03.04.2025).

2. Гришаева Е.И. Проблемы национальной идентичности в современной России: на основе анализа отзывов посетителей выставки «Православная Русь. Моя история. Романовы»: URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30857/1/puern_02_2014_Grishaeva.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

3. Иностранное радиовещание на территорию СССР // Википедия: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Иностранное_радиовещание_на_территорию_СССР (дата обращения: 05.04.2025).

4. Московский экономический форум: URL: https://me-forum.ru/?utm_medium=email&utm_source=Unisender&utm_campaign=МЭФ (дата обращения: 03.04.2025).

5. Организация: Ассоциация «Семейная сказка» // DOBRO.RU: URL: <https://dobro.ru/organizations/10014990/info> (дата обращения: 06.04.2025).

6. Основные державы мира в 1913 году: статистика: URL: <https://www.warconflict.ru/rus/xx/?action=shwprd&id=1880> (дата обращения: 05.04. 2025).

7. Порвала с чиновником, сделала тату и приняла язычество: чем занимается Наталья Поклонская // Телеканал «78». Дзен: URL: <https://dzen.ru/a/Z9m6Sr6NeV7RrMun> (дата обращения: 05.04.2025).

8. Специальный репортаж «Коммуна» // Яндекс-видео: URL: <https://yandex.ru/video/preview/7429922340608191307> (дата обращения: 06.04.2025).

References

1. Verasy — istoriya pesen «Malinovka» (1980), «YA u babushki zhivu» (1981) i «Belyj sneg» («Zaviruha») (1982) // KUR.S.IV.om — sajt Kuriya Sergeya Ivanovicha: URL: <https://www.kursivom.ru/verasy-istoriya-pesen-malinovka-1980-ya/> (data obrashcheniya: 03.04.2025).

2. Grishaeva E.I. Problemy nacional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii: na osnove analiza otzyvov posetitelej vystavki «Pravoslavnaya Rus'. Moya istoriya. Romanovy»: URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30857/1/puerm_02_2014_Grishaeva.pdf (data obrashcheniya: 05.04.2025).

3. Inostrannoe radioveshchanie na territoriyu SSSR // Vikipediya: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Inostrannoe_radioveshchanie_na_territoriyu_SSSR (data obrashcheniya: 05.04.2025).

4. Moskovskij ekonomicheskij forum: URL: https://me-forum.ru/?utm_medium=email&utm_source=Unisender&utm_campaign=MEF (data obrashcheniya: 03.04.2025).

5. Organizaciya: Associaciya «Semejnaya skazka» // DOBRO.RU: URL: <https://dobro.ru/organizations/10014990/info> (data obrashcheniya: 06.04.2025).

6. Osnovnye derzhavy mira v 1913 godu: statistika: URL: <https://www.warconflict.ru/rus/xx/?action=shwprd&id=1880> (data obrashcheniya: 05.04. 2025).

7. Porvala s chinovnikom, sdelala tatu i prinyala yazychestvo: chem zanimaetsya Natal'ya Poklonskaya // Telekanal «78». Dzen: URL: <https://dzen.ru/a/Z9m6Sr6NeV7RrMun> (data obrashcheniya: 05.04.2025).

8. Special'nyj reportazh «Kommuna» // YAndeks-video: URL: <https://yandex.ru/video/preview/7429922340608191307> (data obrashcheniya: 06.04.2025).

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Историческая память*

Аннотация. Успешная организация национального хозяйства невозможна без интеллектуального суверенитета страны. Россия — наш дом. Проект, согласно которому он строится и обновляется, — русский дух, незримая и всеобъемлющая социокультурная матрица, комфортно себе бытующая как в физической реальности, так и в метафизическом поднебесье. Именно она определяет, что чувствует и чем живет русский человек, в чем кроется загадка неведомой для Запада русской души.

Ключевые слова: нейросети, историческая память, социокультурная матрица, история русской мысли, беспочвенники, русская православная цивилизация.

Abstract. Successful organization of the national economy is impossible without the intellectual sovereignty of the country. Russia is our home. The project according to which it is being built and updated is the Russian Spirit, an invisible and comprehensive socio-cultural matrix that exists comfortably in both physical reality and the metaphysical celestial. Russian Spirit defines how Russians live, what they feel, and this is the mystery of the Russian soul, which is unknown to the West.

Keywords: neural networks, historical memory, socio-cultural matrix, history of Russian thought, baselessman, Russian Orthodox civilization.

*Рецензия на: Смирнов И.П. История мысли. Теоретические основания. М.: Буки Веди, 2020. 212 с.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шевченко И.Г. Историческая память // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 280—285. DOI: 10.5281/zenodo.15424627.

УДК 930.85
ББК 65в

Продвинутый пользователь интернета и поклонник нейросетей брезгливо сморщит нос. В мире цифровой реальности (да какая уж тут реальность в мире электронных призраков!) обращение к традиции не в чести. Человечеству пророчат новые, «революционные» перемены. Какой смысл лишний раз вспоминать то, что давно прошло?

В лабиринтах истории затерялось грозное время, когда местечковые комиссары пытались перевернуть вздыбившуюся от боли Россию, выбить, вытравить из людей русский дух, выстраданную в течение столетий историческую память... Уж не вызревает ли в мрачных чертогах зла очередная попытка квазиреволюционной переделки человека, превращения его в бездумное и послушное животное?

Сберечь, сохранить от поругания то, чем гордились наши предки, что создавали и защищали в невыносимо тяжких обстоятельствах, — архиважная задача нашего, все более ускоряющегося времени. К чему приводит благодушное игнорирование этой священной обязанности видно на примере Украины. Стирание исторической памяти породило невиданный феномен: миллионы русских людей, ненавидящих все русское и готовых потерять жизнь ради сочиненных на Западе исторических мифов.

Я с недоверием отношусь к записным патриотам, которые восторженно принимают все, так или иначе связанное с нашей страной. Что это? Наивность молодости или способ заработать, сделать карьеру, «оседлать волну» на пути великого и необоримого движения России к самой себе.

Россия — наш дом. Он нуждается в заботе и защите. Любой дом приходит в негодность, разрушается, если вовремя не ремонтировать, не охранять от бомжей, воров, да и просто прохиндеев, готовых воспользоваться радушием хозяев и в благоприятный момент выгнать последних на улицу, вытеснить, заместить, уничтожить следы пребывания прежних владельцев. Того и гляди прогрызет в труху несущую балку жук-древоточец с бегающими черными глазками, заведется от сырости западного океана плесень, продолбит

дыру в сайдинге старательный дятел (из лучших побуждений, разумеется).

Где тот проект, согласно которому из поколения в поколение ремонтируется и сберегается наш огромный (шутка ли — 14% мировой суши!) дом, ставший в ненастье убежищем не только русских, но и без малого двух сотен больших и малых народов, издревле населявших бескрайнее евразийское пространство?

Имя этого проекта *русский дух*, незримая и всеобъемлющая социокультурная матрица, комфортно себе бытующая как в физической реальности, так и в метафизическом поднебесье. Именно она определяет, что чувствует и чем живет русский человек, в чем кроется загадка неведомой для Запада русской души.

Религиозный характер и духовные ценности православия, понимание нации как соборной личности со своим историческим призванием, широкий междисциплинарный синтез, неразделенность мысли и жизни... внимание к проблемам личности, развитие которой кладется в основу исторического процесса [1, 20]. Из песни слова не выкинешь. Метко заметил И.П. Смирнов особенности русской природы. В этом коллективном портрете легко узнаешь и Посошкова, и Татищева, и Ломоносова.

Велика Россия. Ее современное состояние лишь небольшая, надводная часть айсберга, плывущего среди холодных вод мировой истории. Подводное основание — исторические корни, уходящие в глубь тысячелетий.

В хозяйственной и политической конкуренции с Европой Россия как самая северная и самая большая держава мира должна была компенсировать суровость условий, сложность своего природно-климатического и геополитического положения мобилизационной формой хозяйствования, особым типом собственности, спецификой государственности, выработанной в ответ на исторический вызов чертами народного характера [1, 19]. Чем труднее выжить, тем сильнее тяга к жизни, стремление найти источник жизни, зацепиться за самое незначительное обстоятельство и победить смерть. Отсюда причудливые извивы отечественной истории, блистательные победы и грандиозные поражения, от которых, казалось бы, не могла бы оправиться никакая страна. А Россия, словно птица феникс, снова и снова вставала из небытия, еще более сильная, еще более прекрасная...

Русь, небесная, метафизическая, все глубже и сильнее вращалась в почву брэнного, земного мира. Ее могучие корни наливались необоримой силой и росли. Дальше и дальше!

Кривая монгольская сабля отсекала Россию от западной цивилизации. Сочетание экстремальных обстоятельств и природной широты, всемирности и всеобъемлемости русского характера породили невиданную империю-цивилизацию, играючи, словно между делом, втягивающую в себя государства и народы.

В порыве в бесконечность Россия впитала как западнические, так и ордынские начала устройства общественной жизни. Дуализм возникшей из пустоты ордынского безвременья страны проявлялся во всем — от государственной символики до культурной традиции.

При внешних «западнических» формах и методах русская культура часто имела альтернативное европейским ценностям содержание или же в значительной степени измененную аксиологическую проблематику [1, 81].

Унаследовавший римское высокомерие Запад воспринимал это как свидетельство неразвитости, неполноценности, недоевропейскости, а способность и готовность русских понять, освоить и использовать достижения других стран и культур — как форму национального самоуничтожения. Отсюда и менторский тон, и повторяющиеся из столетия в столетие попытки колонизовать, освоить якобы незанятые российские пространства, объявить общемировым достоянием природные богатства великой страны.

Но так ли уж фантастичны подобные идеи? В России всегда находились люди, готовые ринуться в иноземный омут. Смирнов иронично и метко называет их «беспочвенниками», которые «искали и находили веру в каких-либо абстракциях, имеющих довольно косвенное отношение к русской духовной традиции» [1, 61]. К беспочвенникам можно отнести и бродников, предавших в битве при Калке, и большевиков, яростно боровшихся с имперским самосознанием нашего народа, и собирающий кровавую жатву бандеровский миф.

В чем причина их появления в России?

Самым важным фактором, питательной средой, является скрытый или явный отход от православной идеи, ставшей точкой сборки мировоззрения русского человека. В последнее время все больше распространяются взгляды о якобы чужой вере, о необходимости возврата к духовным практикам славянских племен. При этом из

поля зрения упускается вполне очевидный факт: скорость распространения православия в России, сила религиозного чувства, удивительное сочетание религиозного консерватизма и народных обычаев явственно указывали, что именно Русь должна была стать оплотом ортодоксального христианства. Сама духовная природа русского человека, его метафизическое поле вибрировали в унисон с православной верой.

Второй причиной беспочвенности является неверие в себя, в свои силы, стремление стать частью более могущественной системы. Заглушить свои страхи наличием защиты извне. Как ребенок, испугавшись собаки, ищет защиты у матери, так и беспочвенник ищет влиятельного иноземного покровителя. И, как правило, на Западе. А где же еще? Ведь было время, когда Русь была его пусть периферийной, но вполне органичной частью. И невдомек бедняге, что западная цивилизация уже давно не мать родная, а безжалостный и голодный хищник, зорко высматривающий очередную жертву.

Третья причина — форма. Особенности хозяйственного уклада стран Западной Европы породили трепетное отношение к форме чего бы то ни было — от упаковки самых обычных товаров до философских систем. Совершенство формы создавало иллюзию особого качества: если уж форма хороша, то уж внутренняя начинка какова должна быть! И вот тут-то и был главный сюрприз: за прекрасной формой скрывалась ПУСТОТА! Великая обманка, притягивающая легковеров. А чем сложнее форма, тем труднее добраться до сути. Сколько русских умов запуталось в лабиринтах западной мысли. Одни марксисты чего стоят! Уж сколько работ было, изобличающих эту лживую и опасную теорию, и все мимо. Чудом удалось спасти страну от неминуемой гибели — не убеждает... Как заколдованные продолжают повторять мнимые истины XIX в.

Смирнов пишет, что беспочвенники, оставаясь русскими людьми, искали правду, справедливость вне идеалов христианства и вне России [1, 61]. И сразу возникает вопрос: «И что нашли в итоге?». Их поиски изначально были обречены на неудачу. Какой изощренной ни была бы система идей, если она покоится на ложных основаниях, она заведомо приведет к ложным выводам.

Каких успехов достиг Советский Союз! Превратил аграрную страну в индустриальную державу, создал лучшую систему образования и самую могучую армию мира, и все рухнуло как карточный

домик. Вот к чему ведут ложные идеи. Поначалу кажется, что впереди прекрасное будущее, и сама жизнь год за годом это подтверждает, а итог неизменно печален. Обещало руководство КПСС коммунизм построить в 1980-е гг. Наступило обещанное время, а вместо коммунизма — очереди в магазинах, талоны на водку и дефицит всего. Понял народ обман и отвернулся от коммунистического морока. И тут подсустились беспочвенники: коммунизм не нравится, вот вам либеральная капиталистическая идея образца XIX в. (со всеми прелестями первоначального накопления капитала).

Дался нам этот XIX в.! Откуда такая тяга к интеллектуальному антиквариату? Россия — особая, православная русская цивилизация. А у цивилизации должны быть свои необходимые и исторически неизбежные атрибуты: сильная армия, надежно защищенные от варварских нашествий границы, современное национальное хозяйство с авторитетной и прогнозируемой валютой и самое главное — интеллектуальный суверенитет — РУССКАЯ МЫСЛЬ...

Монография Смирнова, исследующая теоретические основания русской мысли, тут весьма кстати. И что же автор? Проснулся знаменитым, раздает автографы и выступает на телевидении? Прекрасная научная работа, написанная понятным и образным языком, фактически предана забвению. Но еще один шаг к интеллектуальному суверенитету сделан. Сколько еще будет сделано этих шагов... Дорогу осилит идущий. Мы русские, и поэтому мы победим!

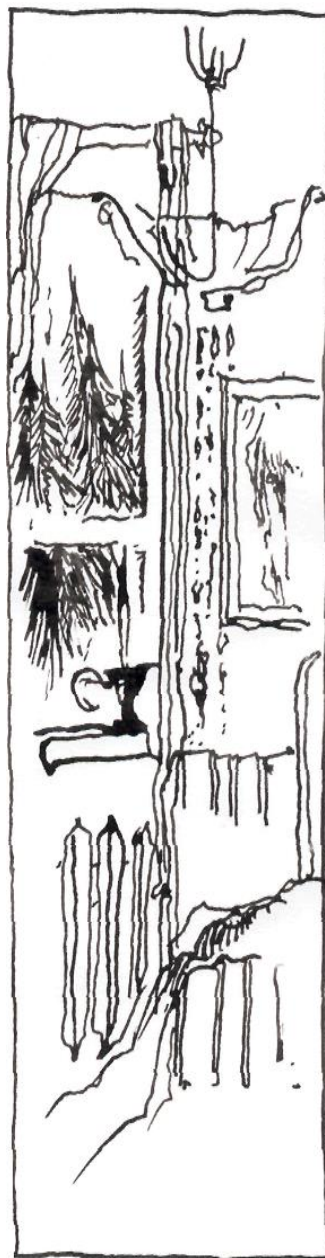
Литература

1. *Смирнов И.П.* История мысли. Теоретические основания. М.: Буки Веди, 2020. 212 с.

References

1. *Smirnov I.P.* Istoriya mysli. Teoreticheskie osnovaniya. M.: Buki Vedi, 2020. 212 s.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ

Знаменательный юбилей в Париже*

Аннотация. Статья посвящена столетнему юбилею Свято-Сергиевского православного богословского института, находящегося во Франции, в котором работал выдающийся русский мыслитель Сергей Николаевич Булгаков. Многолетнее сотрудничество связывает лабораторию философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с этим парижским учебным заведением.

Ключевые слова: Свято-Сергиевский православный богословский институт, С.Н. Булгаков, православие, философия хозяйства.

Abstract. The article is dedicated to the centenary of the St. Serge Orthodox Theological Institute, located in France, where the outstanding Russian thinker Sergei Nikolaevich Bulgakov worked. Many years of fruitful cooperation connects the laboratory of economic philosophy of the economic faculty of the Lomonosov Moscow State University with this Parisian educational institution.

Keywords: St. Serge Orthodox Theological Institute, S.N. Bulgakov, Orthodoxy, philosophy of economy.

УДК 929
ББК 65в

Сто лет назад, 30 апреля 1925 г., в столице Франции был создан Свято-Сергиевский православный богословский институт. Начало этому положил православный митрополит Евлогий, организовавший плодотворное сотрудничество между профессорами и теологами того времени. Сам митрополит Евлогий был духовным лидером и спасителем многих судеб православных людей из совершенно разных социальных слоев русского общества, которые вынужденно ока-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Недзвецкая Н.П. Знаменательный юбилей в Париже // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 289—292. DOI: 10.5281/zenodo.15424650.

зались во Франции в результате начала Первой мировой войны и Революции в России. Пережив Вторую мировую войну, когда в оккупированном Париже Свято-Сергиевский православный богословский институт продолжал функционировать, митрополит Евлогий покинул земной мир в 1946 г.

Для Свято-Сергиевского православного богословского института в 1924 г. было приобретено специальное здание с земельным участком в 19-м аррондисмане Парижа. Это событие произошло 18 июля — в день Сергия Радонежского, и тогда было принято соответствующее решение дать имя православного святого богословскому учебному заведению, а купленное старинное владение превратилось в Свято-Сергиево подворье. Незадолго до начала Второй мировой войны институт получил право присваивать степени магистра и доктора по теологии, а начиная с 1953 г. Свято-Сергиевский православный богословский институт ежегодно организует и проводит «Неделю литургических исследований». За прошедшие сто лет Свято-Сергиевский православный богословский институт подготовил сотни священников, епископов и богословов, служащих во многих странах мира, в которых утвердилось православие. В настоящее время преподавание в институте ведется по Болонской системе в очной и заочной формах.

Среди тех, кто стоял у истоков создания во Франции Свято-Сергиевского православного богословского института, был протоиерей Сергей Булгаков (1871 г. р.), в прошлом выпускник Московского университета, который в 1912 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Философия хозяйства». Спустя десять лет, в 1922 г., С.Н. Булгаков был изгнан большевиками из страны и покинул Родину на печально известном «философском пароходе». В первые годы своей жизни в Европе С.Н. Булгаков оказался в Праге и начал преподавать теологию, а затем перебрался в Париж, где сначала стал профессором кафедры догматического богословия, а затем в 1931 г. — инспектором. В 1940 г. С. Булгаков назначается деканом, а спустя три года, в 1943 г., награждается митрой.

Творческое наследие С.Н. Булгакова трудно переоценить, оно постоянно изучается и остается актуальным и в наши дни. Так, его диссертация и родившееся много десятилетий спустя направление

философско-хозяйственной мысли благодаря уникальному российскому ученому профессору Ю.М. Осипову привели к созданию новой научной школы философии хозяйства в стенах экономического факультета МГУ. Многолетнее плодотворное сотрудничество связывает лабораторию философии хозяйства со Свято-Сергиевским православным богословским институтом. Достаточно вспомнить хотя бы некоторые из многочисленных мероприятий, организованных и проведенных совместно в Париже на базе Свято-Сергиевского православного богословского института:

- 2011 г. — Международный симпозиум «Русская мысль в Париже: С.Н. Булгаков» (к 140-летию со дня рождения);
- 2013 г. — II российско-французский симпозиум «Русская мысль в Париже: Н.А. Бердяев»;
- 2015 г. — Международный симпозиум «XXI век — феномен нового человека: Европа, Россия и мир» (к 90-летию Свято-Сергиевского православного богословского института);
- 2017 г. — Российско-французский научный симпозиум «Европа и Россия сегодня — софийный подход к взаимному бытию»;
- 2018 г. — VI Российско-французский научный симпозиум «Человек и общество в оцифрованные времена»;
- 2019 г. — VII Российско-французский научный симпозиум «Постмодерн и идеология».

В 2000 г. лабораторией философии хозяйства была разработана и учреждена специальная медаль С.Н. Булгакова «Свет Невечерний», которой уже четверть века награждаются современные российские и зарубежные ученые. В 2019 г. медаль «Свет Невечерний» была вручена протоиерею Николаю Чернокраку, доктору философии и на протяжении многих лет декану Свято-Сергиевского православного богословского института, «за беззаветное служение Истине, за сбережение и обогащение русской зарубежной мыслью».

По случаю юбилейного заседания Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже 1 мая 2025 г. заведующий лабораторией «Философии хозяйства» экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова профессор Ю.М. Осипов послал следующее поздравление:

«Le comité scientifique “Centre des Sciences Sociales de l’Université d’État de Moscou” et le laboratoire de recherche “Philosophie de

l'Économie" de la faculté d'Économie de l'Université d'État de Moscou Lomonossov présentent leurs félicitations aux membres de l'Institut de Théologie Orthodoxe Saint-Serge pour son centième anniversaire, et expriment leur grande satisfaction vis à vis de notre coopération mutuelle de long terme, et souhaitent de nouveaux efforts fructueux dans les activités futures!

*Chef du laboratoire "Philosophie de l'Économie"
Professeur Yu.M. Ossipov*¹.

* * *

11 апреля 2025 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Международной научной конференции «Настоящее и будущее социально-экономического развития: потенциал ИИ и новые вызовы» (Ломоносовские чтения — 2025) состоялось заседание секции лаборатории философии хозяйства на тему: «Технонейрореволюция и судьба человека», на котором выступили 14 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, К.В. Молчанов, М.Ю. Павлов, И.Ю. Фомичев (Тюмень); кандидаты наук В.Е. Гаврилова, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), С.С. Мерзляков, И.П. Смирнов, Р.Е. Соколов, Г.В. Фадейчева; научный сотрудник Т.С. Сухина; ведущий инженер И.Г. Морозов; аспирант И.З. Гелисханов.

¹ «Научный совет "Центр общественных наук МГУ" и научно-исследовательская лаборатория "Философии хозяйства" экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова поздравляют коллектив Свято-Сергиевского православного богословского института со 100-летним юбилеем, выражая большое удовлетворение взаимным многолетним сотрудничеством, и желают новых успешных деяний в будущей деятельности! *Заведующий лабораторией философии хозяйства, профессор Ю.М. Осипов*».

АНОНСЫ — 2025

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

из цикла

«Средняя Россия: земля и люди»

на тему:

***«Актуальное бытие российское:
как есть и камо грядеши?»***

Как живет, как может, на российской земле, да вовсе не в одном аграрном секторе, не только в производстве, в потреблении, в авто, в дороге, а в целом, по всему цветущему спектру то ли человеческого, то ли не очень человеческого, то ли уже и постчеловеческого бытия, да и не на одной Тамбовщине, а повсюду: Россия, которая, правда, уже, может, и не совсем Россия, ведь велика, разнообразна, безмерна?

Июнь — июль 2025 г.

(МГУ, экономический факультет
совместно с Тамбовским государственным университетом
имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района
Тамбовской области)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2025

Всероссийский научный симпозиум

«Отцы и дети: кто куда?»

Как бы отцам не впасть в технотронное детство, а детям не попасть в электронно-сетевые отцы! Впрочем, чего на свете и в тени не бывает: прогресс, он и есть прогресс!

Сентябрь — октябрь 2025 г.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура»

Секции:

Секция 1. Социум в борьбе с антисоциумом.

Секция 2. Хозяйство и кабала: постэкономики.

Секция 3. Культура под прессом антикультуры.

3—5 декабря 2025 г.

(экономический факультет МГУ, смешанный формат)

3 декабря — пленарное заседание «Событийный калейдоскоп и столбовая дорога перемен» (смешанный формат).

4 декабря — работа секций (смешанный формат).

5 декабря — панельная дискуссия на тему: «Камо грядеши: 2025-й и далее» (смешанный формат).

Информация о конференции будет размещена на сайте лаборатории философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/>.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

СТОЖКО ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия (*d.k.stozhko@mail.ru*).

СТОЖКО КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, кафедра философии, Институт аграрно-экологических проблем и управления сельским хозяйством; главный научный сотрудник, Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия (*kostskp@mail.ru*).

МУРЗАНОВА ЛЯЙСАН АЗАТОВНА,

кандидат философских наук, ассистент, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия (*liaisan.murzanova@gmail.com*).

ПАВЛОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*1tm@mail.ru*).

СЕВАСТЬЯНОВ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ,

аспирант, Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия (*nikolaisevas@yandex.ru*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

МИХАЛЕВ ДАНИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,

аспирант, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия (*danil.mikhalev.2001@mail.ru*).

ХУБИЕВ КАЙСЫН АЗРЕТОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*khubiev48@mail.ru*).

БИРЮКОВ ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления, Омская гуманитарная академия, Омск, Россия (*sciencebv@gmail.com*).

ЧУЛКОВ ЛЕОНИД КОНСТАНТИНОВИЧ,

старший преподаватель, кафедра философии, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия (*chulkovlk@yandex.ru*).

ЧЕРЕДНИЧЕНКО ЛАРИСА ГЕННАДИЕВНА,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории, РЭУ имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия (*cherednlarisa@yandex.ru*).

МАТЫЦЫН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

директор, ZGME TRADING FZ, Дубай, ОАЭ (*avmatytsyn@gmail.com*).

ДЖАБРАИЛОВ АДИБ МИЛЛАТ ОГЛЫ,

студент магистратуры, Высшая школа финансов, РЭУ имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия (*adil.dzhabrailov45@bk.ru*).

ЛАПИДУС МАРК КОНСТАНТИНОВИЧ,

студент магистратуры, Высшая школа финансов, РЭУ имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия (*mark.lapidus@mail.ru*).

РОЗИНСКАЯ НАТАЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*natalja.rozinskaja@yandex.ru*).

КАПКАНЩИКОВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики, филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе, Севастополь, Россия (*kapkansv@mail.ru*).

АРЗУМАНЯН МАРИЯ АРТУРОВНА,

научный сотрудник, Центр экономической теории социального сектора, Институт экономики РАН, Москва, Россия (*arz.marie@mail.ru*).

КОЗЛОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ЮРОСЛАВОВИЧ,

старший преподаватель, кафедра международных отношений и внешней политики, исторический факультет, Донецкий государственный университет, Донецк, Россия (*al.yu.kozlovskiy@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nnrostova@yandex.ru*).

МОРОЗОВ ИВАН ГЕРМАНОВИЧ,

ведущий инженер, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*ivansmail@list.ru*).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Приволжский филиал Института социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Нижний Новгород, Россия (*shirokalova@list.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Институт бизнеса и делового администрирования, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия (*managerial@mail.ru*).

НЕДЗВЕЦКАЯ НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА,

кандидат экономических наук, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

STOZHKO DMITRIY KONSTANTINOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia (*d.k.stozhko@mail.ru*).

STOZHKO KONSTANTIN PETROVICH,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Institute of Agrarian and Environmental Problems and Agricultural Management; Chief Researcher, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia (*kostskp@mail.ru*).

MURZANOVA LYAYSAN AZATOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia (*liaisan.murzanova@gmail.com*).

PAVLOV MIKHAIL YUR'EVICH,

Doctor of Economics, Leading Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*1tm@mail.ru*).

SEVAST'YANOV NIKOLAY SERGEEVICH,

Postgraduate Student, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia (*nikolaisevas@yandex.ru*).

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

MIKHALEV DANIL ALEKSEEVICH,

Postgraduate Student, Naberezhnye Chelny Institute (branch) Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia (*danil.mikhalev.2001@mail.ru*).

KHUBIEV KAYSYN AZRETOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*khubiev48@mail.ru*).

BIRYUKOV VITALIY VASIL'EVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Management, Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russia (*sciencebvv@gmail.com*).

CHULKOV LEONID KONSTANTINOVICH,

Senior Lecturer, Department of Philosophy, Volga State Technological University, Yoshkar-Ola, Russia (*chulkovlk@yandex.ru*).

CHEREDNICHENKO LARISA GENNADIEVNA,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (*cherednlarisa@yandex.ru*).

MATYTSYN ALEKSANDR VLADIMIROVICH,

CEO, ZGME TRADING FZ, Dubai, United Arab Emirates (*avmatytsyn@gmail.com*).

DZHABRAILOV ADIL MILLAT OGLY,

Master's Degree Student, Higher School of Finance, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (*adil.dzhabrailov45@bk.ru*).

LAPIDUS MARK KONSTANTINOVICH,

Master's Degree Student, Higher School of Finance, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (*mark.lapidus@mail.ru*).

ROZINSKAYA NATALIYA ANATOL'EVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*natalja.rozinskaja@yandex.ru*).

KAPKANSHCHIKOV SERGEY GENNAD'EVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University, Branch in Sevastopol, Sevastopol, Russia (*kapkansv@mail.ru*).

ARZUMANYAN MARIYA ARTUROVNA,

Researcher, Center for Economic Theory of the Social Sector, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*arz.marie@mail.ru*).

KOZLOVSKIY ALEKSEY YUROSLOVICH,

Senior Lecturer, Department of International Relations and Foreign Policy, Faculty of History, Donetsk State University, Donetsk, Russia (*al.yu.kozlovskiy@mail.ru*).

SHULEVSKIY NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

ROSTOVA NATAL'YA NIKOLAEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nnrostova@yandex.ru*).

MOROZOV IVAN GERMANOVICH,

Senior Engineer, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*ivansmail@list.ru*).

SHIROKALOVA GALINA SERGEEVNA,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher, Volga Branch of the Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia (*shirokalova@list.ru*).

SHEVCHENKO IGOR' GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Institute of Business and Business Administration, RANEPa under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia (*managerial@mail.ru*).

NEDZVETSKAYA NATALIYA PAVLOVNA,

Candidate of Economics, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация

формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. **Подписку** на журнал (6 номеров в год) можно оформить в Агентстве «Урал-Пресс». Индекс — 83115. **ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА (ural-press.ru)**. Со всеми вышедшими с 1999 г. номерами журнала можно ознакомиться в редакции.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагать другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.